

**ДНЕВНИК
АЛТАЙСКОЙ ШКОЛЫ
ПОЛИТИЧЕСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЙ
№26. Сентябрь 2010 г.**

**Современная Россия и мир:
альтернативы развития
(Россия и Западная Европа:
влияние образов стран
на двусторонние отношения)**

Материалы международной
научно-практической конференции

**Барнаул
Издательство Алтайского
государственного университета
2010**

ББК 66.3(2 Рос-4 Алт) я431
Д 541

Редакционная коллегия:

доктор исторических наук, профессор Чернышов Ю.Г. (отв. редактор), кандидат исторических наук, доцент Аршинцева О.А., кандидат исторических наук, доцент Бетмакаев А.М., Исакова С.Н. (отв. секретарь), кандидат исторических наук Козулин В.Н., кандидат исторических наук, доцент Курныкин О.Ю., кандидат исторических наук Рубцов П.В.

Д 541 Современная Россия и мир: альтернативы развития (Россия и Западная Европа: влияние образов стран на двусторонние отношения): материалы международной научно-практической конференции / под ред. Ю.Г. Чернышова – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2010. – 220 с.
ISBN 978-5-7904-1090-1

Сборник содержит материалы интернет-конференции, проходившей в апреле-июне 2010 г., и научно-практической конференции, состоявшейся 17–18 сентября в Алтайском государственном университете. Более 30 докладов были представлены учеными из 16 городов России и Украины (Барнаула, Брянска, Владивостока, Волгограда, Воронежа, Екатеринбурга, Киева, Москвы, Омска, Петрозаводска, Самары, Саратова, Северодвинска, Томска, Тюмени, Ульяновска). В качестве приложения даны материалы «круглого стола» по выборам президента Украины.

Издание предназначено не только для специалистов (имиджмейкеров, историков, международников, политологов и др.), но и для всех, кто интересуется проблемами формирования образов стран и их влияния на международные отношения.

ББК 66.3(2 Рос-4 Алт) я431

ISBN 978-5-7904-1090-1

© Алтайская школа политических исследований, 2010
© Оформление. Издательство
Алтайского госуниверситета, 2010

Образы стран и международные отношения (предисловие ответственного редактора)

В этом издании публикуются доклады, поступившие на конференцию «Современная Россия и мир: альтернативы развития (Россия и Западная Европа: влияние образов стран на двусторонние отношения)», а также материалы «круглого стола», посвященного итогам выборов президента Украины.

В апреле-июне 2010 года научная дискуссия по теме влияния образов стран на международные отношения была проведена в Интернете. Поступило 30 докладов из 16 городов России и Украины. Затем 17-18 сентября в Алтайском государственном университете прошла традиционная ежегодная конференция Алтайской школы политических исследований. В ее организации приняли участие АлтГУ (кафедра всеобщей истории и международных отношений), Алтайское отделение Российской ассоциации политической науки, Европейский учебный институт при МГИМО (У) МИД РФ, Конгресс интеллигенции Алтайского края.

На конференции было прочитано 14 докладов, в их обсуждении приняли участие более 60 участников - преподаватели вузов, общественные деятели, студенты.

Во вступительном слове на открытии конференции председатель оргкомитета отметил:

«Тема взаимного восприятия разных стран и создания позитивного имиджа страны сейчас всё чаще и чаще поднимается на самом высоком уровне, и наш долг, как экспертов, оценить, насколько удачно это делается. Я хотел бы подчеркнуть специфику нашей конференции: мы всегда старались следовать трём принципам: «неангажированность, научность, демократизм». Если бы были противоположные «принципы», тогда бы, возможно, было больше денег на проведение конференций. Но всегда более ценна объективная точка зрения на то, что происходит, а не какая-то пропаганда, которая быстро проходит и только искажает реальную картину. Наша задача – выявить то, «что есть на самом деле».

Уже не первый год мы обсуждаем понятие «международный имидж России»¹. Насколько позитивно наша страна воспринимается в других странах, какие негативные стереотипы существуют в отношении нашей страны? Достаточно серьезный материал накоплен, и хоте-

¹ Подробнее см. материалы конференций на сайте: <http://ashpi.asu.ru/talks.html>

лось бы, чтобы эти объективные экспертные оценки учитывались при выработке государственной политики, государственных решений. Попытки улучшить имидж есть, но иногда смотришь, и горько становится, или от непродуманности замысла, или от неудачной реализации. Недавний пример с тремя машинами «Лада Калина», на которых совершался автопробег. Как повернулось все в конечном счете? Это оказалось неудачным пиаром, на мой взгляд. То есть, все обернулось в обратную сторону, а деньги потрачены, причем, как заметил один очевидец, равные годовому бюджету небольшого города. Поэтому есть смысл привлекать серьезных экспертов к выработке таких имиджевых решений с тем, чтобы корректировать имидж. И главное, надо стараться быть, а не казаться. Главное – то, что есть на самом деле, а не то, что хотят изобразить.

По поводу терминов. Термины «имидж» и «образ», «государство» и «страна» надо различать. Мы исходим из того, что «образ» – более широкое понятие, чем имидж, бренд, репутация. И это объективно сложившийся образ, который включает, в частности, целенаправленно формируемый имидж. Что касается понятий «государство» и «страна», то их тоже надо различать, поскольку «страна» – понятие более широкое, чем «государство». Когда говорят о государстве, подразумевают, прежде всего, государственные структуры. Страна – это и природа, и ее история, и народ, и стереотипы об этом народе и т.д. То есть, в нашей теме заявлены расширенные трактовки - и образа, и страны.

Как страны воспринимали друг друга? Взаимное восприятие – тема совершенно новая в науке. Писали об этом, конечно, и раньше. Есть масса мнений путешественников, которые ездили по России, описывали, как они воспринимают Россию. И наши путешественники ездили в другие страны и рассказывали о России. Сложившиеся стереотипы из поколения в поколение передавались. Научно это всё начинает изучаться только в последнее время. Нет пока серьёзной методологической базы, как анализировать образ страны, имидж страны. Есть только первые заявки. Наша конференция не закроет эти вопросы, естественно, но она, я надеюсь, позволит продвинуться вперед.

В целом, мне кажется, нашему обществу ещё надо двигаться по пути самоидентификации. Нам надо четче ответить на вопросы: «Кто мы? Где мы находимся сейчас? Как мы соотносимся с Европой? Мы часть Европы или мы антипод Европы?». Это тоже в этой теме заложено. От образа Другого мы зачастую выстраиваем свою идентичность.

Если посмотреть нашу государственную символику в связи с вопросом идентичности, то обнаруживается очень интересная вещь.

Процесс принятия символики проходил достаточно сложно. Шло обсуждение, была острая дискуссия. Скажем, одни группы населения протестовали против трёхцветного флага, другая группа протестовала против возобновления музыки советского гимна. Герб тоже у некоторых ассоциировался с монархизмом и т.д. В конечном счете, эту дискуссию закрыли.

Символика была принята в результате «навязанного компромисса», но если проанализировать, какой образ России она несет вовне, то получается, что это не цельный образ. С одной стороны, может быть, положительно то, что достигли какого-то консенсуса. У нас отражена вся история страны в этой символике. Герб во многом связан с той эпохой, которая описывалась формулой: «Самодержавие, православие, народность». Там, пожалуй, эти идеи наиболее четко отражены. Флаг в меньшей степени несет какую-то содержательную информацию, но, как минимум, он ассоциируется с самыми разными эпизодами истории, в том числе с победой демократических сил в 1991 году. Он сейчас принимается значительной частью общества, согласно социологическим опросам. Постепенно идет адаптация, и даже новые слова гимна заучивают, особенно молодое поколение. Но гимн у нас все-таки ассоциируется с советской эпохой.

Поэтому получается, что, с одной стороны, хорошо, что мы объединили все эпохи – каждому идеологическому направлению соответствует что-то свое. С другой стороны, нет четкого ответа, какое государство мы строим. У нас в Конституции записано: «правовое, демократическое государство», но четкости представления, что мы строим это государство, у нас нет. Поэтому у нас часто на высшем уровне колеблются по поводу того, как относиться, например, к Сталину. Кто-то его хвалит, кто-то ругает, то есть, нет определенности в оценке его деяний.

Наша идентичность пока не до конца ещё определена и, очевидно, это объективно, потому что в переходную эпоху идет ломка тех устоев, которые были раньше. Все это мы сейчас переживаем, поэтому сейчас особая роль у думающих людей, у интеллектуального класса, который и должен вырабатывать новые идеи, новые ценности.

Я надеюсь, что эта конференция поможет хотя бы немного продвинуться к большей определенности».

Затем с приветственным словом к участникам конференции обратилась декан исторического факультета АлтГУ доктор исторических наук, профессор Е.В. Демчик.

На конференции прозвучало 14 докладов, однако в сборнике публикуются и те доклады, которые поступили на Интернет-

конференцию. Для того, чтобы читателям было легче ориентироваться в содержании всех опубликованных докладов, ниже приводятся их аннотации.

Секция 1. Основные теоретические подходы к проблеме влияния образов стран на международные отношения.

Аршинцева О.А., Моница Л.В. *Россия и США в экспертных оценках: попытка сравнения*. Аннотация: В докладе предпринимается попытка сравнительного анализа образов России и США в наиболее репрезентативных концепциях известных представителей экспертного сообщества политологов-международников Джона Айкенбери и Алексея Богатурова. Теоретические, содержательные и терминологические особенности обеих концепций дают возможность их комплексной сравнительной характеристики, что, в свою очередь, позволяет выявить соотношение профессиональных воззрений и идеологических предпочтений в каждой из них.

Буланов М.В. *«Soft power» как подход к формированию образа государства в американской политической науке*. Аннотация: Американские ученые более двадцати лет занимаются разработкой проблемы формирования положительного образа страны и влиянием этого явления на внешние и внутренние политические процессы. Глобализирующийся мир дает новые возможности в данной сфере, обеспечивая непосредственный доступ практически каждого человека к любой информации, которая может быть достоверной или искаженной, но которая уже сегодня влияет на расстановку сил на международной арене.

Даркина А.В. *Интеграционная риторика в североамериканском научном сообществе (1960–1970-е гг.)*. Аннотация: Значительным стимулом к началу реализации идей сближения североамериканских наций стало завершение Второй мировой войны, что привело к началу европейской интеграции. На протяжении длительного времени американские политики и исследователи внимательно наблюдали за евроинтеграционными процессами, которые вызывали живой интерес в американском обществе, способствуя развитию дискуссий и споров относительно возможных путей интеграции на региональном, североамериканском, уровне.

Крестинина Е.С. *Политическая идентичность как фактор двусторонних отношений: теоретический аспект*. Аннотация: В докладе кратко характеризуется феномен политической идентичности. Автор останавливается на тех позициях теории идентичности и тех составляющих политической идентичности как явления, которые представляются значимыми для анализа межгрупповых взаимодействий, в том

числе – межгосударственных отношений. По мнению автора, политическая идентичность, как промежуточное звено между бессознательным и рефлекслируемым, является «рамкой», во многом определяющей характер возможного взаимодействия.

Курныкин О.Ю. *Восприятие стран Запада в мусульманском мире (к постановке проблемы)*. Аннотация: В докладе рассматриваются устойчивые негативные стереотипные представления о странах Запада, сложившиеся в современном массовом сознании арабомусульманского мира, и перспективы преодоления конфронтационности в исламо-христианских отношениях.

Николаенко Д.В., Бойко О.С. *Здоровье населения страны как основа ее имиджа и фактор в двусторонних отношениях*. Аннотация: Образ страны зависит не только от его внешней политики. Все большую значимость начинают иметь факторы внутренней политики. Здоровье населения и в особенности ВИЧ и ТБ-инфицированность становятся в высшей степени значимыми для имиджа страны. Данные эпидемические процессы развиваются как тень от социо-культурной организации общества. Неспособность постсоветских государств решать проблемы, которые связаны с ВИЧ/СПИД и ТБ, откровенно пугают.

Полтораков А.Ю. *«Европейская идентичность» как фактор региональной безопасности*. Аннотация: В докладе на примере использования в геополитическом дискурсе «европейской идентичности» и «европейских ценностей» доказывается, что геокультурный элемент имманентно присутствует в отношениях России и Украины с ЕС, в том числе в сфере безопасности. ЕС выполняет функции ключевого органа сотрудничества в рамках европейской составляющей «Западной» цивилизации. Несоответствие «европейской идентичности» является одним из важнейших факторов, которые усложняют отношения Турции с ЕС и, частично, с НАТО (ведь принятие Турции в НАТО было обусловлено исключительно реалиями «холодной войны» и блокового противостояния). Подобная ситуация наблюдается и в отношениях России и Украины со странами и организациями Запада.

Сибиряков С.А. *Политико-управленческая элита и общественное сознание украинского общества в условиях смены внешнеполитического курса страны*. Аннотация: Анализ данных мониторингового исследования социетальных изменений в украинском обществе 1992-2009 гг. свидетельствует о том, что после очередного общественного хаоса в Украине снизилась кризисная напряженность после серии выборов. Однако существует опасность противостояния, потому что элитные группы не структурированы по глубинным ценностям и нет единой для всей элиты экзифинальной цели процесса (национальной идеи).

Очередное испытание – экономическая дифференциация общества, создавшаяся под воздействием финансово-промышленных групп. Это испытание дополнительно усложняется действием внешних факторов.

Чуваткин Д.Н. *Международная обстановка в начале XXI в.: основные военные акторы, их цели и интересы*. Аннотация: Современный геополитический порядок, далеко не такой уж фрагментарный, по-прежнему отягощен проблемами глобальной стратегической взаимосвязанности. При этом отсутствие какой-то серьезной глобальной военной конкуренции (типа «холодной войны» или империализма XIX в.) не следует принимать за процесс военной деглобализации.

Секция 2. Эволюция образа России в странах Западной Европы.

Бетмакаев А.М. *Феномен «культурной холодной войны» в зарубежной историографии международных отношений*. Аннотация: В докладе анализируются зарубежные исследования 2000-х гг., которые рассматривают Холодную войну через призму конфликта культур, менталитета и идеологий.

Вакалова А.Ю. *Чеченская война во французских СМИ. Ее влияние на имидж России во Франции*. Аннотация: В данной работе предпринята попытка представить мониторинг французской прессы по тематике Чеченских войн и определить уровень влияния французской периодики на имидж России во Франции периода конфликта.

Гайкин В.А. *Россия между Европейским союзом и Китаем*. Аннотация: В евразийской геополитической системе Россия должна будет стать третьим интегративным центром (наряду с Европейским союзом и Китаем), привязав к себе монголоидные государства Центральной Азии, Корею и Японию и тем самым опередив Китай в его естественном стремлении создать союз монголоидных государств: Китай, Корея, Япония, Монголия, Центральная Азия. Создание в октябре 2000 г. в Астане Евразийского (экономического) союза – не каприз «кремлевской верхушки», а логический этап мирового исторического процесса.

Горбелева Е.А. *Образ белорусов и его характерные черты в российском общественном сознании*. Аннотация: Автор ставит своей целью изучить характерные черты образа представителей белорусской народности в России и проследить процесс его формирования. Были использованы материалы социологических опросов, новостные и аналитические блоки информ-агентств, а также научные исследования. Основными методами исследования стали историко-сравнительный и аналитический методы.

Грушина В.Ю. *Стереотип восприятия России в массовом сознании Великобритании в период Первой мировой войны*. Аннотация: Уча-

ствие России в составе Антанты в Первой мировой войне потребовало формирования привлекательного образа союзника. В докладе рассматривается, в частности, эпизод с распространением слуха о переброске русских войск на западный фронт через территорию Великобритании. В образе России, который усиленно формировался в Британии, акцент делался в первую очередь на силу и огромную численность русской армии.

Десятков А.В. *Политика России в приднестровском урегулировании (западноевропейские оценки)*. Аннотация: В докладе рассматривается влияние образа России в западноевропейском дискурсе на отношение к действиям Москвы в приднестровском урегулировании. Автор приходит к выводу, что неопределенность этого образа, которая заметна особенно в 2000-е гг. несмотря на распространение негативных суждений о российской внешней и внутренней политике, препятствует закреплению конфликтного взаимодействия с Москвой по вопросу политики на постсоветском пространстве в качестве основы для двусторонних отношений Западной Европы и России.

Кагирова Г.В., Кагиров Б.Н. *Динамика отношений стран Европы и России*. Аннотация: Россия не была изолированной страной и с древних времен поддерживала отношения со многими государствами как Европы, так и Азии. Заметное ухудшение отношения наблюдалось в XX веке, что во многом было связано с политическими причинами. Однако сейчас происходит сближение между странами, которое может привести к переоценке старых обид и к большему взаимопониманию.

Коваленко Л.Г. *Некоторые аспекты образа России в мире*. Аннотация: Политический имидж России в мире неоднозначен и противоречив, что связано и с ее историей, и с современными процессами; во многом это обусловлено заявлениями политиков и непродуманными действиями власти на всех уровнях внутри страны и в мире.

Козулин В.Н. *Джером Клапка Джером о предреволюционной России (к вопросу о «футурологии» английской Россики)*. Аннотация: Английский писатель Джером К. Джером был очень популярен в дореволюционной России. По впечатлениям от визита в Россию (в 1899 г.) он написал небольшой очерк «Russians as I Know Them» (в другом издании «Creatures That One Day Shall Be Men»), сразу же опубликованный и на русском под названием «Люди будущего». Этот рассказ почему-то обделен вниманием в историографии так называемой «британской Россики». А между тем, он является достаточно показательным и, очевидно, отражает традиционные стереотипы восприятия России и русских в демократических кругах Англии. Джером с большим сочувствием относится в нем к русскому народу, искренне восхищается его

талантами и верит в его большое будущее. Однако, как и очень многие иностранцы, особенно демократически настроенные, он критикует политический режим в России, коррупцию и засилье чиновников и предупреждает (ссылаясь на мнения самих же русских, услышанные им во время визита в Россию) скорую кровавую революцию.

Кошляков Д.М. *К вопросу о генезисе внешнеполитического образа постсоветской России*. Аннотация: В докладе рассматривается генезис внешнеполитического образа постсоветской России. В качестве одного из компонентов внешнеполитического образа России рассматриваются представления о роли СССР во Второй мировой войне, свойственные жителям ведущих стран Европы.

Кротов А.В. *Формирование позитивного имиджа России в европейских странах: факторы и проблемы*. Аннотация: Рассматривая факторы формирования имиджа России в Европе, автор, в частности, полагает, что России стоит создать новые маркеры-события. Страна должна занять свое место в новостях. Например, как координатор мировых процессов, имеющих отношение к экологии, развитию коренных народов, решению фундаментальных научных проблем. РФ может (пока это не получается) выступить медиатором крупнейших глобальных территориальных конфликтов (Палестина, Нагорный Карабах, Ферганская долина), стать реальным лидером, предлагающим оригинальные решения в проблеме обеспечения пресной чистой водой населения мира.

Лекаренко О.Г. *Восприятие советского экономического вызова на Западе в конце 1950-х - начале 1960-х гг.* Аннотация: В данной работе рассматриваются оценки западных экспертов экономического развития СССР в конце 1950-х - начале 1960-х гг. В это время советская экономика развивалась наиболее динамично и являлась вполне конкурентоспособной в «третьем мире», а также бросала реальный вызов самим Соединенным Штатам. Автор оценивает влияние, которое оказывало восприятие советского экономического вызова на соревнование двух общественно-политических систем в годы «холодной войны» и формирование внешнеэкономической политики США в начале 1960-х гг.

Митяева Ю.А. *Региональные имидж-технологии vs. сетевая реальность (на примере освещения сотрудничества между Алтайским краем и французским регионом Франш-Конте)*. Аннотация: Автор пытается исследовать виды и специфику интернет-технологий формирования имиджа власти; на примере сотрудничества Алтайского края и французского региона Франш-Конте изучить влияние интернет-технологий на процесс формирования имиджа региональной власти.

Мухаметов Р.С. *Роль публичной дипломатии в формировании международного имиджа России*. Аннотация: Доклад посвящен имиджу России за рубежом. В работе рассмотрены основные пути и механизмы формирования позитивного международного имиджа страны. Автор внес некоторые уточнения в определение публичной дипломатии. Излагаются основные программы продвижения благоприятного образа России за рубежом. Автор приходит к выводу, что создание эффективно действующей системы публичной дипломатии позволит России обеспечить свои национальные интересы.

Попытаев Д.С. *Формирование образа прошлого России в контексте государственной символики (по материалам дискуссий в Государственной Думе)*. Аннотация: В докладе делается попытка дать характеристику версий образа прошлого российского сообщества, которые обсуждались в российском публичном дискурсе на протяжении 90-х гг. Версии рассматриваемого образа выявляются по материалам дискуссий, разворачивавшихся в Государственной Думе во время обсуждения вопроса о принятии государственной символики России.

Романова Е.В. *Особенности информационной деятельности органов местного самоуправления (на примере г. Барнаула)*. Аннотация: Информационную деятельность в органах государственной власти осуществляет пресс-служба, основная функция которой – информирование общественности через средства массовой информации. При изучении основных направлений деятельности пресс-службы Администрации Алтайского края был выявлен ряд проблем и даны рекомендации, связанные с недостаточным развитием каналов обратной связи органов власти с населением.

Сопко В.М. *Восприятие бренда Сочи-2014 в России и за рубежом*. Аннотация: В докладе проводится анализ визуальных и вербальных атрибутов бренда Сочи-2014 – таких, как заявленные ценности, эмблема, слоган, промо-ролик, гимн и символ. Целевой аудиторией является российское и мировое сообщество, для каждой целевой группы были поставлены определенные цели и разработаны маркетинговые стратегии. Методами исследования стали мониторинг, анализ и последующий синтез информации, полученной на форумах, общественных опросах, новостных ресурсах, в публикациях и на официальном сайте Сочи-2014.

Третьякова С.Н. *Положительные образы Российской империи в британской прессе*. Аннотация: В докладе рассматриваются сочинения известного британского журналиста У.Т. Стэда, который, по его собственному признанию, много лет был «адвокатом» политики российских правителей в британской прессе. В 1888 г. он приезжает в Россию, по-

лучает аудиенцию у Александра III первым из иностранных журналистов. Итогом поездки стала книга «Правда о России», которая была встречена очень неоднозначно и в Англии, и в России.

Шевякова М.А. *Образ России в британской прессе в период президентства В.В. Путина (по материалам газеты «The Guardian»)*. Аннотация: Доклад посвящен эволюции образа России на страницах британской газеты «The Guardian» в период президентства В.В. Путина. При помощи качественного контент-анализа автор рассматривает то, как газета освещает внешнеполитическую деятельность России в указанный период. В частности, как оценивается положение России на международной арене, ее отношения с США, ЕС и СНГ. Во избежание неточностей, связанных с переводом, все анализируемые конструкты представлены на английском языке.

Секция 3. Восприятие стран Западной Европы (Великобритании, Германии, Италии, Франции и др.) в Российской Империи, в СССР и в современной России.

Евдокимова Т.В. *Рейхсканцлеры Веймарской республики глазами сотрудников Полпредства РСФСР-СССР в Германии*. Аннотация: Архивный материал, представленный в докладе, позволяет судить о том, что сотрудники советского Полпредства воспринимали рейхсканцлеров Германии через призму государственных интересов, имевших значительную партийно-идеологическую окраску. Разрешение проблем в германо-российских отношениях Веймарского периода во многом зависело от объективного восприятия друг друга обеими сторонами.

Ильин А.В. *Внешиполитический выбор и советская пропаганда в 1939 году*. Аннотация: В докладе предпринимается попытка выявления соотношения реальной политики и идеологии в процессе принятия советским руководством судьбоносных политических решений в 1939 г., а именно – в процессе выбора между Великобританией и Германией. Были использованы материалы официальной советской печати и пропаганды, а также документы и исследования международных отношений в 30-е годы. Сочетание прямых и косвенных источников позволяет провести анализ как идеологического, так и прагматического факторов в советской внешней политике.

Козлов В.А. *«Испанская партия» конца XV – XVI вв. глазами русских дореволюционных историков*. Аннотация: В работе затронуты некоторые вопросы, связанные с формированием и особенностями представлений российских дореволюционных историков о роли «испанского фактора» в сфере международных отношений на старте Новой истории. Автор считает, что в традицию западноевропейской историографии вошла односторонняя подача роли Испании и Испанской

империи как источника феодально-клерикальной реакции, недостаточно учитывающая внешнюю угрозу всей христианской Европе со стороны Востока. Этот обличительный крен в определённой степени выправлялся в трудах русских историков, чему даётся объяснение. Попутно автор намечает отдельные плоскости, в которых возможно сопоставление испанской и российской истории. В завершение показывается, как отечественные разработки по истории Европы оказали существенное влияние на разработку современных исторических концепций методологического масштаба.

Козлов Л.Е. *Образ Германии в Приморском крае: экономические связи как основа формирования*. Аннотация. Германия, как и большинство великих держав, озабочена состоянием своего имиджа на мировой арене. Укрепление положительных и ослабление отрицательных стереотипов в ее адрес зачастую является результатом политических действий, на первый взгляд, совершенно далеких от сферы культурной дипломатии. Рассматриваются процесс, инструментарий и эффективность формирования положительных для Германии стереотипов в Приморском крае.

Кузьминых Н.Ю. *Имиджевая политика Латвии в отношении Европы и России: трудности и перспективы*. Аннотация: По мнению автора, Латвии не имеет смысла проводить какую-либо определенную имидж-политику в отношении России. Не говоря уже о том, что такой возможности попросту нет. Ориентированность на Европу таких сфер, как туризм, экономика, культурные связи могут обеспечить потребности Латвии по государственному и международному развитию на годы вперед. Шансы на успешную реализацию имидж-политики Латвии по отношению к Европе представляются высокими, но требующими определенного количества времени.

Реут О.Ч. *Баренцев Евро-Арктический регион: динамика российского восприятия*. Аннотация: Баренцев Евро-Арктический регион – одна из трёх международных субрегиональных организаций, в которой принимают участие российские территории. В предлагаемом сообщении приводится краткий анализ развития и дискурсивного изменения российского восприятия противоречий Баренцева регионостроительства и интеграционного сотрудничества.

Широкова М.А. *Славянофилы об отличиях западноевропейского просвещения от просвещения в России*. Аннотация: Автор приходит к выводу, что главный тезис славянофилов заключался в следующем: культура России принципиально отлична от культуры Европы, потому что отличны их вероисповедания, хотя исток у них и общий. Начала как западной, так и русской образованности до сих пор оставались од-

носторонними, но в будущем необходимо примирить обе образованности, создать так называемое «всечеловеческое просвещение», органически включающее в себя и самые основы христианства, сохраненные в православии, и все подлинные ценности Запада, вписанные в новый социально-политический и духовный контекст.

Подводя итоги конференции, ее участники приняли решение провести следующую конференцию через год по теме «Разрешение межгосударственных конфликтов: актуальные уроки истории и современность».

В качестве приложения в сборнике даны материалы «круглого стола» по выборам президента Украины.

Дискуссия на тему “Выборы президента Украины: особенности и результаты избирательной кампании” прошла 9 февраля 2010 г. в Алтайском государственном университете. Она была организована Алтайской школой политических исследований, кафедрой всеобщей истории и международных отношений АлтГУ и Алтайским отделением Российской ассоциации политической науки. Среди примерно 60-ти участников были члены РАПН, преподаватели и студенты (историки, международники, политологи), журналисты.

Открывая дискуссию, профессор Ю.Г. Чернышов сказал о том, почему эта тема важна для России (историко-культурные связи, геополитическое значение Украины, альтернативность вектора политического развития и др.). Были обозначены два блока вопросов, выносимых на обсуждение. Первый связан с избирательной кампанией: в чем ее особенности, насколько корректно она была проведена, есть ли основания говорить о серьезных нарушениях на выборах, перспективно ли оспаривать результаты? Второй блок связан с прогнозами: станет ли Янукович «вторым Лукашенко» или «вторым Кучмой», удастся ли при нем снять проблемы, накопившиеся в российско-украинских отношениях, изменится ли общий вектор развития страны?

Затем перед собравшимися выступил основной докладчик – С.В. Андреев, руководитель Алтайской Школы публичной политики, работавший наблюдателем на украинских выборах во время первого тура. Он предложил вниманию аудитории презентацию с агитационными материалами разных кандидатов, рассказал об особенностях этой кампании. По его мнению, в избирательных комиссиях, наученных опытом «переголосования» 2004-го года, очень ответственно относились к любым погрешностям при подсчете голосов. На участках было много независимых наблюдателей, и массовая фальсификация результатов голосования вряд ли была возможна. Что же касается возможных перспектив, то вряд ли там сложится авторитарный режим. И не стоит

ожидать, что новое руководство пойдет на серьезные уступки России, если это будет в ущерб их собственным интересам.

При обсуждении выступили доценты Л.Г. Коваленко, О.Ю. Курныкин, Г.А. Овчаров, аспирант Н.Ю. Кузьминых, студенты А. Ашимбаева, Н. Волкова, В. Парнев. Было высказано мнение, что, при всех различиях двух кандидатов, Украина уже давно сделала свой цивилизационный выбор, и принципиальные изменения в этом выборе вряд ли будут. Более того: в ходе этих выборов еще четче обозначилась общая украинская идентичность, сгладились различия между «западом» и «востоком» страны. Что же касается показанных по российскому телевидению пропагандистских материалов с попытками дискредитации «оранжевой революции», то они дали скорее обратный эффект – без них Ю. Тимошенко, отстававшая от В. Януковича на 10%, вряд ли смогла бы так существенно сократить разрыв.

При подведении итогов дискуссии был сделан вывод, что, видимо, разумно было бы всем сторонам признать результаты этих выборов. России было бы полезно стараться нормализовать отношения с Украиной, выстраивая их без пропагандистского очернения или восхваления любой из сторон, с уважением к тому выбору, который делают сами граждане Украины.

В целом 26-й выпуск «Дневника АШПИ» содержит, на наш взгляд, немало полезных материалов, которые могут пригодиться гуманитариям и в учебной работе, и в новых исследованиях по сопредельной тематике. Таким образом, традиция ежегодных конференций АШПИ была с пользой продолжена. Начало нашей следующей интернет-конференции запланировано на апрель-июнь 2011 года.

Ю.Г. Чернышов, ноябрь 2010 г.

БАРНАУЛ

**СОВРЕМЕННАЯ РОССИЯ И МИР:
АЛЬТЕРНАТИВЫ РАЗВИТИЯ**

**Международная
научно-практическая конференция
«СОВРЕМЕННАЯ РОССИЯ И МИР:
АЛЬТЕРНАТИВЫ РАЗВИТИЯ
(Россия и Западная Европа:
влияние образов стран
на двусторонние отношения)»,
17–18 сентября 2010 г.**

Секция 1. ОСНОВНЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ПРОБЛЕМЕ ВЛИЯНИЯ ОБРАЗОВ СТРАН НА МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

О.А. Аршинцева, Л.В. Моница

Россия и США в экспертных оценках: попытка сравнения

В переходном состоянии современной международной системы, наряду с традиционными силовыми (материальными) ресурсами, все более заметную роль играют ценностные, морально-психологические, идеологические и другие нематериальные факторы. В условиях растущей взаимозависимости участников международных отношений, которую исследователи определяют как плотность международной среды, представления народов друг о друге в ряду нематериальных факторов влияния на отношения между странами и государствами приобрели самостоятельное значение – еще и благодаря новым возможностям информационного (медийного) пространства. Кроме отмеченных внешнеполитических аспектов, представления о «значимом Другом» имеют прямое отношение к национальной самоидентификации, поскольку в образах внешнего мира находят отражение распространенные в массовом сознании стереотипы, а они – суть зеркало, которое более-менее точно отражает внутреннее состояние общества, страны, государства. Если признать справедливой оценку состояния современного российского общества как кризиса идентичности (О. Малинова, С. Каспэ), то логично предположить, что кризис сказывается на всех уровнях внешнеполитического (геополитического) сознания – официальном, экспертно-аналитическом и массовом. Не претендуя на столь широкий охват проблемы, мы предполагаем рассмотреть образы внешнего мира на уровне, профессионально наиболее близком, – экспертного сообщества международныхников – в части их представлений о стране, которая в российском сознании до сих пор лидирует в рейтинге «значимых Других» – речь идет о США. Дополнительным аргументом в пользу такого выбора является доступность материала для освещения позиции и другой стороны – представлений американских исследователей о современной России, а подобная симметрия дает основание для сравнительного анализа. Нельзя не отметить, что интерес сторон друг к другу подогревается активизацией российско-американских отношений в последние месяцы после заявленной их «перезагрузки».

Отбирая из многочисленного и весьма пестрого по составу экспертного сообщества международныхников наиболее представительные фигуры Джона Айкенбери и Алексея Богатурова, мы руководстvom

лись несколькими соображениями. Оба они представляют поколение исследователей-международников, чьи профессиональные позиции сформировались в последнее десятилетие прошлого века в период динамичной трансформации мировой системы и не подвержены догматизму. Их объединяет совпадение предметных полей – мировая политика, миропорядок, глобальные процессы и тенденции международных отношений, что, в свою очередь, определяет контекст российско-американских отношений, мировых и региональных позиций России и США, как они предстают в исследованиях того и другого авторов. Можно говорить об определенном сходстве теоретических основ их позиций – они оба скорее исповедуют реалистский подход неклассического толка с большим или меньшим включением элементов других концепций. И, наконец, их вряд ли можно причислить к официальным (ангажированным властью) экспертам-советникам, о чем свидетельствует заметная доля критицизма в их оценках внешнеполитического курса своих стран.

Дж. Айкенбери о России

Отмеченный критицизм в статьях Айкенбери последнего времени продиктован внешнеполитическими неудачами республиканской администрации Дж. Буша-мл., в перечень которых он включает нарастание напряженности в отношениях между США и Россией. Главная претензия к внешней политике республиканцев, сформулированная принстонским профессором в последние годы пребывания Буша-мл. у власти, заключалась в том, что взятый им курс на тотальное превосходство США привел к кризису международной системы, поскольку лишил американские действия значительной степени легитимности. Хотя отношения с Россией не являются главным или специальным предметом его интереса, но – наряду с другими негативными тенденциями последнего десятилетия – применительно к российско-американским отношениям он фиксирует отход от договоренностей периода завершения Холодной войны. Советский Союз того времени и нынешняя Россия связаны между собой исторической преемственностью и одновременно отличаются друг от друга не только по объективным геополитическим признакам, это другая страна и с внутривнутриполитической точки зрения, и в модели построения отношений с Западом (США). Термин «умиротворение» применительно к позиции Запада в момент окончания Холодной войны дает ключ к пониманию его исторических аналогий с мирным урегулированием после «горячих» мировых войн XX в. Признавая очевидную разницу в позициях Советского Союза и побежденных в мировых войнах Германии (в 1918 и 1945 гг.)

и Японии (1945 г.), он все же формирует представление о том, что Запад и СССР в момент окончания Холодной войны находились в неравном положении. При этом Айкенбери скорее дискутирует с распространенным тезисом о «победе Рейгана» в Холодной войне, поскольку он искажает реальную картину ее завершения, главным фактором которого стало самоограничение США как великой державы. Это, в свою очередь, дало толчок к ограничению великодержавных начал в мировой политике и продвинуло ее в сторону либерального миропорядка. Сдержанность Запада в отношении недавнего противника, по мнению Айкенбери, в силу своей привлекательности для СССР обеспечила компромисс как основу договоренностей на рубеже 80-90-х гг. XX в. Сдержанность и самоограничение – в противовес самоуверенности и ставке на силу – подобная антитеза демонстрирует приверженность Айкенбери к либеральной традиции в американском внешнеполитическом мышлении.

Проецируя этот подход на внутреннее состояние СССР, он подчеркивает, что реформаторы «горбачевского призыва» даже в попытке вернуть социализм к утраченным фундаментальным ценностям, включая демократию, ориентировались на признанные достижения западной системы. По мнению Айкенбери, они полагали, что завершение Холодной войны и силового противостояния ликвидирует препятствия на пути интеграции Советского Союза в мировое сообщество – как с точки зрения внутренней трансформации, так и участия в коллективных усилиях по решению глобальных проблем. После распада СССР вторая волна – уже российских – реформаторов во главе с Ельциным в качестве ориентира развития предпочла конституционное демократическое и капиталистическое государство. При всей разнице между этими моделями (западная социальная демократия и англо-американский неолиберальный вариант), обе сходились в оптимистичных прогнозах по поводу сроков реализации реформ. Однако предполагаемый в рамках «умиротворения» экспорт капитализма и демократии в Россию нельзя признать полностью успешным. Она по-прежнему «больше напоминает СССР и империю, нежели Швецию и Техас»[1]. Объяснением этому служат как внешние, так и внутренние причины. К первым Айкенбери относит изменения внешнеполитического курса США (договоренности после Холодной войны заключены были в биполярной системе, а на рубеже веков возобладали однополярная тенденция) и болезненную реакцию на них российской стороны, которая проявляется в усилении ностальгии по утраченному статусу и влиянию. Он признает за Россией право на разочарование, поскольку глобальная американская стратегия, ответственность за которую несут

«негибкие» реалисты и неоконсерваторы, не принимала в расчет ее интересов. Примечательно в этой связи, что Айкенбери характеризует совокупность внутренних факторов внешнеполитического процесса в США как столкновение точек зрения и групповых интересов, а позиция российской стороны в его изложении выглядит консолидированной. Так, независимо от партийной принадлежности и политических воззрений, «русские» считают угрозой расширение НАТО на восток и другие действия США в непосредственной близости от российских границ. Объясняя это явление долгим историческим существованием Российской империи и СССР в условиях великодержавной конкуренции, он полагает, что «авторитаризм в России усиливается недовольством россиян политикой США»[2].

Внутреннее состояние России характеризуется незавершенностью перехода к демократии и капитализму, поскольку этот процесс был отягощен «вопиющим социальным неравенством», и «тяжелое наследие 75-летнего правления коммунизма стало серьезным препятствием на пути развития здорового капитализма». Определенную долю ответственности за это должны нести и западные консультанты, которые предлагали неолиберальную модель ускоренной капиталистической трансформации, результатом внедрения которой стала крайняя олигархическая форма распределения богатства в современной России. Это, в свою очередь, ограничивает перспективы российской политической либерализации, способствует консервации авторитаризма политического руководства (Путина), имперского и великодержавного наследия во внешней политике.

Таким образом, современная Россия в характеристике Айкенбери предстает страной с исторической инерцией имперского и советского периодов, которая испытывает ностальгию по утраченному статусу и влиянию; страной, в экономике и обществе которой было начато, но не завершено реформирование по либерально-демократической модели; страной с усиливающимися авторитаристскими началами в политике и консолидацией общественного мнения в восприятии внешних угроз.

Однако, будучи сторонником либерального международного подхода, Айкенбери полагает, что перспективы его реализации зависят от желания американской стороны критически переосмыслить опыт предыдущих двух десятилетий: отказаться от идеи собственного превосходства и предвзятой трактовки окончания Холодной войны и восстановить доверие в отношениях с Россией. Проявляя известный реализм в анализе причин сложившегося положения, Айкенбери в концептуальной основе своей позиции демонстрирует явную приверженность либеральным принципам.

Определенной точкой отсчета в ряду работ А.Д. Богатурова можно считать статью «Лидерство и децентрализация в международной системе»[3]. В ней автор дает периодизацию развития международных отношений со второй половины 80-х гг. прошлого века до настоящего времени и характеристику выделенных этапов. Кроме того – что наиболее существенно для нас – А. Богатуров определяет наиболее значимые с его точки зрения тенденции во внешней политике США. Если в 1986 - 1991 гг. США продолжали демонстрировать сформированные в эпоху «ядерного табу» сдержанность, самоограничение и, как следствие, готовность к компромиссам, то с начала 90-х гг. XX века они переходят к политике вседозволенности. Американская администрация отвергла логику терпимости к «иному», что расценивается А. Богатуриным как полный разрыв с практикой, философией и культурой межгосударственного общения второй половины XX в. Одним из основных положений статьи стал тезис о том, что Соединенные Штаты не сумели преодолеть «соблазны превосходства» в отсутствие малейшего риска возмездия со стороны кого бы то ни было. Одним из таких «соблазнов» стало пренебрежение к правовым и возвращение к силовым регуляторам международных отношений.

Возможная смена администрации в Белом доме в 2008 г., по мнению Богатурова, к существенным изменениям в отношениях США с Россией не приведет. Американских политиков устроило бы сохранение сложившейся к 2000 году системы: «сильное американское лидерство» и «слабая ведомая и дружественная для США Россия». «Более сильная» Россия начала XXI века, к тому же «путинская» (авторитарная) – два обстоятельства, которые, как считает А. Богатуров, способствуют росту антироссийских настроений в политической элите США.

Таким образом, в статье российского исследователя довольно отчетливо выражена мысль о расхождении внешнеполитических интересов двух стран и, следовательно, отсутствии базы (или основы?) для сотрудничества как в настоящее время (2006 г.), так и в будущем (после выборов 2008 г.). США предстают в виде сильного, эгоистичного государства, мирового лидера (хотя не «абсолютного»), ничем и никем не ограниченного в проведении своей внешней политики, а потому не склонного принимать в расчет интересы других стран, в том числе России.

В августе 2008 г. А. Богатуров публикует статью «Контрреволюция ценностей и международная безопасность»[4]. Статья написана сразу после «Пятидневной войны» с Грузией, в связи с чем приобретает еще более пессимистическую и антиамериканскую тональность.

По мнению Богатурова, антироссийская составляющая в политике республиканской администрации неуклонно усиливалась и достигла апогея в августе 2008 г. Так, Соединенные Штаты Америки с 2005 г. проводили политику массивной экспансии в зоне жизненно важных интересов России, что выражалось, в частности, в их усилиях по изменению внешнеполитического вектора центрально-азиатских государств с севера (отношения с Россией) на юг. Кроме того, США принимали (и продолжают это делать) шаги к разработке энергоресурсов Казахстана и Туркмении и вывозу сырья без участия и в обход России. А в августе 2008 г. США впервые за время существования России прибегли к тактике использования ресурса третьих стран для дестабилизации российских границ. «Пятидневная война», по словам Богатурова, отбросила отношения между Россией и США на 20 лет назад и вновь, как и во времена Холодной войны, актуализировала идею ценности мира.

Характерными чертами внешней политики США в начале XXI века Богатуров называет:

- невосприимчивость американской элиты к критике извне и неспособность к самоограничению военно-политических амбиций;
- явно усилившиеся (события августа 2008 г. тому доказательство) предпочтения силовым методам в проведении международной политики;
- изменение содержания мирового лидерства: от управления с согласия управляемых к управлению на основе собственных национальных интересов и односторонних решений.

Образ США Богатуриным корректируется: он приобретает более мрачные оттенки. Для характеристики внешней политики США используются такие определения, как «воинственная», «непримиримая», «бесцеремонная». Соединенные Штаты – противостоящее России государство, заинтересованное в ее внешнеполитической пассивности и нацеленное на дальнейшее ослабление позиций России в мире.

В опубликованной в последнем номере журнала «Международные процессы» за 2009 г. статье А. Богатуров предпринял попытку анализа российской внешней политики, проводимой Д. Медведевым, а также возможной реакции российской стороны на сигналы, идущие из Вашингтона и свидетельствующие о желании новой американской администрации США вернуть прагматизм в американскую внешнюю политику [5]. Этот «неожиданный», по выражению Богатурова, прагматизм проявился, в частности, в высказанной американскими дипломатами готовности отойти от односторонности и вернуться в правовое поле согласованных действий, что сулит изменение характера американско-

российских отношений. Последнее обстоятельство вызывает у наших политиков «осторожный оптимизм». А. Богатурову импонирует та сдержанность, которую пока демонстрируют и российский президент, и министр иностранных дел в своих выступлениях и заявлениях. Эта сдержанность позволяет автору статьи предположить, что российская дипломатия стремится сохранить баланс между наметившейся политикой сближения с США и идеей «обходимости» без США (например, подчеркивая важность для России регионального, а не глобального уровня политики).

Обозначившийся поворот внешнеполитического поведения США Богатуров расценивает как благоприятный для России. Однако основными его причинами называет экономический кризис и «узел средневосточной политики», распутав который Белый дом может вернуться к прежней модели взаимоотношений с внешним миром. Об этом нужно помнить и не питать иллюзий. Никакого «безоблачного завтра» в отношениях России и США не будет.

На наш взгляд, основная мысль автора статьи, которую он транслирует не только общественности, но и политическому руководству страны, может быть сведена к следующему тезису: некоторая деидеологизация внешней политики США не должна привести к идеологизации российской внешней политики. Россия с большим трудом научилась формулировать и отстаивать свои национальные интересы, которые не должны быть вновь принесены в жертву политике сближения с США, курсу союза с «передовыми демократическими странами».

Национальные интересы задают определенные императивы внешнеполитической деятельности нынешнего российского руководства:

- не допускать излишней прозрачности в сфере контроля над ядерными вооружениями;
- развивать идею «ассиметричного ответа» в качестве основополагающей концепции национальной безопасности России;
- сохранять свободу рук в вопросах ценообразования на мировом рынке энергоресурсов и осуществлять диверсификацию маршрутов экспорта энергоносителей на международные рынки;
- не спешить (точнее, спешить медленно) в ВТО;
- отстаивать право на самостоятельную модель демократии.

Более благоприятная атмосфера в отношениях России с Западом должна быть использована для ускорения модернизации страны.

Таким образом, А. Богатуров на страницах своих работ предстает реалистом, ратующим за последовательную и прагматичную внешнюю политику, основанную на национальных интересах и нацеленную на их эффективную защиту с учетом реальных возможностей современ-

ной России. Но реалистская концепция А. Богатурова формировалась в стране, пережившей резкое понижение своего международного статуса, болезненное для общества и для политической и интеллектуальной элиты осознание «статусной ущемленности» своего государства, в стране, ведущей поиск своего места в быстро изменяющемся мире. На наш взгляд, в работах А. Богатурова не явно, но присутствует образ «Крепости России», но крепости осажденной и, в общем-то, слабой. Он заинтересован в том, чтобы эта крепость, несмотря на множество опасностей, выстояла, стала более прочной и влиятельной, но для этого России нужно сохранять некоторую отстраненность от Запада и США.

В заключение позволим себе высказать несколько общих соображений. На наш взгляд, очевидна некая двойная симметрия позиций российского и американского исследователей в части представлений о другой и собственной стране. При некоторой терминологической разнице, их оценки международного положения обеих стран сходятся в главном: Соединенные Штаты, несмотря на явный кризис гегемонистской внешнеполитической стратегии, сохраняют статус мирового лидера, тогда как России после окончания Холодной войны не удалось сохранить сверхдержавные позиции. Общим для них является признание серьезных просчетов американской внешней политики начала XXI в., которые провоцировали у других стран, в том числе России, ощущение растущей нестабильности. Богатуров, в отличие от своего американского коллеги, склонен возложить ответственность за возникшую в отношениях между США и Россией напряженность на американскую сторону, и не высказывает оптимизма по поводу их перспектив. Айкенбери убежден в необходимости и возможности создания новой, более либеральной международной архитектуры с участием России, если обе стороны проявят сознательное стремление к преодолению напряженности, как это было в конце Холодной войны. И, наконец, оба исследователя признают за противоположной стороной право на реализацию национальных интересов, но в их трактовке Богатуров выступает как реалист-прагматик, а в позиции Айкенбери значительное место занимают идеологические и ценностные постулаты.

Литература

1. Най Дж. Лидерство в преобразованиях и национальная стратегия США // Россия в глобальной политике. 2006. Т.4. №4. Июль–август.
2. Валлерстайн И. Утопийское, или исторические возможности XXI века // Прогнозис. 2006. №1(5).

3. Taylor A.J. N. Lloyd George: Rise and Fall // Essays in English History. L., 1976.

М.В. Буланов

«Soft power» как подход к формированию образа государства в американской политической науке

В условиях глобализации особую роль начинают играть механизмы реализации внешней политики государства. Джозеф Най выделяет два основных таких механизма: гибкая власть – «soft power» и жесткая власть – «hard power». Под гибкой властью Най понимает такой тип воздействия, при котором поведение объекта власти детерминировано наблюдаемой, но не материальной привлекательностью достижения целей[1]. Это понимание несколько расходится с традиционным пониманием власти, как набора ресурсов, определяющих положение государства на международной арене. К таким ресурсам относятся: удачное геополитическое положение, развитая экономика, сильная армия и флот, большая территория и т.д. Ключевым моментом для американского ученого становится не набор вышеуказанных ресурсов, хотя их значение продолжает сохраняться, а способность влиять на поведение других государств. Гибкая власть также строится на определенных ресурсах. «В международной политике ресурсы, которые продуцируют гибкую власть, возникают большей частью из ценностей организации или страны и находят свое выражение в культуре, в примерах, образцах, которые эта организация или страна устанавливает благодаря своей внутренней политике и практике и методам, которыми эта страна или организация ведет свои отношения с другими организациями или странами»[2].

Вторым механизмом внешней политики является жесткая власть. Этот тип власти еще можно назвать традиционным, он состоит из способности государства принуждать военно-политическими методами и побуждать экономическими методами к определенному типу поведения других международных акторов. Эта идея заимствована из реалистического подхода к международным отношениям и, на первый взгляд, не несет в себе научной новизны, однако интересно, что, по мнению Наия, этот тип власти носит в современном мире подчиненный характер.

Гибкая власть страны базируется на трех основных ресурсах: ее культуре, ее политических ценностях и внешней политике (когда она рассматривается как легитимная, имеющая моральный авторитет). Культура в данном случае понимается как набор ценностей и практик, имеющих значение для данного общества. В контексте стратегии «soft power» наиболее эффективна универсальная культура, поскольку узкие

ценности специфической культуры в меньшей степени способны продвигать гибкую власть. Но даже самая универсальная культура может сталкиваться с отторжением. Так, например, американская поп-культура плохо приживается в мусульманских странах, таких как Пакистан или Саудовская Аравия, или может отторгаться какой-либо частью общества. Особую роль в процессе распространения культуры, помимо воздействия СМИ, телевидения, киноиндустрии имеет межличностное общение и приобщение к культуре в ее естественной среде. Так, Най считает, что иностранные студенты, находящиеся в США на обучении, служащие и предприниматели, приехавшие на стажировку и т.д., в дальнейшем становятся некими носителями американских ценностей, которые они распространяют у себя в стране после возвращения.

Внутренняя политика, политические ценности и даже сама политическая система страны могут быть привлекательными для других стран. Этот имидж является одним из оснований гибкой власти. Основными элементами такого имиджа являются: права человека, демократическое устройство государства, идея правового государства, развитое гражданское общество, свободная конкуренция и т.д. Эти идеи и ценности фактически отождествляются с цивилизованным обществом, основой безопасного и благополучного существования. Политика, направленная на сохранение и развитие этих ценностей и идей, представляется американскому ученому формирующей притягательный образ страны. Эти же идеалы должны лежать и в основе внешней политики. Как пример Джозеф Най приводит политику Джимми Картера, направленную на защиту гражданских прав в Аргентине. «В Аргентине американская политика в защиту гражданских прав, которая отвергалась военным правительством в 1970-е годы, что в значительной степени способствовало росту здесь американской гибкой власти спустя два десятилетия, когда пиронисты, которые до этого были заключены в тюрьму, в дальнейшем пришли к власти»[3]. Но далеко не всегда политика правительства благоприятно влияет на потенциал гибкой власти. Так, например, политика сегрегации в 60-х годах двадцатого века неблагоприятно сказывалась на имидже США в Африке, а практика смертной казни негативно воспринимается в Европе сегодня. Очень отрицательно во всем мире воспринимается война в Ираке. Най делает вывод, что «внутренняя и внешняя политика, которая представляется лицемерной, высокомерной, безразличной к мнению других стран или людей либо базируется на узком подходе, принимающем во внимание только национальные интересы, может подорвать гибкую власть»[4].

Анализ этой стратегии показывает, что гибкая власть не является исключительным и универсальным методом достижения целей, она имеет свои пределы и специфические черты, которые влияют на ее эффективность. Прежде всего, нужно отметить временные ограничения, на которые Джозеф Най практически не обратил внимание. Достижение целей с помощью гибкой власти требует достаточно долгого подготовительного периода, поскольку инкорпорирование новых ценностей для той или иной культуры может быть связано с изменением глубинных слоев сознания – таких, как традиции, культурные стереотипы и менталитет народа. Зачастую этот процесс связан со сменой поколений.

Разные народы будут с разной скоростью воспринимать эти ценности. Связано это с первоначальным уровнем и особенностями каждой культуры. Сам Най отмечает, что поп-культура, скорее всего, привлечет людей и спродуцирует гибкую власть в ситуации, где культуры хоть в какой-то степени подобны. В том случае, если культуры сильно отличаются, то суммарный эффект от воздействия гибкой власти может быть ничтожным или отрицательным. При этом гибкая власть сильно зависит от наличия «благожелательных интерпретаторов»[5], то есть людей, которые будут способствовать распространению новых ценностей. Можно сделать вывод, что от количества, социального статуса и равномерности распределения «благожелательных интерпретаторов» в различных социальных группах будет зависеть скорость восприятия ценностей, а соответственно и эффективность стратегии «soft power». Еще одним немаловажным фактором будет являться развитие информационных технологий в данном обществе. Такие технологии, как Интернет, спутниковое телевидение и т.д., несомненно ускорят процесс адаптации к новым ценностям (если ценности транслируются по этим каналам).

Роберт Кеохейн в одной из своих совместных работ с Питером Катценштейном «Антиамериканизмы»[6] заинтересовался отрицательной стороной гибкой власти США на примере антиамериканизма. Оба автора приходят к выводу о том, что антиамериканизм как явление достаточно многообразен, но всегда негативно действует на авторитет США и ее внешнюю политику, в том числе, и на ресурсы гибкой власти. Кеохейн и Катценштейн предлагают классификацию антиамериканизма и взглядов на него. Так, например, они выделяют «левый» и «правый» взгляд на антиамериканизм. «Левые» считают, что негативная реакция в отношении Соединенных Штатов была вызвана несправедливой внешней политикой американского правительства, и приходят к выводу о том, что необходимо задуматься над ее реформирова-

нием. «Правые» предполагают, что антиамериканизм вызван завистью и неспровоцированной ненавистью некоторых людей, США проводят эффективную и справедливую внешнюю политику, реформировать ее нет необходимости, а антиамериканизм следует игнорировать.

Существует также несколько видов антиамериканизма: либеральный антиамериканизм, его представители критикуют США за предательство идей либерализма; социальный антиамериканизм, его представители ставят в вину американцам свертыwanie политики по созданию государства всеобщего благоденствия; суверенно-националистический антиамериканизм, сторонники этих идей считают, что внешняя политика Вашингтона размывает национальную идентичность и приводит к потере контроля государств над своей политической сферой; радикальный антиамериканизм, его представители полагают, что расширение мировой экономики, политических институтов, созданных по американскому образцу, враждебны их собственным позитивным ценностям. Радикальный антиамериканизм имеет два вида: религиозный и идеологический. Религиозный антиамериканизм связан в основном с исламом и представляется авторам одним из самых опасных настроений для безопасности Соединенных Штатов. Под идеологическим антиамериканизмом подразумевается деятельность государств, не отказавшихся от марксистско-ленинской идеологии. Этот тип антиамериканских настроений после развала СССР стал представлять меньшую угрозу, но государства, культивирующие подобное отношение к США, продолжают существовать на карте мира.

Американские ученые более двадцати лет занимаются разработкой проблемы формирования положительного образа страны и влиянием этого явления на внешние и внутренние политические процессы. Глобализирующийся мир дает новые возможности в данной сфере, обеспечивая непосредственный доступ практически каждого человека к любой информации, которая может быть достоверной или искаженной, но которая уже сегодня влияет на расстановку сил на международной арене.

Литература

1. Сам термин впервые был использован им в 1990 г. в книге: *Bound to Lead: The Changing Nature of American Power*, а окончательную разработку получил в книге *Soft Power: The Means to Success in World Politics*, вышедшей в 2004 г.
2. Най Дж. С. Гибкая власть. Как добиться успеха в мировой политике / пер. с англ. В.И. Супруна. М., 2006. С. 34.
3. Там же. С. 41.

4. Там же. С. 41.
5. Там же. С. 44.
6. Katzenstein J. P., Keohane O.R. Anti-Americanisms // Policy Review. October and November, № 139. 2006. P. 25–37.

А.В. Даркина

Интеграционная риторика в североамериканском научном сообществе (1960–1970-е гг.)

Период 1960-х годов стал важным этапом в развитии «интеграционных дебатов». Интеграция воспринималась как одна из форм международного взаимодействия, а сами американские исследователи были далеки от привязки интеграционных процессов в Северной Америке к доктрине американизма и американского изоляционизма, хотя в рамках отечественной американистики до начала 1990-х годов подчеркивалась политическая составляющая идеи американского единства в той версии, которая предлагалась Соединенными Штатами [1]. Сами же американские авторы от политической конъюнктуры стремились отстраниться. В частности Й. Галтунг в работе «Теория малых групп и теория международных отношений» выделял три типа взаимодействия, а именно: «Взаимодействие, которое помогает устанавливать формальные статусы, встречается наиболее часто. Далее следует взаимодействие, выходящее за рамки формальных статусов. Последний тип представляет собой частично смоделированное взаимодействие, которое не генерализировано, а связано с отдельными людьми, и частично несистематизированное и неинституционализированное взаимодействие» [2].

По мнению Й. Галтунга, коммуникация между государствами может трансформироваться в интеграцию. Интеграция в концепции Й. Галтунга – сложный процесс, в рамках которого обязательно принимают участие центральные и периферийные акторы. В 1960-е годы Й. Галтунг в принципе верно описал отношения между США и Канадой, отразив логику будущей североамериканской интеграции в рамках НАФТА, где роль интегрирующего центра возьмут на себя Соединенные Штаты, не предположив однако того, что лидером интеграции будут вовсе не США и Канада как национальные государства-акторы, но структуры, связанные с транснациональным бизнесом и международными корпорациями.

В 1960-е годы активное участие в интеграционных дискуссиях принимал Дж. Шварценбергер, исходной посылкой которого было то, что интеграция может быть одним из способов урегулирования международных конфликтов. Д. Шварценбергер полагал, что в процессе выработки и реализации своей внешней политики государства руководствуются тем, что являются самостоятельными акторами. Именно обладание атрибутом независимости позволяет акторам (государствам) вступать в

отношения друг с другом, среди которых могут быть коалиции и союзы. В этой ситуации интеграция – не только результат сосуществования множества акторов, но и добровольного сотрудничества между ними. Более того, интеграция – почти естественная стратегия сосуществования государств: «В обществе столь динамичном, как международное, государства желают достичь компромисса и добровольно соглашаются на уступки, которые, если следовать принципам справедливости и правосудия, по сути, ожидаются от них» [3].

Важной вехой в интеграционной риторике стало издание в 1969 году книги Джона Бертона «Конфликт и коммуникация» [4]. В концепции Дж. Бертона интеграция – одна из форм международной коммуникации, способ общения, сотрудничества и взаимодействия между национальными государствами как акторами международных отношений: «Между государствами всегда существует коммуникация, даже если это коммуникация, присущая системе государств одного образца: всегда есть взаимозависимость и взаимовлияние, симпатии или антагонизм между подсистемами, или потенциальная возможность такой коммуникации» [5]. Джон Бертон, анализируя процесс интеграции как коммуникации, полагал, что акторы интеграции могут пребывать на разных уровнях политического и экономического развития, что может существенно осложнить интеграционный процесс. С другой стороны, Дж. Бертон указывал на то, что интеграция относится к числу таких международных процессов, которые характеризуются сложным составом участников – не только акторами-государствами, но и различными организациями – научными, корпоративными, неправительственными [6].

В первой половине 1970-х годов в рамках американского общества дискутировались проблемы, связанные с возможной интеграцией североамериканского пространства. Наиболее актуальными проблемами были вопросы «глобального взаимодействия». В 1972 году Дж. Най и Р. Кеохейн высказали мнение, что «многим правительствам будет трудно справиться в одиночку с многочисленными аспектами транснациональных отношений в 70-е и последующие годы» [7]. Таким образом, не только прогнозировалось, что 1970-е и последующие годы станут этапом интеграции, но и предполагалось, что подобное взаимодействие может проявляться в нескольких сферах сотрудничества между государствами, а именно: 1) движение информации, включая передачу идей и доктрин; 2) транспорт, передвижение материальных объектов, включая частную собственность и товары; 3) финансы, передвижение денег и кредитов; 4) передвижение людей [8]. Эти четыре сферы интеграции, главным образом, связаны с экономическим функционированием государства и международными экономическими отношениями, свободным

перемещением товаров и услуг. Примечательно не только почти полное отсутствие политической проблематики, но и то, что после активизации интеграционных процессов в Северной Америке в 1980-е годы США и Канада центральными в своих интеграционных взаимоотношениях делают именно экономические вопросы.

Если на территории Европы в качестве инициаторов интеграции выступили национальные государства, что означало их потенциальную готовность в будущем отказаться от части своего национального суверенитета, то в рамках североамериканского проекта интеграции доминировал иной состав участников. Инициаторами интеграции стали транснациональные корпорации, побуждавшие государства к участию в интеграционных процессах. Вероятно, именно более позднее включение государства в интеграцию предопределило то, что оно охотно поступилось экономическими правами, но не проявляет склонности к политической интеграции и созданию транснациональных институтов, опасаясь конкуренции с крупными корпорациями.

Следует подчеркнуть, что в первой половине 1970-х годов североамериканская интеграция была в первую очередь проектом, поэтому американские авторы под влиянием европейской интеграции, в рамках которой основным актором было государство, активно дискутировали относительно состава возможных акторов интеграции. Не отрицая роли государства как актора в процессах интеграции, американские авторы полагали, что именно США могут возглавить интеграционный процесс в Северной Америке.

Анализируя европейский интеграционный опыт, американские авторы предпринимали попытку перенести его на североамериканскую почву. Автоматическое копирование европейского опыта оказалось невозможным ввиду значительной специфики региона Северной Америки. Тем не менее, в рамках «интеграционных дебатов» американские авторы на протяжении 1960 – 1970-х годов высказывали предположения, что интеграция может быть преимущественно экономической, стимулироваться транснациональными корпорациями, а национальные государства предпочтут экономическую интеграцию созданию транснациональных политических институтов. В последующие годы североамериканские государства предприняли в рамках НАФТА попытку реализовать эти теоретические построения.

Литература

1. Подробнее о развитии идеи американизма см.: Антясов М.В. Пан-американизм: идеология и политика. М., 1981; он же. Современный пан-

американизм. Происхождение и сущность доктрины американской солидарности. М., 1960.

2. Galtung J. Small Group Theory and the Theory of International Relations. A Study in Isomorphism // New Approaches to International Relations / ed. M. Kaplan. N.Y., 1968. P. 271.

3. Schwarzenberger G. Power Politics. A Study of World Society L., 1964. P. 202.

4. Burton J. Conflict and Communication. The Use of Controlled Communication in International Relations. L., 1969.

5. Ibid. P. 48.

6. Ibid. P. 58.

7. Transnational Relations and World Politics / eds. R. Keohane, J. Nye. Cambridge, 1972. P. XVIII.

8. Ibid. P. XI.

Е.С. Крестинина

Политическая идентичность как фактор двусторонних отношений: теоретический аспект

Для более полного анализа проблемы влияния образов на отношения между государствами представляется значимым обратиться к такому концепту политической науки, как идентичность. Изучение идентичности, как связующего звена между нерелексируемым и осознаваемым, помогает лучше понять, каким образом строятся межгрупповые отношения, в том числе в части взаимного восприятия. Несмотря на достаточную практическую значимость, понятие идентичности в категориальном аппарате политической науки достаточно размыто и употребляется в различных контекстах. В рамках данной работы принята попытка конкретизации этого понятия.

Социальная идентичность (одним из измерений которой является политическая идентичность) является базисом социетальной системы (интегративной подсистемы социума), которая, согласно теории Т. Парсонса, является ядром общества. Осознание себя частью какого-либо сообщества и принятие этого факта означает готовность разделять если не все, то большинство норм, правил, ценностей, принятых в этом сообществе и занятие определенного места в его статусно-ролевой структуре.

Идентичность существует в определенных границах, которые, как правило, символически опосредованы. Через усвоение ценностей «своей» группы и обретение лояльности к ней (интегрирующая функция) происходит рефлексия «других» групп и, как следствие, обозначение разделений между группами (дифференцирующая функция).

За счет сочетания дифференцирующей и интегрирующей функций идентичности межгрупповые отношения связываются в систему и упорядочиваются. Сложившаяся система внутри- и межгрупповых взаимодействий формирует определенный уровень политического участия и активизма. Принадлежность к той или иной группе способствует установлению на индивидуальном уровне определенного набора привычных действий, представлений, мифов – всего того, что в теории Бурдьё сосредотачивается в категории «габитус» – социально структурированной когнитивной способности [1], которая, в свою очередь, детерминирует повседневные практики, т.е. оказывает влияние на поведение. Таким образом, идентичность (как осознаваемая, так и неосознанная или невыбранная) способствует тому, что индивид, как член определенной группы, ведет себя исходя из определенного набора предварительных требований. Практическое проявление идентичности можно описать через концепт «поступка». В социологической теории практик именно поступок – конечное этическое действие – обозначает границу перехода от определения (провозглашения) идентичности к ее проявлению [2].

М. Кастельс выделяет три вида конструирования идентичностей, которые могут иметь политическое значение [3]. Легитимирующие идентичности, устанавливаемые доминирующими институтами, способны сформировать гражданское общество как структурированное и организованное поле действий социальных акторов и институтов. Идентичности сопротивления, формируемые акторами, находящимися в ущемленном или стигматизированном положении, для совместной борьбы и выживания, способны формировать локальные общности с высокой внутригрупповой сплоченностью. Проектные идентичности строятся для конструирования и видоизменения уже существующих идентичностей. В данном случае идентичность становится проектом лучшей жизни, в его рамках декларируются новые ценности, которые будут способствовать видоизменению существующего мира.

Несмотря на то, что практически все исследователи и практики признают политическое значение идентичности, собственно категория «политической идентичности» трактуется по-разному. Можно выделить два «теоретических полюса», в рамках которых она может быть определена.

Первый подход может быть обозначен как институциональный. С этих позиций, политическая идентичность локализуется вокруг групп и институтов, непосредственно связанных со структурой политического: партиями, государством, гражданством и т.п. и только по вопросам

выработки политического курса, т.е. непосредственно с осуществлением власти и властных отношений.

Однако часто в поле политического попадают идентичности, которые изначально не были политизированы, но защита которых требует участия в политике. Говоря о политизированной идентичности, часто сложно определить точку отсчета. Представляется, что политизированной идентичность становится с момента выдвижения группой требований, так или иначе связанных с властью (претензиями на власть, требованиями невмешательства власти и т.п.). Таким образом, в рамках второго подхода к политической может быть отнесена как институциональная политическая идентичность, так и неполитическая идентичность в результате политизации.

Опираясь на вышесказанное, дадим определение: политическая идентичность – особое измерение социальной идентичности, связанное с (само)определением общества в политических категориях в процессе соотнесения с определенными политическими институтами и имплицитно подразумевающее и специфическую для данного сообщества и его членов форму участия в политическом процессе, в том числе и взаимоотношений с другими участниками политического процесса, не являющимися членами данного сообщества. Практическое проявление политической идентичности выражается в характере и форме требований и ожиданий, которые носители данной идентичности предъявляют политической системе.

Состояние идентичности и ее динамика сказываются на уровне лояльности населения к национальному государству. У. Бек утверждает, что общества заключают свои идентичности в «контейнере» государств, социальных групп, страт и т.п. [4] Подобная «контейнеризация» идентичности, по мнению Бека, несколько размывается под влиянием глобализации (ведущей к ослаблению национальных государств). Последнее утверждение, по нашему мнению, хотя и может быть применено к идентичностям, связанным с государством, тем не менее, не отменяет того, что другие виды социальной идентичности будут ограниченными, заключенными в своем «контейнере» большем или меньшем по объему, чем государство.

Переоценка маркеров и переосмысление границ ведет к реидентификации, которая способствует изменению границ между группами. А. Этциони увязывает механизм сближения в формулу: «От экспорта отдельных элементов к «взаимообучению». Действительно, при длительном взаимном обмене сначала отдельными, наиболее «удобными в употреблении» элементами культуры в развитии, возможно, вызовут более тесный контакт, который приведет к взаимному обучению сто-

рон. И, соответственно, смены идентичности в рамках новой культуры. В то же время возможен и вариант, когда данный элемент будет ассимилирован и воспринят как неотъемлемый элемент «своей» группы. В этой связи показательны рассуждения П. Бергера, который предлагает разделять причастное и непричастное потребление [5]. В случае причастного потребления (которое подразумевается как «видимый знак невидимой благодати») происходит приобщение к чему-либо глобальному через какой-либо вполне обыденный акт, например – приобщение к американской культуре через посещение McDonald's. Непричастное потребление – нерелексивное совершение тех или иных актов, не приводящее к моральному приобщению к чему-либо глобальному.

Однако смена, актуализация или деактуализация тех или иных маркеров может вести не только к сближению групп, но и к их еще большему обособлению. Такое обособление может быть своего рода защитной реакцией на реальную или мнимую угрозу. Подобный механизм описывает теория секьюритизации, разработанная Б. Бузаном и О. Вэвером [6], суть ее состоит в том, что когда та или иная проблема становится наиболее значимой угрозой, в ответ на нее обостряются определенного рода идентичности, которые призваны мобилизовать сознание для защиты от данной угрозы. В случае подобной мобилизации идентичность становится своеобразным «знаменем», под которым собирается группа для защиты своих интересов, она детерминирует всю социальную активность группы, а маркеры границ идентичности, даже если до этого они не были сильно заметны, становятся «линиями разлома».

Политическая идентичность является частично конструируемым феноменом. Ценности, лежащие в основе политической идентичности, задают общие границы, которые наполняются за счет обретения определенной политической культуры, формирования политического сознания и формулирования тех или иных идеологических построений. В результате подобного качественного наполнения изменения претерпевает уже сама политическая идентичность. Это происходит за счет смены легитимирующих политических идентичностей проектными или идентичностями сопротивления в ответ на политические и социальные изменения, а затем за счет закрепления новых легитимирующих идентичностей. То есть процесс идентификации практически непрерывен, а политическая идентичность не является статической характеристикой личности и/или группы. Она тем динамичней, чем более данное сообщество вовлечено в политический процесс, и чем более комплексный характер данный процесс носит.

Литература

1. Бурдые П. Формы капитала // Экономическая социология. Том 6. №3. Май 2005. С. 60–74.
2. Волков В. Слова и поступки // Социологическое обозрение. Т. 8. №1. 2009. С. 58.
3. Castells M. The Information Age: Economy, Society, and Culture. Vol. 2. The Power of Identity. Blackwell, 2004. P. 8–10.
4. Бек У. Что такое глобализация? Ошибки глобализма – ответы на глобализацию. М., 2001. С. 47–50.
5. Многоликая глобализация / Под ред. П. Бергера и С. Хантингтона. М., 2004. С. 14–15.
6. Описание теории: Морозов В. Понятие государственной идентичности в современном теоретическом дискурсе // Международные процессы. 2006. Т. 4. № 1. С. 82–94.

Обсуждение в Интернете

(Анонимно)

23 Июня, 2010 19:33 (UTC)

транснациональная идентичность

рискну в развитие вашей темы обратить внимание на идею «транснациональной идентичности» Х. Булла :) А. Полтораков

О.Ю. Курныкин

Восприятие стран Запада в мусульманском мире (к постановке проблемы)

Прежде всего, хотелось бы отметить определенную деликатность заявленной темы, ибо и без того непростые, наполненные историческим драматизмом отношения христианского Запада и мусульманского мира в современную эпоху приобрели дополнительную политическую и эмоциональную нагрузку, не благоприятствующую взаимопониманию. Эти отношения, отягощенные недоверием и подозрительностью в отношении намерений друг друга, хотя и не всегда четко артикулируемых, привносят нервозность в современные международные отношения. В освещении средств массовой информации отношения Запада с мусульманским сообществом приобрели едва ли не судьбоносное значение для мировой цивилизации, что вряд ли представляется справедливым. Абстрагироваться от этого эмоционального потока, постоянно подпитываемого экстремистскими проявлениями с обеих сторон, нелегко. (Последний подобный инцидент, связанный с сожжением Корана священниками из американского штата Тенесси, привел к массовым демонстрациям протеста в ряде мусульманских стран и гибели людей в Индии и Афганистане).

К тому же выглядят несколько самонадеянными попытки затронуть сферу представлений, восприятий, массовых стереотипов, нахо-

дятся вне соответствующего культурно-религиозного контекста. Осознавая все это, мы видим свою задачу лишь в том, чтобы обозначить контуры проблемы и предложить материал для обсуждения.

Проблема взаимного восприятия – это, прежде всего, проблема формирования стереотипов массового сознания в рамках дискурса «свой–чужой», их большей или меньшей адекватности (стереотипы, по определению, не могут быть тождественны реалиям), их позитивной или негативистской направленности.

Сложившиеся, устойчивые стереотипы становятся призмой, преломляющей взаимное восприятие. Они инерционны, их легко активизировать в нужный момент и направить в удобное русло. В этом смысле стереотипы являются удобным и эффективным средством манипулирования массами. Вместе с тем массовые стереотипы способны оказывать обратное воздействие на политику, конкретные действия государственных и политических деятелей. Любопытно, что значимость стереотипов для формирования массового сознания не ослабевает и ныне, в век информационной революции, открывшей доступ к небывалому многообразию (по содержанию и разномыслию) источников информации.

По понятным причинам нам легче говорить о тех устойчивых представлениях, которые сложились в странах христианского ареала об исламе и мусульманах. Не углубляясь в историческое прошлое, отметим, что в России эти представления не претерпели существенных изменений, по меньшей мере, со второй половины XIX века, когда «мусульманский вопрос» приобретает общегосударственное звучание. Именно тогда русификаторская и интегристская политика правящих кругов Российской империи натолкнулась на глухое, но мощное сопротивление мусульманских общин. Разочаровывающие результаты миссионерской деятельности среди российских мусульман вызвали раздражение и тревогу Русской православной церкви. В российской публицистике складываются устойчивые представления об исламе как закрытой, консервативной системе, с трудом поддающейся цивилизаторскому воздействию просвещенных европейцев. Общим местом в работах по исламу становится тезис о присущем мусульманам религиозном фанатизме. В качестве неперменного атрибута исламской догматики упоминается джихад (газават), упрощенно толкуемый лишь как война с неверными в защиту ислама. Рассказы о джихаде пугали западного обывателя, ибо придавали столкновению Запада и Востока некий мистический оттенок, а просвещенный Запад, уже перевернувший в средневековые страницы крестовых походов и территориальных завоеваний во имя торжества христианства, не чувствовал себя уве-

ренно на почве религиозного мистицизма. Ислам стал трактоваться значительной частью российской публицистики как религия огня и меча. Вместе с тем эти представления об исламе накладывались на твердую убежденность в божественной истинности христианства и очевидном превосходстве западной цивилизации над неподвижным, архаичным Востоком. При этом религиозные представления и образ жизни самих мусульман для европейского сообщества, включая и православно-славянское большинство России, были малоинтересными.

Со временем мусульманский Восток постепенно накапливал протестный потенциал, заставляя западные державы отказываться от приобретений колониальной эпохи. Впрочем, первоначально идеи провозвестников исламского радикализма, таких как Хасана аль-Банни или Саида Кутба, вызывали опасения скорее у правящих арабских режимов, нежели в западных политических кругах.

Возможно, впервые голос мусульманского Востока был услышан западной интеллектуальной элитой благодаря появлению в 1978 г. работы Эдварда Саида «Ориентализм». Эта книга стала откровением для западных интеллектуалов, поскольку ее автор, американский культуролог арабского происхождения, используя инструментарий западной методологии, вскрыл тот комплекс поверхностных, в значительной степени искаженных и тешащих самодовольство европейцев представлений о Востоке, который был выработан «западным востоковедением» в колониальную эпоху и глубоко укоренился в восприятии восточных обществ. Этот комплекс представлений Эдвард Саид и обозначил термином «ориентализм». «Ориентализм», в его трактовке, стал не столько средством познания Востока, сколько орудием его угнетения. По сути, концепция Саида стала ответной реакцией униженного восточного интеллектуала на высокомерие Запада. Саид заставил Запад взглянуть на его взаимоотношения с Востоком «с обратной стороны», хотя, следует признать, что снисходительное отношение к исламу как религии и к исламскому образу жизни сохраняется на Западе и поныне.

Интеллектуальный вызов, брошенный Э. Саидом Западу, удивительным образом совпал с исламской революцией в Иране, когда этот вызов приобрел явственный политический и, что не менее существенно, идеологический характер, если подобная терминология применима к религиозной системе. Исламская модель социального устройства стала настойчиво выдвигаться как альтернатива двум претендовавшим на универсальность социальным моделям – западной либерально-рыночной модели и коммунизму в его реальной ипостаси государственного социализма.

В последних десятилетиях XX века мусульманский мир заставил слушать себя уже всерьез. Правда, основная заслуга в этом принадлежала радикальным исламским группировкам и их идеологам, которые во многом и стали олицетворением исламской альтернативы в глазах западных обывателей. Действительно, после того, как выявились разочаровывающие результаты правления преимущественно светски настроенных арабских националистов, именно к исламским фундаменталистам и радикалам переходит идейно-политическая инициатива в арабском и, шире, мусульманском мире. Именно они в значительной степени начинают задавать тон в умонастроениях мусульманской улицы.

Западный мир столкнулся с неприятной и опасной для себя реальностью: в массовом сознании арабо-мусульманского мира сформировался в отношении Запада устойчивый комплекс негативных образов и восприятий.

Прежде всего, Запад воспринимается как извечный агрессор, как источник военной интервенции. Это представление формировалось на протяжении нескольких веков, актуализировалось и принимает явные формы в связи с экспедицией Наполеона в Египет в 1798 г. (хотя среди арабов и сюжеты, связанные с крестовыми походами, являются не только вдохновляющим историческим примером, но и вплетены в современный политический контекст). Травмирующими для арабского и мусульманского самосознания оказались XIX и XX века, прочно ассоциируемые с европейским колониализмом и неоколониализмом. Экспансия европейцев и унижительные поражения арабов и турок нарушили привычную картину мира для мусульман, призванных, согласно божественному замыслу, править миром. Запад стал восприниматься как главное препятствие на этом пути. Подобное восприятие Запада периодически подпитывается событиями последних десятилетий, начиная с Суэцкого кризиса 1956 г. до военных операций в Ираке и Афганистане. Наконец, как олицетворение вопиющей исторической несправедливости по отношению к арабам воспринимается ими создание Израиля.

«Израильский фактор» привнес новые моменты в традиционные представления о мусульмано-христианском противостоянии. С одной стороны, еврейское государство рассматривается не как самостоятельный и органичный фактор в региональном раскладе сил, а как некий форпост Запада, как искусственный проект, направленный на сохранение господства западных держав на Арабском Востоке. С другой стороны, в мусульманском мире широкое распространение получила теория всеобщего, или большого «еврейского заговора», согласно которой

Запад стал лишь инструментом в руках евреев, контролирующих правительства, средства массовой информации, финансы западных стран; в силу этого Запад оказывает еврейскому государству огромную помощь и пристрастен в арабо-израильском конфликте.

В арабских странах распространены представления о том, что Израиль не остановится на достигнутом, целью его является вытеснение арабов на свою историческую прародину – на Аравийский полуостров. Само существование Израиля ставит под сомнение окончательный характер арабизации и исламизации, достигнутые благодаря арабским завоеваниям.

Согласно следующему широко распространенному стереотипу, колониализм – главная причина отсталости мусульманских стран. Тем самым дается хотя и облегченный, но удовлетворяющий национальное и религиозное достоинство ответ на вопрос о причинах бедности многих мусульманских стран на фоне процветающего Запада. Правда, роль «злого гения» на мусульманском Востоке полвека назад перешла от британо-французского империализма к США, от которых якобы исходит главная угроза исламу. Память о нанесенных христианским Западом исторических обидах привела к формированию комплекса жертвы, который в политико-психологическом плане не благоприятствует внутреннему обновлению.

Итак, в массовом сознании стран арабо-мусульманского Востока укоренилось представление о продолжающемся нашествии Запада на мусульманский мир, цель которого – сбить мусульман с истинного пути. Отсюда следует вывод о том, что одним из важнейших условий сохранения мусульманской идентичности является борьба с западным империализмом, ибо Запад пытается навязать свои ценности, не соответствующие исламским нормам, и глобализация является лишь новой формой доминирования Запада.

Деградирующей культуре Запада противопоставляется высокая духовность исламской цивилизации. Европейцы выглядят в глазах большинства мусульман эгоистичными, заносчивыми, корыстными и аморальными.

Одной из наиболее острых тем в исламо-христианском диалоге является «женский вопрос». Эмансипированный Запад, начиная с XIX века, не устает упрекать приверженцев ислама в неравноправии, затворничестве, бесправии женщин, получая в ответ упреки в распущенности нравов и деградации семейных устоев. Причем обе стороны обращают внимание на видимые крайности, не обладая адекватными представлениями о реальном общественном статусе женщины в стане оппонентов.

В целом, антизападничество с явным антиамериканским акцентом стало сильным козырем в борьбе за симпатии масс в мусульманских странах.

Из всего вышесказанного может возникнуть представление о мрачной перспективе неизбежной вражды и столкновения христианской и мусульманской цивилизаций. Однако стереотипы не способны вобрать в себя всю палитру умонастроений в обществе, подвижки, постоянно происходящие в сфере общественного сознания и особенно активизирующиеся в переломные периоды истории. Умонастроения в мусульманской среде, несомненно, многообразнее и богаче представленных схематических построений. Да и постоянно употребляемое выражение мусульманский мир – во многом абстракция, скрывающая этнокультурное своеобразие регионов и усложняющаяся внутреннюю социальную градацию мусульманского общества, разный уровень благосостояния населения в различных странах.

Проведенный Институтом Гэллапа в 2005–2006 гг. опрос в 130 странах выявил, что при довольно низком уровне доверия к западным странам большинство населения мусульманского Востока настроено в пользу налаживания сотрудничества с Западом. При этом многие приверженцы ислама убеждены, что Запад не уважает мусульманский мир. Но и большинство жителей стран Запада полагают, что и мусульмане не уважают Запад. В такой ситуации взаимного недоверия важна роль символических жестов в отношении друг друга, важно не допускать провоцирующих действий с обеих сторон. Мусульманское сообщество весьма чувствительно к каждому доброму слову об исламе, впрочем, также чувствительно оно и к высказываниям, задевающим чувства мусульман. Известный российский арабист и исламовед Г. Мирский называет ислам самой сильной религией в сегодняшнем мире по степени его укорененности в умах и душах людей.

Кем-то сказано, что конфликт цивилизаций – это подчас конфликт недоразумений. К таким недоразумениям можно было бы отнести и периодически возобновляемый скандальный сюжет с уничижительными изображениями пророка Мухаммеда в западных изданиях. Любопытно, что наиболее известный карикатурный скандал в Дании вызвал схожую реакцию и на Западе, и в мусульманском мире. У многих на Западе он оставил ощущение, что мусульмане не уважают западных ценностей, неотъемлемым атрибутом которых является свобода слова. В то же время приверженцы ислама расценили появление этих карикатур как оскорбительный выпад в отношении ислама. В результате и те, и другие лишь утвердились во мнении о неуважении к себе оппонента. Таким образом, вопрос о взаимоуважительном отношении к культур-

но-религиозным ценностям и образу жизни выдвинулся в качестве ключевого в выстраивании исламо-христианского диалога.

Для такого диалога складываются определенные предпосылки. Правда, Мурад Хоффман, бывший посол ФРГ в Алжире, принявший ислам, сетует на то, что на Востоке не сложилось западоведение (по примеру востоковедения в европейской науке), что затрудняет христианско-мусульманский диалог, по крайней мере, на уровне интеллектуальной элиты. Однако такая элита, открытая для дискуссий по самым непростым вопросам, на мусульманском Востоке формируется. Для нее характерна, может быть, даже более обостренная и от-refлексированная исламская идентичность и вместе с тем готовность выйти за рамки религиозной ортодоксии и вписать исламские нормы и ценности в контекст общемировых процессов. Сейчас наблюдается всплеск интеллектуальной активности той части мусульманской интеллигенции, которая проживает в странах Запада и которая отказывается видеть в Западе источник лишь бед и несчастий для мусульман. Возникают новые площадки и информационные каналы для идейно-культурного взаимообмена, хотя сохраняются, и, может быть, даже нарастают факторы, работающие на усиление исламофобии на Западе и соответствующих антихристианских и антииудейских фобий среди мусульман.

При соответствующей коррекции политики Запада в отношении мусульманского мира и в случае деморализации и оттеснения на политическую периферию исламских радикалов открывается отдаленная и нечеткая перспектива преодоления конфронтационности в исламо-христианских отношениях.

Д.В. Николаенко, О.С. Бойко

Здоровье населения страны как основа ее имиджа и фактор в двусторонних отношениях

Какие бы внешние политические ориентиры ни были у государства, вероятно, основная его функция связана с сохранением стабильности и процветанием населения на своей территории. Стабильность и процветание могут пониматься существенно различно. Нет единого стандарта того, что есть хорошо и что плохо в данной области. Нет и тенденции в сторону выравнивания, унификации мира. Во всяком случае, такого мнения придерживаемся мы. Мнение основано на теории социо-культурных систем [2; 3]. Она описывает факт наличия социо-культурной гетерогенности мира и адаптации этой гетерогенности к новейшим условиям.

Думается, что после длительного периода открытого идеологического противостояния в мире, когда четко декларировались идеалы в

виде коммунизма или демократического общества (западной версии коммунизма) и в них закладывались строго определенные политические стандарты, мы идем к варианту, при котором больше внимания уделяется беспроblemности государства (Worry-free State). Может быть, дело не в том, сколь далеко кто продвинулся к построению идеального общества, а в том, кто меньше генерирует проблем для мирового сообщества.

Излишне говорить, что эта версия сосуществования также реализуется под «чутким руководством» США, России, КНР, ЕС и некоторых иных государств и блоков, которые решают, кто является меньшим или большим trouble makers в современном мире. Это существенно меняет не только образ врага, но и образ того, о ком говорят наиболее часто.

Отмеченное изменение носит принципиальный характер. Оно связано с тем, что мир переходит от политизированных идеалов, когда собираются строить, скажем, социалистическое общество на юге Африки (пусть это будет Мозамбик или Ангола) и соответственно этому проводить политику в сельском хозяйстве и промышленности, к варианту, когда стараются минимизировать проблемы, связанные с данным регионом. В его основании присутствуют и провалы прошлой стратегии. Как выяснилось, построить социалистическое общество на юге Африки (пусть в Мозамбике или Анголе) не так просто. Происходит «системный сбой». Это сталкивается со страшными проблемами. Например, в виде непримиримой вражды людей различных племен. Начинается гражданская война, носящая племенной характер. Она может длиться сколь угодно долго. Государство начинает распадаться на различные районы (псевдогосударства). Президент страны порой не может выезжать за пределы столицы или посещать некоторые районы своего государства. Там доминируют люди иного племени и у него могут быть проблемы, которые случились у кронпринца в Сараево.

Политическая география таких районов мира начинает носить в высшей степени сложный характер и, фактически, игнорируется. Ее можно представить, скажем, по аналогии с Российской Федерацией. Предположим, что в РФ не проводится жесткой политики в отношении Чечни и сепаратистских ориентаций ее населения. Но есть реальное отличие данного района от государства и остального его населения. Специфика ряда районов Африки в том, что такого рода сепаратистские настроения носят, можно сказать, натуральный характер. Роль политики далеко не везде столь велика, как в РФ. Функции государства не столь велики, но на политической карте мира оно остается единым государством и об изменении границ речь не идет.

Важным фактором становления подхода, при котором «минимизируется проблемность» и соответственно этому определяется отношение к государству со стороны наиболее «сильных мира сего», является здоровье населения. Дело не в соматических заболеваниях. С ними проблемы есть, но они не выплескиваются на международный уровень. Дело в том, что стала принципиально меняться эпидемическая ситуация в мире.

Мы имеем в виду, прежде всего, эпидемии ВИЧ/СПИД и ТБ. В ряде стран мира все еще не осознано то, что кое-что изменилось. Пандемия ВИЧ/СПИД и драматическое изменение по ТБ стало явлением эпохальным. Мир и до того был разнообразен. В современных условиях он становится еще более разнообразным. Данные эпидемические процессы развиваются как тень от социо-культурной организации общества. Разброс показателей по ВИЧ и ТБ-инфицированности в современном мире чрезвычайно велик. Дело не только и не столько в неких генетических и физиологических особенностях в целом. Дело в том, что отношение в культурах мира к медленным эпидемическим процессам принципиально различное.

Показатели по ВИЧ/СПИД и ТБ инфицированности современной Украины примерно в 15 раз превосходят европейские. Там также есть вполне большое разнообразие эпидемических ситуаций. В основном оно связано с эмигрантскими общинами. В частности африканское население и в Западной Европе дает показатели инфицированности близкие к тому, что имеются в черной Африке. Но африканское население в Западной Европе не составляет большинства и вполне маргинально.

Неспособность постсоветских государств решать проблемы, связанные с ВИЧ/СПИД и ТБ как массовыми пространственно-временными эпидемическими процессами, откровенно пугают Западную Европу. Данные инфекции воспринимаются совершенно различно. Пугает то, что качество данных по ВИЧ/СПИД и ТБ в постсоветских государствах не выдерживает никакой критики. В частности, по Украине могут поставить цифры инфицированности от 0.8 до 4.8% всего взрослого населения. Нет ни малейшего внимания к такому вполне бессмысленному разбросу показателей. Соответственно этому, нет и внимания к эффективной профилактике.

Эпидемии ВИЧ/СПИД и ТБ говорят о не привлекательности и недееспособности такого государства. Государство существует не только для того, чтобы воевать и расширять свои границы или удерживать их. Оно должно и решать проблемы такого рода, которые возникают в связи с эпидемиями ВИЧ/СПИД и ТБ.

Проблемы также имеют и чисто экономическое измерение. Это разорительные эпидемии. Они обходятся государству чрезвычайно дорого. Многие страны мира уже столкнулись с этим. Тема по данным эпидемиям решается деликатно, т.к. она не вполне красит государство. Соответственно этому, вопрос решается, но также без особого шума. Такая ситуация в США.

Это частично касается и Российской Федерации. Например, эпидемиологи стали вполне активно интересоваться тем, кто выживает в эпоху ВИЧ/СПИД. Примером может быть диссертация И.А. Кофиади [1]. Некоторое время назад такая диссертационная работа была бы невозможна. Рассуждали о вакцине и аналогичных радикальных мерах решения проблем. Сейчас тематика существенно изменилась. «Генерал туберкулез» вносит свои коррективы в политику и «сильных мира сего». На перспективу это влияние будет усиливаться. Желание изолировать от соседнего государства, в котором показатели инфицированности населения по ТБ, ВИЧ/СПИД и гепатитам в десятки раз превосходят собственные, логично. Думается, все будет решаться в правовом поле. Например, на основании усложненного получения виз, прохождения медицинских комиссий в посольствах или в сертифицированных ими медицинских учреждениях.

Литература

1. Кофиади И.А. Генетическая устойчивость к заражению ВИЧ и развитию СПИД в популяциях России и сопредельных государств. Специальность 14.00.36 «Аллергология и иммунология». Диссертация на соискание ученой степени кандидата биологических наук. М., 2008.
2. Николаенко Д.В. Пространственно-временная динамика процессов социо-культурного освоения территорий. Дисс. доктора геогр. наук. СПб., 1999.
3. Nikolaenko D. The Space – Time – Structure of the HIV/AIDS Epidemic. Another Side of Mirror. Saint Petersburg, 2005.

А.Ю. Полтораков
«Европейская идентичность» как фактор региональной
безопасности

*«Не надо обманчивых грез,
Не надо красивых утопий;
Но Рок подымает вопрос:
Мы кто в этой старой Европе?»*

Валерий Брюсов (1873–1924)

Актуализация «европейского дискурса», наблюдаемая на фоне масштабного геоэкономического кризиса, обостряет внимание к проблемам идентичности и ценностей (на которых базируется последняя). В контексте мега-трендов мирового развития («аккумулированных» терактами 2001 г. и геоэкономическим кризисом последних лет) проблематика обретает особое «измерение безопасности» [1], в котором переплетаются и взаимодополняются геополитические и «геокультурные» (Е. Быстрицкий [2], В. Кузнецов [3]) аспекты.

**«Геокультурное» измерение «европейской идентичности»:
проблемы «европейскости» Украины и России**

Западные исследователи, как правило, ставят под сомнение наличие «европейской идентичности» России как национального государства и россиян. Многие русские мыслители, начиная с П. Чаадаева, также сомневались в этом. С начала XIX в., если не раньше, делятся споры между т.н. «западниками» и «националистами» (или «почвенниками») [4] – вспомним хотя бы строфы В. Брюсова (вынесенные в эпиграф). Первые («европейцы») делают акцент на том, что Россия является неотъемлемой частью общеевропейской цивилизации, вторые («евразийцы») – что Россия является относительно «автономным» геокультурным образованием («российская цивилизация»), близким и родственным (но не тождественным) Европе как цивилизации.

Современная обществоведческая мысль относит Россию не к Новоевропейско-Североамериканской, а к Православно-Славянской цивилизации. Показательны слова Президента РФ Дмитрия Медведева, о том, что «у России такая история, что, собственно, российская культурная идентичность складывалась на европейской базе, но, в то же время, если говорить о более древней истории, если говорить о каких-то бытовых вещах, то очень многое нас роднит как раз с государствами Азиатского региона» [5].

Представители европейской мысли также преимущественно стоят на позициях того, что с социокультурной и политико-экономической точек зрения Россия едва ли принадлежит к Европе как цивилизацион-

ному образованию. Еще герцог Сюлли исключал Московское государство из числа европейских.

До сих пор европейцы не убеждены в полной мере, что россияне разделяют западные ценности, пишет профессор К. Худoley [6]. Споры по этому вопросу, отмечает исследователь, идут уже не одно десятилетие – дискуссии о том, является ли российская элита европейской или только желает казаться такой, шли уже в середине XIX в. «Правильным» ответом на поставленный вопрос видится следующая констатация К. Худoley: за годы реформ в России уже появился достаточно большой слой (20-25 % населения), которые ориентируются на западные ценности; пока что этот слой пассивен политически, но становится все более активным экономически. Это сказывается на отношениях РФ с НАТО и ЕС. Но показательно и то, что Россия практически никогда не поднимала вопрос о своем членстве ни в НАТО, ни в ЕС.

Ситуация с Украиной намного более сложная. Если большинство исследователей не сомневаются в особом, «незападном» цивилизационном статусе России, то относительно Украины такого «консенсуса» не наблюдается. Многие исследователи, в частности С. Хантингтон, считают Украину цивилизационно «расколотой». Это сказывается и на отношении к Украине как отдельных западных стран, так и западных объединений типа НАТО и ЕС.

Исследователи отмечают, что, несмотря на то, что и Россия, и Украина «избрали» европейскую идентичность, ни в одной из стран она не зафиксирована окончательно [7]. При этом «за скобками» (по крайней мере, политическими) остается то обстоятельство, что, как верно подметил итальянский лингвист Д. Марани, «кажется ошибкой противопоставление одной идентичности другой, непонимание, что существуют переходные зоны между культурами», а «разные идентичности не исключают друг друга, а питают взаимно» [8]. И подобное не(до)понимание, еще более принципиальное для сферы геополитики, существенно осложняет диалог в том числе в сфере региональной безопасности.

Такое отношение накладывает отпечаток на будущую судьбу Украины (да и России) в так называемой «Большой Европе». Западные исследователи уже давно отмечают, что разделение на членов и нечленов ЕС будет существовать и далее, а Украина и Россия будут и после расширения ЕС и НАТО «аутсайдерами». Аналогичная ситуация наблюдается и относительно Беларуси и Молдовы. Политическим проявлением этого можно считать предоставление Украине, Молдове, Беларуси иже с ними статусов «специальных» соседей и партнеров расширенного ЕС [9]. Именно в таком контексте следует понимать недав-

ние слова американского дипломата Дж. Мура (временный поверенный в делах США в Минске), «что 10-15 лет назад ЕС и США уделяли недостаточно внимания Беларуси. Высок был интерес к Балканам, Балтии, Центральной Европе, но не СНГ, не Беларуси. С другой стороны, уже в 1995 г. развитие ситуации внутри страны затруднило бы активизацию сотрудничества. Она возможна сегодня: в последние годы к географической европейской идентичности белорусов добавилось политическая» [10].

Для сравнения укажем, что еще более сложная ситуация с Турцией. Географически небольшая часть страны – около 3% ее территории – принадлежит европейскому континенту. Однако о «европейскости» Турции в «геокультурном» плане не может быть и речи [11]. Тем не менее, в политических дискурсах вопрос, является ли Турция европейской, постоянно присутствует [12]. Запад как таковой не считает Турцию «своей» и дистанцируется от нее. Ярким проявлением этого являются регулярные отказы (начиная с Люксембургской ассамблеи Евро-Парламента в декабре 1997 г.) положительно решить вопрос о членстве Турции в ЕС. Отказы вызывают большое количество резких публикаций в турецких медиа и периодически разворачивают в «общественном мнении» полемику относительно того, что многолетний диалог Запада с Турцией вызван лишь уникальным геополитическим расположением Турции и главным образом имеет целью использовать Турцию в качестве «щита» между стабильной Западной Европой и нестабильными регионами Ближнего и Среднего Востока. Военные операции Запада в странах-соседях Турции (Ираке и Афганистане) только усиливают подобную аргументацию.

Идентичность и безопасность: политико-системные аспекты «европейской идеи»

На нынешнем этапе развития политико-политологической мысли даже вопросы международной безопасности рассматриваются западными учеными «с позиций гражданского общества с учетом их сложных и подвижных структур идентичности» [13]. Идентичность же означает основные и стойкие черты, которые составляют своеобразие личности или группы, а также социально-психологическое чувство принадлежности к группе, основанное на географической, лингвистической, культурной общности.

Осознание общности служит основой для решения социально-экономических и социально-политических проблем. Поэтому в современных процессах европейской интеграции фактор идентичности играет огромную роль консолидации. Однако, учитывая то, что в Европе

существует несколько уровней идентичности (национальная, региональная, европейская), может возникнуть опасность того, что европейская идентичность может вступить в конфликт с национальной идентичностью. Так, если в 1994 г. 7% от общего числа опрошенных жителей стран Евросоюза склонны были определять себя в качестве «европейцев», то в 2004 г. – лишь 3%. Для сравнения, в 1994 г. и 2004 г. соответственно 33% и 41% опрошенных считали себя только (!) гражданами своей страны.

Политика Евросоюза направлена на то, чтобы разноуровневые идентичности были совместимыми, а европейская политическая интеграция не угрожала растворением национальных идентичностей. В ней речь идет о Европе в ее разнообразии (этнокультурном, лингвоконфессиональном, политико-экономическом). В геокультурном (цивилизационном) смысле речь идет о Европе, способной воспринимать иные культуры и вступать в диалог со всеми – и в то же время способной сохранить свои собственные культурно-философские традиции («европейскую идентичность»), опираясь на «европейские ценности». В военно-политическом смысле говорится о Европе, которая налаживает в собственных рамках военно-политическое сотрудничество, опираясь на соответствующие интеграционные идеи и ценности, которые проходят везде сквозь историю европейской цивилизации.

В этом смысле перспективно звучат слова Дм. Медведева: «Нужно думать над тем, чтобы наша европейская идентичность получала новые формы выражения. Не создавать таких ситуаций, как в Косово, не создавать поводов для возникновения новых государств, которых никогда на карте Европы не было, и которые появляются с колоссальным драматизмом и кровью. Укреплять идентичность нужно иначе» [14].

Европейская идея базируется на геокультурном (цивилизационном) единстве, проходит сквозь всю историю развития европейских народов, так как, несмотря на многочисленные расхождения, их объединяет глубоко укорененное чувство «европейской идентичности», базирующееся на общих историко-культурных и социально-политических ценностях. Именно поэтому последние «пакетные» расширения Евросоюза и НАТО, с точки зрения геокультурного (цивилизационного) подхода, следует расценивать как закономерный этап возвращения прежде отторгнутых «инородной» системой (социалистического образца) народов этих стран в единую европейскую «семью».

Выводы

Использование в геополитическом дискурсе категорий «европейской идентичности» и «европейских ценностей» показывает, что гео-

культурный элемент имманентно присутствует в отношениях России или Украины с НАТО и ЕС, в том числе в сфере безопасности.

Геокультурный подход к региональной безопасности позволяет глубже понять общие особенности геополитики государств Европы. Так, активную европейскую политику Германии и Франции можно рассматривать сквозь призму идеи «сердцевинной страны» европейской компоненты Новоевропейской-Североамериканской («Западной») цивилизации. С другой стороны, осторожную политику относительно европейской интеграции со стороны Великой Британии и ее особые отношения с США можно объяснить тем, что она, во-первых, всегда относилась к определенной периферии «Западной» цивилизации (не только географически), а во-вторых – служит основным звеном трансатлантических связей в общецивилизационном измерении «Западной» цивилизации.

Относительно же военно-политического сотрудничества в рамках Новоевропейской-Североамериканской («Западной») цивилизации следует отметить, что НАТО как международную военно-политическую организацию можно считать структурным олицетворением системы, на которую положены функции военно-политического сотрудничества в общецивилизационном измерении, тогда как ЕС выполняет функции ключевого органа всестороннего сотрудничества в рамках европейской составляющей «Западной» цивилизации.

Несоответствие «европейской идентичности» является одним из важнейших факторов, которые усложняют отношения Турции с ЕС и, частично, с НАТО (ведь принятие Турции в НАТО было обусловлено исключительно реалиями «холодной войны» и блокового противостояния). Подобная ситуация наблюдается и в отношениях России и Украины со странами и организациями Запада.

Литература

1. См.: The Culture of National Security / P.J. Katzenstein (ed.). N.Y., 1996.
2. Бистрицький Є. Конфлікт культур і філософія толерантності // Ідея культури. К., 2003.
3. Кузнецов В.Н. Геокультура. М., 2003.
4. См. Западники и националисты. М., 2003.
5. Стенографический отчет о встрече с участниками международного клуба «Валдай» (12 сентября 2008 г.).
6. Худoley К.К. Россия и Европейский Союз: некоторые аспекты отношений // 50-летие европейских сообществ и Россия: Прошрое. Настоящее. Будущее. СПб, 2002.

7. См, например: Пелагеша Н. Україна у смислових війнах постмодерну. К., 2008.

8. Марани Д. Добиваться чистой расы – преступно, добиваться чистого языка – абсурд. – URL: www.openspace.ru/literature/names/details/10930

9. Полтораков О., Шарф О. На перехрестях: Україна і Білорусь у тіні великої Європи? // Зовнішні справи. 2009. №2. URL: <http://uaforeignaffairs.com/article.html?id=335>

10. Мур Дж. США уважают те отношения, которые Беларусь поддерживает с Россией // БелаПАН, 25 июня 2009 г.

11. Çagaptay S. Islam, Secularism, and Nationalism in Modern Turkey. Routledge, 2006.

12. Ср.: Alexander Y., Brenner E.H., Tutuncuoglu S. Turkey. Routledge, 2008.

13. Залевски М., Энло С. Вопросы идентичности в международных отношениях // Теория международных отношений на рубеже столетий. М., 2002.

14. Сванидзе М., Сванидзе Н. Медведев. М., 2008.

С.А. Сибиряков
Политико-управленческая элита и общественное сознание
украинского общества в условиях смены
внешнеполитического курса страны

Актуальность. В результате президентских выборов в январе-феврале 2010 года к власти в Украине пришла новая президентская команда.

Уже первые два месяца показали, что внешнеполитический курс страны меняется. Четко продекларирован внеблоковый статус Украины, подписано и ратифицировано в парламенте соглашение о продлении аренды базы российского Черноморского флота в Севастополе. Подписаны ряд взаимовыгодных российско-украинских договоров. Эта работа проходит в непростых условиях обструкции действий новой власти со стороны оппозиции. Успех дальнейшего продвижения на этом важнейшем направлении во многом будет зависеть от изменений в системе представлений и психологических свойств политико-управленческой элиты и общественного сознания украинского общества. С этой точки зрения представляется актуальным анализ мониторинга социетальных изменений украинского общества и изучение особенностей психосоциальной среды аппарата государственного управления.

Результаты исследования. Через несколько месяцев после прихода к власти президента Ющенко в апреле-мае 2005 г. кафедрой политоло-

гии Национальной академии государственного управления при Президенте Украины (НАГУ) исследователями А. Крюковым и С. Сибиряковым под общим научным руководством профессора, доктора социологических наук Е. Афонина была разработана специальная программа опроса представителей этой новой власти. В рамках программы методом анкетного интервью было опрошено 439 респондентов из всех областей Украины [1].

Анализ данных опроса позволил сравнить социальный и социально-психологический портреты представителей украинского общества по данным мониторинга [2] и составить социальный и социально-психологический портреты вновь назначенных руководителей (глав) РГА по шести шкалам социально-психологических характеристик [3–5].

Выводы. В целом анализ данных мониторингового исследования социетальных изменений в украинском обществе 1992–2009 гг. (см. таблицу) свидетельствует о том, что после очередного общественного хаоса в Украине снизилась кризисная напряженность после серии выборов. Однако существует опасность противостояния, потому что элитные группы не структурированы по глубинным ценностям и нет единой для всей элиты эквифинальной цели процесса (национальной идеи). Очередное испытание – экономическая дифференциация общества, создавшаяся под воздействием финансово-промышленных групп. Это испытание дополнительно усложняется действием внешних факторов.

ТАБЛИЦА
социетальных изменений украинского общества, 2002–2009

1) Шкала «Экстраверсия / Интроверсия» – установка на мировосприятие или психическая готовность социального субъекта к восприятию явлений внешнего (экстраверсия) / внутреннего (интроверсия) мира

Признаки качества	Общ-во N=1771 10.2002	Общ-во N=2029 01.2006	Общ-во N=2275 12.2006	Общ-во N=2109 12.2007	Общ-во N=2099 12.2008	Общ-во N=10424 12.2009	Главы РГА N=439 04-05.2005	Госслуж. N=623 04.2009
Экстраверсия	19,3	32,7	33,4	35,2	38,9	32,3	41,5	45,1
Интроверсия	27,9	17,7	18,6	21,6	20,1	14,4	8,2	9,0
Амбивалентность	52,8	49,6	48,0	43,2	41,0	53,3	50,3	45,9

2) Шкала «Эмоциональность» / «Прагматичность» – средства мировосприятия (человек, по П. Сорокину, существо чувственное / мыслящее).

Это один из важнейших признаков (эмоциональность), обусловивший жертвенную сущность советского человека и психологическое основание укоренившихся советских установок (раньше думай о Родине, а потом о себе). Противоположный ему качественный признак (прагматичность) предопределяет современную социально-поведенческую реакцию людей, ориентированную на утилитарные ценности и материальную пользу.

Признаки качества	Общ-во N=177 1 10.200 2	Общ-во N=202 9 01.2006	Общ-во N=227 5 12.2006	Общ-во N=210 9 12.2007	Общ-во N=209 9 12.2008	Общ-во N=1042 4 12.2009	Главы РГА N=43 9 04- 5.2005	Госслуж. N=623 04.2009
Эмоциональность	14,6	21,5	23,3	27,2	25,0	13,5	14,1	20,0
Прагматичность	20,8	12,5	13,5	9,8	10,9	9,5	16,4	15,4
Амбивалентность	64,6	66,0	63,2	63,0	64,1	77,0	69,5	64,5

3) Шкала «Иррациональность / Рациональность» – форма мировосприятия (восприятие целостно – гештальтом, единым и неделимым образом / по-частям – дискретно, в деталях).

Модерному советскому обществу была свойственна гештальтовая форма мировосприятия в то время, как для постмодерного западноевропейского общества свойственно дискретное мировосприятие.

Признаки качества	Общ-во N=1771 10.2002	Общ-во N=2029 01.2006	Общ-во N=2275 12.2006	Общ-во N=2109 12.2007	Общ-во N=2099 12.2008	Общ-во N=1042 4 12.2009	Главы РГА N=439 04- 05.200 5	Госслуж. N=623 04.2009
Иррациональность	12,2	8,9	6,3	8,4	7,9	5,6	0,7	5,3
Рациональность	26,4	34,2	37,4	39,4	38,3	34,0	64,9	51,5
Амбивалентность	61,4	56,9	56,3	52,2	53,8	60,4	34,4	43,2

4) Шкала «Интуитивность / Сенсорность» – способ мировосприятия (абстрактно логический / конкретно чувственный). Качественный признак «Интуитивность» предопределил становление советской фундаментальной научной школы и общеобразовательной, средней, политехнической школы, направленных на формирование универсального знания и универсальной (всесторонне развитой) личности. Во время оранжевой революции к украинцам вернулась исторически присущая им сенсорность, в то время, как русским все еще оставалась свойственна интуитивность. Сегодня к украинцам снова вернулась свойственная им в советский период интуитивность.

Признаки качества	Общ-во N=1771 10.2002	Общ-во N=2029 01.2006	Общ-во N=2275 12.2006	Общ-во N=2109 12.2007	Общ-во N=2099 12.2008	Общ-во N=1042 4 12.2009	Главы РГА N=439 04- 05.2005	Госслуж. N=623 04.2009
Интуитивность	8,1	23,2	26,5	28,5	29,9	18,6	72,7	53,3
Сенсорность	12,9	20,6	20,5	21,7	21,0	15,9	6,4	4,5
Амбивалентность	79,1	56,2	53,0	49,8	49,1	65,5	21,0	42,2

5) Шкала «Экстернальность / Интернальность» – локус-контроль (психическая предрасположенность субъекта приписывать ответственность за результаты своей деятельности внешним / внутренним силам). Это один из наиболее существенных показателей, отражающих особенности функционирования механизмов социального контроля, его ориентированности на внешние/внутренние формы ответственности (контроля/самоконтроля).

Признаки качества	Общ-во N=1771 10.2002	Общ-во N=2029 01.2006	Общ-во N=2275 12.2006	Общ-во N=2109 12.2007	Общ-во N=2099 12.2008	Общ-во N=1042 12.2009	Главы РГА N=439 04- 05.2005	Госслуж. N=623 04.2009
Экстернальность	7,8	22,2	22,9	25,1	26,3	18,7	8,4	8,7
Интернальность	22,5	9,3	9,4	9,5	11,1	6,7	47,6	25,4
Амбивалентность	69,7	68,5	67,7	65,4	62,6	74,6	44,0	66,0

6) Шкала «Экзекутивность / Интенциональность» – гендер (женский/мужской социокультурный пол или традиционно отнесенная к женщине или к мужчине социальная роль). К архетипам экзекутивности можно отнести социальные роли, связанные с сохранением, обеспечением, функционированием, воспроизводством целостности семьи, социальной группы, общности в то время, как к архетипам интенциональности мы относим роли, связанные с развитием, выходом за пределы целого, связь семьи, социальной группы, общности с внешним миром, которая в свое время толкала людей на освоение новых земель.

Признаки качества	Общ-во N=1771 (10.2002)	Общ-во N=2029 (01.2006)	Общ-во N=2275 (12.2006)	Общ-во N=2109 (12.2007)	Общ-во N=2099 (12.2008)	Общ-во N=1042 4 (12.2009)	Главы РГА N=439 (04-05.2005)	Госслуж. N=623 (04.2009)
Экзекутивность	12,1	9,4	9,5	9,8	8,7	6,1	2,1	4,6
Интенциональность	17,4	44,5	46,8	47,8	47,0	42,9	78,8	62,8
Амбивалентность	70,5	46,1	43,7	42,3	44,3	51,0	19,1	32,6

Динамика становления социетальной идентичности ¹ в Украине (2002–2009)								
Признаки качества	Общ-во N=1771 10.2002	Общ-во N=2029 01.2006	Общ-во N=2275 12.2006	Общ-во N=2109 12.2007	Общ-во N=2099 12.2008	Общ-во N=1042 4 12.2009	Главы РГА N=439 04-05.2005	Госслуж. N=623 04.2009
Состояние сформированности социетальной идентичности	33,65%	42,78%	44,68%	47,35%	47,52	36,37%	58,62	55,93

1. Социетальная идентичность – новый модус идентичности, доминирующий в постмодерном обществе; характеристика индивида с точки зрения его отождествления с самим собой в контексте связности и непрерывности собственных изменений. Этот модус идентичности появляется как интегральный образ всей совокупности ролей, доступных индивиду в его личностном опыте. Социетальная идентичность приходит на смену социальной идентичности, модус которой доминирует в современном обществе. Указанные модусы являются своего рода конроверсами, формирующими соответственно: социетальный – идеалистическую и социальный – материалистическую картины мира. Оба модуса идентичности сопровождают любую из общественно-исторических эпох, характер которой определяет доминирующий из модусов идентичности.

Литература

1. Афонін Е.А., Донченко О.А., Антоненко В.О. Соціетальна психокультура України: «Помаранчевий перехід» // Соціальна психологія. 2006. № 4. С. 77-93.
2. Афонін Е.А., Сибиряков С.О. Політична культура української еліти як суб'єктивний чинник розвитку суспільства (системно-синергетичний підхід) // Формування й оновлення політико-управлінської еліти в сучасній Україні: Зб. наук. пр. / За заг. ред. М.І.Пірен. К., 2005. С. 101-122.
3. Сибиряков С. Социально-психологический портрет украинского общества и его руководителей. URL: <http://www.russian.kiev.ua/material.php?id=11604836>
4. Афонін Е., Донченко О. Проблема психологічного феномена проєкції в політиці // Політичний менеджмент. 2009. № 4(37). С. 28-43.
5. Політико-управлінська еліта України як чинник державотворення: Монографія / О.І. Крюков; за ред. Е.А. Афоніна; НАДУ. К., 2006.

Д.Н. Чуваткин

Международная обстановка в начале XXI в.: основные военные акторы, их цели и интересы

Военная политика любого государства в значительной степени определяется состоянием международной обстановки, характером отношений ведущих государств мира, развитием международных правовых режимов и их способностью к адаптации в новых геополитических и геоэкономических условиях. Это связано с самой природой государства как важнейшего актора мировой политики, представляющего миссию и ценности своего народа, традиции взаимодействия с другими государствами, международными организациями и негосударственными структурами. Кроме того, стоит отметить возрастающую роль внешних условий социально-политического и экономического развития современного государства. Внешняя торговля, привлечение инвестиций и контроль за рынками сбыта товаров и рынками труда, стимулирование ведущих производителей и предоставление экономических преференций собственным бизнес-структурам – далеко не полный перечень тех обстоятельств, которые требуют внимательного учета при выработке военной стратегии государств, формирования концепций безопасности и их реализации. Для России как государства, ставшего правопреемником СССР, этот ряд обстоятельств должен быть также дополнен широким списком условий, предопределяющих ее военную роль в мире и современное видение безопасности (например, поддержка соотечественников в ближнем и дальнем зарубежье, урегулирование

военных конфликтов на границах государства, предотвращение появления и развития агрессивных политических режимов в непосредственной близости к территории РФ, реализация режима нераспространения ОМП и др.).

Российская военно-политическая стратегия, ее концептуальное основание должны учитывать особенности международной обстановки в начале XXI века. Это может проявляться как на уровне конкретных официальных документов РФ, так и на уровне политического сознания российского правящего класса, представителей отечественной политической элиты. В конечном счете, характер мировосприятия и более и менее четкое самоопределение российской элиты в важнейших вопросах мировой политики и военной стратегии, стоящих в актуальной повестке дня, серьезно влияет на реальный политический курс страны, выбор, сохранение и поддержание конкретных приоритетов.

С окончанием «холодной войны» в мире произошло среди прочего и серьезное изменение глобальных военных и оборонных отношений государств. Вместо создания новых институтов или, по крайней мере, радикального обновления и переосмысления имеющихся курс был взят на универсализацию тех структур и институтов, которые в эпоху идеологического противостояния составляли основу западного мира. Иллюзорная картина «конца истории», нарисованная Френсисом Фукуямой в 1989 году, в академическом мире даже тогда мало кого убедила, но на протяжении долгого времени оказывала воздействие на политическое сознание Запада [1]. Не подверглась сомнению «естественность» того, что в условиях глобализации будет распространяться западный тип организации общества и экономики. Выяснилось, что старые институты не справляются с вызовами новой реальности. В условиях сегодняшнего финансового кризиса особенно удивительно, до какой степени деградировал, например, Международный валютный фонд. Каких-то 10 лет назад эта организация, своего рода символ преобразования мира по западной модели, вершила судьбы столь важных держав, как Россия, Мексика, Индонезия, Турция, Южная Корея, Аргентина. Сейчас МВФ способен разве что развести руками и посотовать на неуправляемую рыночную стихию. Ни одна из структур, которые, как предполагалось, станут инструментами глобального управления, в полной мере не справляются с такой функцией, и этому не приходится удивляться. Ведь они – продукт предшествующей эпохи, когда все было совсем иначе. Некоторые организации не только не укрепляют стабильность, но и расшатывают ее – расширение НАТО превратилось из способа экспортировать безопасность в катализатор глубоких

конфликтов. Кавказская война августа 2008 года – наиболее яркое проявление этого.

Появились новые концепции (например, «гуманитарная интервенция» [2], или «мягкая сила»[3]), служащие политическими инструментами ведущих государств, но не предусмотренные международным правом. Большинство стран мира продолжали выступать против пересмотра системы отношений, которым фактически занималась сторона, завладевшая инициативой после «холодной войны». Посему официальное изменение правил игры было невозможно, а разрыв между буквой и духом увеличивался.

Фактор военной силы, который вроде бы признали утратившим решающее значение в 1990-е годы, в полном масштабе и в грубой форме вернулся в мировую политику.

Соотношение вооруженных сил в мире после «холодной войны» в конце XX века характеризуется упрочнением статуса США как единственной военной супердержавы. Об этом говорят не только факты применения военной силы в различных регионах мира, функционирования масштабных военных баз и воинских контингентов за пределами территории США. Красноречиво свидетельствует о масштабах военного доминирования единственной сверхдержавы статистика военных расходов. По данным СИПРИ, военные расходы США возросли в 2005 г. на 25,6 млрд долл., то есть, до 478,2 млрд долл. в постоянных ценах 2003 г.[4]. Этот прирост увеличил долю США в мировых военных расходах с 47 до 48%.

Стоит также отметить, что соображения безопасности, которыми руководствуются в первую очередь нынешние великие державы, исключая США, принимают в расчет исключительно региональные (или даже локальные) интересы. Глобальная безопасность и мировые военные отношения могут поэтому оказаться менее значимыми в политических расчетах великих держав. Это наводит многих исследователей на мысль о том, что современная миросистема, в отличие от многополярной межгосударственной системы конца XIX века, при которой соревнование великих держав приобретало все более и более глобальный характер, может сделаться более региональной, более фрагментарной и, следовательно, более дезорганизованной.

Фрагментация мира на относительно дискретные «региональные безопасности», ставшая одним из последствий окончания «холодной войны», повлекла за собой новую вспышку национальных конфликтов и рост напряженности в Европе и на Балканах, на границе между Индией и Пакистаном в Южной Азии, в Юго-Восточной Азии. Эта «регионализация» международной безопасности представляет собой су-

ственную особенность мировой военной системы, что дает возможность рассматривать интересы и стратегии ведущих факторов мировой политики как соперничество в конкретных географических зонах за поддержание наиболее удобных и выгодных им режимов безопасности, контроль над стратегическими ресурсами и транспортными коридорами.

Однако есть в современной политологии и теории международных отношений и иные подходы. В частности, Дж. Мюллер оспаривает значение регионализации, поскольку к современной модели отношений безопасности предъявляются ограничивающие друг друга требования. Глобальная безопасность и военный порядок находятся в состоянии «структурного раздвоения», т.е. фрагментации на две совершенно разные системы, каждая из которых обладает своими стандартами, правилами управления и нормами межгосударственных отношений. Вероятные затраты на войну (обычную или ядерную) между развитыми индустриальными странами будут настолько велики, что она теряет смысл, она непродуктивна и как способ разрешения межгосударственных конфликтов, и как способ изменения международного *status quo* [5]. В отличие от этого, государства второстепенные (развивающиеся страны) существуют в рамках системы, которой свойственны политическая нестабильность, милитаризм и государственная экспансия и у которой нет никакого инструмента для обуздания войны как рационального орудия государственной политики.

Несмотря на тенденции регионализации и фрагментации существует и другая тенденция — к усилению мирового военного порядка, к единообразию. Это выражается в следующих конкретных явлениях современной мировой военной политики:

1. Сдвиг к совместной обороне во многих регионах мира, формирования многосторонних систем или многосторонних мер безопасности (трансформация блока НАТО после 1990 г., появление регионального форума АСЕАН, реализация миротворческих усилий под эгидой ООН, формирование ОДКБ и др.).

2. Укрепляются и расширяются финансовые, торговые и экономические связи между государствами, что приводит к повышению «чувствительности» даже мощных военных держав по отношению к тому, что касается военной безопасности и военного развития в других регионах (например, прямая сырьевая заинтересованность США в развертывании кризиса в Персидском заливе в 1990 г., Иракской и Афганской кампаниях 2000-х гг.).

3. Угрозы национальной безопасности приобретают все более разнообразный характер и перестают быть исключительно военными

(рост запасов ОМП – потенциальная угроза всем государствам, а не только конкретным «владельцам» этих арсеналов, что заставляет принимать коллективные решения, искать путем совместных усилий новые глобальные механизмы координации и сотрудничества между странами).

Таким образом, современный геополитический порядок, далеко не такой уж фрагментарный, по-прежнему отягощен проблемами глобальной стратегической взаимосвязанности. При этом отсутствие какой-то серьезной глобальной военной конкуренции (типа «холодной войны» или империализма XIX в.) не следует принимать за процесс военной деглобализации.

Литература

1. Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. М., 2004.
2. См.: Гусейнов В.А. Гуманитарная интервенция как элемент нового миропорядка? // Вестник аналитики. 2001. №3; Иноземцев В.Л. Гуманитарные интервенции. Понятие, задачи, методы осуществления // Космополис. 2005. №1(11).
3. См.: Joseph S. Nye Jr. The Powers to Lead. Oxford, 2008; на русском языке: Най Дж. Soft power, или «мягкая сила» государства // Альманах «Восток». Выпуск: №5(41), декабрь 2006; Най Дж. Мягкая сила и европейско-американские отношения // Прогнозис. 2007. №8.
4. Ежегодник СИПРИ: вооружение, разоружение и международная безопасность. Пер. с англ. / Институт мировой экономики и международных отношений РАН. М., 2006. С. 267.
5. Mueller J. Retreat from Doomsday: The Obsolescence of Major War. N.Y., 1989.

Секция 2. ЭВОЛЮЦИЯ ОБРАЗА РОССИИ В СТРАНАХ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ

А.М. Бетмакаев

Феномен «культурной холодной войны» в зарубежной историографии международных отношений

В опубликованной в начале этого года двухтомной энциклопедии «Культурные войны» ее редактор Р. Чепмен трактует этот термин как конфликт ценностей и идеологий. Его происхождение он усматривает в культуркампе («культурной борьбе»), которую в 1870-е гг. вели германский канцлер Отто фон Бисмарк и католическая церковь [1].

Холодная война как идеологический конфликт между Западом и Востоком – либеральными демократиями и советским коммунизмом – в полной мере может рассматриваться как «культурная война», что подтверждают зарубежные исследования по истории международных отношений после 1945 г., которые появились в последнее десятилетие.

Для советского режима, в котором марксистско-ленинская идеология была краеугольным камнем, идеологический конфликт («культурная война») был нормальным состоянием. Американский историк П. Дюкс обращает внимание на высказывания А. Жданова, секретаря по идеологии ЦК ВКП (б), о том, что «силы мракобесия и реакции сегодня направлены на борьбу против марксизма: Ватикан и расистская теория, бешеный национализм и идеалистическая философия, наемная желтая пресса и развратное буржуазное искусство. Но очевидно, что этого недостаточно. Сегодня под знаменем идеологической борьбы против марксизма мобилизованы большие резервы. Гангстеры, сутенеры, шпионы и преступные элементы приняты на работу». В другой речи Жданов обрушился на англоязычные фильмы и другие продукты массовой культуры, которые поработают национальную культуру. В ответ предлагалось распространять «подлинное народное» советское искусство [2].

Исходя из эффективности пропаганды, особенно привлекательным для советского руководства было использование киноискусства (согласно ленинскому выражению «Из всех искусств для нас важнейшим является кино»). В статье британской исследовательницы С. Дэвис «Советское кино и ранняя Холодная война: фильм Пудовкина “Адмирал Нахимов” в контексте» анализируется развитие советской идеи о том, что кинофильмы являются оружием в Холодной войне. Она отмечает, что отношения СССР с Голливудом были крайне важны. Совет-

ский кинематограф находился в постоянном «диалоге» с американским кино, которое служило для него основным ориентиром и источником самоидентификации. Если в годы войны советские деятели кино часто стремились подражать американцам, то с началом Холодной войны советское руководство попыталось отойти от чрезвычайно влиятельной американской модели к национальному кино, способному привлечь разочарованных в американской культурной гегемонии. Все же сохранялась двусмысленность в советском восприятии: советские кинематографисты стремились к национальному кино, одновременно продолжая оценивать свое кино с точки зрения американской модели. В этом контексте неудивительно, что Жданов считал фильм «Адмирал Нахимов» советским аналогом известного американского фильма об адмирале Нельсоне «Леди Гамильтон» (1941 г.). Историк также обращает внимание, что в фильме явно прослеживается противопоставление превосходства высоких русских (советских) моральных качеств над западной буржуазной моралью. Появление фильма также совпало с дипломатическими попытками СССР оказать давление на Турцию и пересмотреть конвенцию Монте (1936 г.) о режиме черноморских проливов. В ходе создания фильма режиссер Вс. Пудовкин получал указания от Сталина, в результате которых интерпретация образа Нахимова изменилась с Нахимова как человека к Нахимову как адмиралу, который принимает исторические решения в ходе отражения нападения западных держав [3].

«Культурная холодная война» имела не только внутренний аспект (пропаганду среди своего населения), но и внешний (пропаганда за рубежом). По мере развития конфликта американские дипломаты стали считать, что должны улучшать образ США в мире. Общественные и культурные деятели поощряли власти оказывать больше влияния посредством американской культуры на другие страны. Американские руководители надеялись, что распространение американской культуры за границей будет способствовать утверждению демократических ценностей и подрыву позиций советского коммунизма.

Об этом подробно пишет американка Дж. С.И. Гинов-Хехт в статье «Насколько мы хорошие? Культура и Холодная война» в сборнике «Культурная Холодная война в Западной Европе, 1945–1960 гг.» [4]. По ее мнению, образ Америки за границей после Второй мировой войны был плохим. Опросы общественного мнения в Западной Германии в 1945–1950 гг., например, показывали, что немцы боялись принятия демократических ценностей за счет утраты немецкого культурного наследия. Опрошенные полагали, что коммунисты читают классику, говорят на различных языках и слушают романтиков XIX в. Демокра-

тически настроенные зрители, напротив, увлекаются мультфильмами, поп-музыкой и потребительскими товарами. Коммунисты Восточной Европы и СССР использовали подобные представления об американской культуре в качестве краеугольного камня коммунистической пропаганды: американцы глупы, у них нет никакой культуры или, по крайней мере, ничего существенного в культурных достижениях. Но гегемония США угрожала уничтожить культуры других, более «передовых» наций. Правительство ГДР, например, неуклонно нападало на американскую культуру как проявление коррумпированной демократии.

Чтобы ответить на это нападение в «культурной войне», американское правительство учредило множество организаций и программ, в т.ч. Информационное агентство Соединенных Штатов (ЮСИА) и программу академических обменов Фулбрайта. В июле 1954 г. президент Эйзенхауэр инициировал создание программы культурного обмена для исполнительских видов искусства, чтобы улучшить восприятие в мире образа США. Культурная дипломатия стала частью американской стратегии ведения Холодной войны.

Чрезвычайный Фонд президента Эйзенхауэра по вопросам международных отношений выделял, начиная с 1954 г., 5 млн долларов ежегодно для организации 60 музыкальных туров за границу, включая мюзикл Дж. Гершвина «Порги и Бесс». Программы ЮСИА поддерживали организацию международных выставок, экспонаты которых оценивались как типичные для американской культуры и общества, включая потребительские товары, стандарт жизни и преимущества рыночной экономики.

Одним из самых высоких пунктов американской музыкальной дипломатии во время Холодной войны стал пианист Х. Ван Клиберн. В апреле 1958 г. 23-летний техасец поехал в Москву и получил первый приз на Международном конкурсе Чайковского с интерпретацией Концерта для фортепьяно Рахманинова № 3, став внезапно всемирно известным музыкантом. Н.С. Хрущев, композиторы Д. Шостакович и К. Кондрашин первыми поздравили молодого пианиста. Когда Клиберн возвратился домой, то для него был организован парад на Манхэттене, впервые в честь исполнителя классической музыки, а мэр Нью-Йорка объявил день его возвращения «Днем Ван Клиберна». Как подчеркивает Дж. С.И. Гинов-Хехт, в геополитической борьбе за Германию и Европу Клиберн доказал, что американец мог играть классическую музыку точно так же, как европейский музыкант. Что еще более важно, его работа свидетельствовала об уважении Америки к высокой культуре, что ставилось под сомнение коммунистической пропа-

гандой. В 1959 г. президент Эйзенхауэр отправил дирижера Л. Бернштейна и оркестр Нью-йоркской Филармонии в турне по Европе и СССР, чтобы убедить миллионы слушателей в культурной совместимости Старого и Нового света.

Американское музыкальное наступление в «культурной войне» не ограничивалось только исполнителями классической музыки. Историк Л. Давенпорт в монографии «Джазовая дипломатия» исследовал значение использования американского джаза для улучшения имиджа США [5]. В книге достаточно убедительно показано, как американский джаз в качестве инструмента дипломатии с 1954 по 1968 гг. влиял на отношения сверхдержав в эру Холодной войны, поскольку джаз изменял образ США во всем мире. Джазовая дипломатия ослабила напряженность в американо-советских отношениях. Кроме того, поездки джазовых музыкантов за границу, в том числе и в СССР, отразили культурные, расовые и политические изменения (речь, в первую очередь идет о движении за гражданские права афро-американцев). Джазовая дипломатия остро освещала культурные и расовые парадоксы Америки на мировой арене. Джаз часто символизировал отчуждение черных американцев от американского общества. В то же самое время джаз был уникальным символом художественного и культурного динамизма американской демократии. Поскольку джаз оставался ярким свидетельством способности искусства преодолевать политические и культурные барьеры, джазовая дипломатия поместила отношения сверхдержав в сложный культурный контекст. Джаз отчетливо продемонстрировал появление нового американского идеала на мировой арене, которая поспособствовала свержению коммунистических режимов.

Феномен «культурной Холодной войны» продолжает находиться в центре внимания зарубежных исследователей, в особенности в связи с расширением научных исследований в рамках так называемой «новой политической истории», которая главное внимание уделяет анализу политической культуры и ее влиянию на общественно-политические отношения.

Литература

1. Culture Wars: An Encyclopedia of Issues, Viewpoints, and Voices. In 2 vols. / Ed. by R. Chapman. Armonk, 2010. P. XXVII.
2. Dukes P. The Superpowers: A Short History. L., 2000. P.110.
3. Davies S. Soviet Cinema in the Early Cold War: Pudovkin's Admiral Nakhimov in Context // Across the Blocs : Cold War Cultural and Social History / Ed. by P. Major and R. Mitter. L., 2004. P. 39–55.

4. Gienow-Hecht J.C.E. How Good Are We? Culture and the Cold War // The Cultural Cold War in Western Europe, 1945–1960 / Ed. by G. Scott-Smith and H. Krabbendam. L., 2003. P. 225–236.

5. Davenport L.E. Jazz Diplomacy: Promoting America in the Cold War Era. Jackson, 2009.

А.Ю. Вакалова

Чеченская война во французских СМИ. Ее влияние на имидж России во Франции

Война в Чечне нанесла серьезный удар по имиджу нашей страны. Основная сила этого удара шла через зарубежные СМИ. Поэтому крайне важно представлять, какую оценку дают зарубежные издания проводимой политике для того, чтобы выбирать правильный путь работы с прессой.

Объектом исследования, предпринятого в работе, является французская пресса. Для изучения были выбраны общенациональные информационные газеты, «Le Monde» и «Le Figaro», и «Le nouvel observateur», как качественные издания для составления наиболее объективной статистики. В работе также использовался материал из следующих изданий: «Liberation», «Le Journal du Dimanche», «Le Point», «La Croix», «L'Express», «AFP».

Предметом исследования в данной работе является влияние публикаций о Чеченской войне во французской прессе на имидж России во Франции. Хронологические границы работы охватывают семь лет – рассматривается период с 2000 по 2007 годы.

Основная цель работы – выявление и анализ тех особенностей, приемов и способов подачи материала, которые используются французскими журналистами и газетами в освещении всего комплекса проблем, связанных с Чеченским конфликтом.

«Контент-анализ СМИ помогает ответить на вопрос, каким образом соотносятся массовые геополитические представления, «низкая» геополитика с «высокой». К «высокой» геополитике относятся официальные внешнеполитические документы и труды экспертов, к «низкой» – набор символов и социальных представлений о месте страны в мире, распространяемых в обществе. СМИ – это плоскость сопряжения «высокой» и «низкой» геополитик»[1]. Образ страны в СМИ складывается из двух составляющих – количественной и качественной. Первая связана с частотой упоминания страны, ее местом в потоке сообщений. Вторая характеризуется насыщенностью информационного потока, тематикой сообщений, их тональностью, очередностью подачи информации. В нашем исследовании для составления качественной статистики были использованы следующие издания:

1. «Le monde» – французская ежедневная вечерняя газета леволиберальных взглядов;

2. «Le nouvel observateur» – французский еженедельный журнал, на его страницах разворачиваются жаркие дискуссии на важные общественные темы;

3. «Le Figaro» – считается, что газета отражает официальную точку зрения нынешнего французского правительства и вообще умеренно правых партий.

Общая качественная статистика:

Положительных оценок поведение России в Чеченском конфликте от французских журналистов не получает ни в одной статье.

Отрицательные отзывы составляют 88%, нейтральные – 12%.

Качественная статистика, составленная по изданиям:

Le Nouvel Observateur: не дает ни одной положительной, ни нейтральной оценки – только отрицательные высказывания.

Le Figaro: дает 85% критики, 15% – нейтральные отзывы.

Le Monde: немного критичнее, чем Le Figaro – 88,9% – отрицательные оценки, 12,1% – оценки нейтральные.

Блок статей «Война в Чечне» характеризуется основными темами:

1. Франция за «политический диалог» с Чечней.

2. Захват заложников в театре на спектакле «Nord-Ost».

3. Штурм театра в Москве.

4. Захват заложников в Беслане.

5. Смерть Шамиля Басаева.

6. Смерть независимой журналистки Анны Политковской, критиковавшей действия власти в Чечне.

7. Преследования защитников прав человека в Чечне.

8. Политический портрет Путина.

Если говорить о последнем пункте, то любая напряженность на Кавказе, любое обострение конфликта сводится к репрессивной политике федеральных властей и президента России. Критикуя Путина и его политику, журналисты сознательно выстраивают специфический ассоциативный ряд: Путин – новый царь, холодный, железный человек, подполковник КГБ, окруженный «силовиками». Необходимо признать, что подобные оценки французских журналистов в чем-то небезосновательны.

Сущность термина «Чеченская война» во французской прессе является через метафоры, характеризующие различные стороны рассматриваемого явления (например, «массовое уничтожение чеченского народа»). Семантический ряд -zatchistka (nettoyage), зачистка, Chahid (martyr), шахид (мученик), l'élimination, les independistes, ликвидация,

независимость – характеризующий военные действия со стороны Чечни, убеждает читателя в том, что чеченцы являются жертвами. Напротив, семантический ряд – «в соответствии с русской властью», «коррупция», «террористы», «бандиты», «характеризующий военные действия со стороны России» – призван убедить человека в несправедливости войны со стороны российских властей.

Тексты статей анализировались как политический нарратив – совокупность обсуждаемых образований, сконцентрированных вокруг определенного политического события. Для данного понятия характерны: тематическое единство (Чеченские войны), общность основных действующих лиц (руководители РФ, силовых ведомств: ФСБ, МВД, МО, вооруженных сил; чеченские полевые командиры, руководители НВФ), локализованность во времени и пространстве (Чечня и приграничные территории), общая событийная канва. В нарративе «северокавказский конфликт» получают развитие метафоры: «огонь», «узел», «театр», «тупик/болото», «мир животных» и «болезнь». Эти метафоры отражают особенности восприятия чеченских событий в массовом сознании. В большинстве случаев, метафоры, функционирующие в понятии «северокавказский конфликт», содержат в себе черту агрессивности, тревожности.

Концепция, которая излагается на курсах французского Центра подготовки и повышения квалификации журналистов (CFPJ), соответствует трактовке понятия «близость к читателю». Руководствуясь данным методом воздействия на читателя, французская пресса и создает имидж России на страницах своих газет. Для многих французов Россия ассоциируется с СССР, водкой, белыми медведями и ГУЛАГом. За подобным образом скрываются серьезнейшие экономические, политические и социальные последствия. По большей части СМИ говорят о России лишь в свете самых отрицательных событий, будь то войны или какие-либо другие трагедии – это как раз является отражением концепции «близости к читателю». Конечно же, образованные французы не верят в то, что по московским улицам гуляют медведи и что русские всегда носят в кармане бутылку водки. Тем не менее, Россия и россияне породили просто невероятное количество подобных образов и персонажей не только во французской литературе, но и во французских СМИ.

Многие стереотипы, существующие во французской прессе, имеют под собой довольно прочное историческое основание. Образ России становится чем-то вроде зеркального отражения Франции: российский деспотизм и французская свобода, фанатичный нигилизм и французский рациональный либерализм. В контексте рассматриваемого собы-

тия ясно видно, как в глазах французов создается «неоимперский» имидж России. К тому же информационная удаленность России периода Чеченской войны даже подталкивала к созданию вымышленного носителя «самых фантастических образов»[2].

Важнейшие внутривластные события политической жизни страны, находящиеся в центре внимания мирового сообщества, оказывают существенное влияние на имидж государства на международной арене. От того, с каким результатом, позитивным или негативным, происходит развитие этих событий, насколько адекватно с точки зрения международного права и морально-этических норм решаются проблемы внутренней политики, зависит, в конечном итоге, улучшение или ухудшение национального репутационного рейтинга. Это, в свою очередь, объективно влияет на имиджевые позиции страны в контексте международного политического и экономического сотрудничества.

Литература

1. Геополитическая картина мира в средствах массовой информации. URL:<http://www.politstudies.ru/N2004fulltext/2003/3/4.htm>
2. Образ России и россиян во французском романе. URL:<http://www.inosmi.ru/history/20100426/159560503.htm>

В.А. Гайкин

Россия между Европейским союзом и Китаем

В прогнозах относительно будущего мира и места в ней России нет недостатка. Это и концепция Хантингтона о войне цивилизаций, и сюрреальное предложение академика Примакова о союзе России, Китая и Индии. Если спуститься с небес на землю, то понятно, что Китай в любом союзе согласится только на доминирующую роль. Россия удовлетворится, как минимум, ролью равноправного участника и никогда ролью «ведомого». У Индии слишком серьезные разногласия с Пекином, позволяющие в лучшем случае надеяться на положение «худой мир лучше доброй ссоры». Таким образом, «волк, коза и капуста» вряд ли окажутся в одной лодке. Кстати, и Пекин, и Дели сразу же открасились от подобной перспективы.

Так называемое «стратегическое партнерство» России и Китая – это временный, во многом вынужденный альянс двух пока слабых государств, каждое из которых в будущем станет силовым центром Евразии. Россия и Китай в XXI веке могут даже прийти к конфронтации, если Китай станет ядром сообщества монголоидных государств, которое будет консолидироваться по мере вступления мира в постиндустриальную эру.

Экономический конфликт, являющийся доминантным на планете последние пять тысяч лет, будет «снят» в конце XXI века в связи с выходом

человека из «сферы собственно производства» (выражение К. Маркса). На смену ему придет в качестве главного межрасовый, повторяющий согласно гегелевскому закону «отрицание отрицания» расовую конфронтацию (межвидовую борьбу) первобытного общества.

Основными оппонентами в расовой войне будут монголоиды и европеоиды, соответственно главным театром военных действий – Евразия. Расовая война будет самым страшным из конфликтов, по сравнению с которой Вторая мировая покажется дивизионными маневрами. Ее ведение не будет преследовать ни одной из целей предыдущих конфликтов (захват рабов, материальных ценностей, создание империй, смена общественного строя). Главная и единственная ее цель – полное уничтожение всего населения расы-антагониста.

Именно Россия должна будет сыграть роль интегрирующей силы (Запад – Восток), благодаря тому, что она граничит с основными монголоидными государствами и что по ее территории проходит Транссиб – готовая артерия, связывающая Европу и со Средней Азией, и с Дальним Востоком.

Роль Транссиба будет состоять в «правильной» организации евразийского пространства. Соответственно, дезорганизующую роль сыграет так называемый «евразийский транспортный коридор», который планируется создать в обход России. Этот проект, связанный с проектом «Туманган», протестирует ООН. В докладе ООН по проекту «Туманган» говорится: «Значение этого маршрута в том, что он пройдет по Северо-Восточной и Центральной Азии» [1]. На самом деле ничего позитивного в этом нет.

Строительство транспортного коридора в обход России объединит в первую очередь монголоидный мир, а не всю Евразию. «Евразийский транспортный коридор» заканчивается мегаполисом в устье реки Туманган, который вполне может стать столицей монголоидного мира.

В евразийской системе Россия должна будет стать третьим интегрирующим центром (наряду с Европейским сообществом и Китаем). Ее задача в том, чтобы расколоть монголоидное сообщество и присоединить к себе государства Центральной Азии, Корею и Японию, тем самым опередить Китай в его естественном стремлении создать союз монголоидных государств (Китай, Корея, Япония, Центральная Азия). Процесс становления единого мира будет двухступенчатым: первый этап – создание блоков (некоторые, как единая Европа, уже существуют), второй этап – слияние их в единый глобальный организм. В процессе этой кристаллизации важно помешать созданию расово однородных союзов, связывая в единые экономические системы расово различные государства.

Великолепный пример такого органического союза – бывшая Российская империя, в которой действовали и привилегии местных элит, под-

держивавших империю, и практическое равенство всех национальностей, и единое экономическое пространство.

Запад, стремясь изолировать Россию, готовит себе второй «Мюнхен», и Доктор Хайнц Тиммерман из Кельнского Института изучения Восточной Европы в своей статье-меморандуме откровенничает: «Целью политики Запада должны быть не легитимизация и укрепление искусственного построения СНГ, а поддержка естественным путем формирующихся в его рамках субрегиональных образований типа ГУАМ или «центрально-азиатского экономического пространства» (Казахстан, Киргизия, Узбекистан), ...таким образом должна быть усилена поддержка проекта «евразийского транспортного коридора» [2].

Оставив Россию ни с чем, европейцы столкнутся с гораздо более опасным противником — мощным монголоидным блоком, созданным при активном участии ООН. Запад должен понять, что те мнимые выгоды, которые он получит, исключив Россию из системы интеграции Запад — Восток, заведут этот процесс в тупик и ударят бумерангом по тому же Западу.

Превращение России в ядро Евразийского союза более необходимо Европе, чем даже самой России. В случае расовой войны и обмена ядерными ударами между Европейским сообществом и монголоидным блоком (Центральная Азия, Китай, Корея, Япония) у густонаселенной Европы не будет никаких шансов выжить. Почти столь же страшные последствия ждет зарубежный Дальний Восток. На всем евразийском материке после ядерной катастрофы лишь бескрайние сибирские просторы смогут гарантировать жизнь своему редкому населению. Создание в октябре 2000 г. в Астане Евразийского (экономического) союза не каприз «кремлевской верхушки», а логический этап мирового исторического процесса. Логика исторического развития потребует присоединения к этому союзу Узбекистана, Монголии, Кореи, Японии (Транссиб станет осью нового союза). Необязательно, но реально и желательно расширение этого блока за счет Индии, Ирана, Афганистана. Два проекта, которые сейчас обсуждаются, будут реальным шагом на пути реализации этого плана: проект подводного тоннеля между Японией и материком с выходом на Транссиб и проект транскорейской железной дороги, также с выходом на Транссиб.

У мирового сообщества нет другого выхода, кроме как совместными усилиями строить структуры будущего безопасного мира. В этом будущем мире Россия обречена на роль третьего (разнорасового) силового центра Евразии (наряду с Европейским сообществом и Китаем), снижающего до минимума «расовое напряжение» между европеоидным и монголоидным полюсами планеты.

Литература

1. Гайкин В.А. Проект Туманган из прошлого в будущее. Заметки о статье Исио Кисеко // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. 1999. №1. С.33.
2. Тиммерман Х. Процессы дезинтеграции и реорганизации СНГ // МЭиМО. 1998. №12. С. 45.

Е.А. Горбелева

Образ белорусов и его характерные черты в российском общественном сознании

Белоруссия является важным стратегическим, торговым и энергетическим партнером России. В 2006 г. на долю России пришлось \$6,85 млрд из \$19,74 млрд белорусского экспорта [1]. В свою очередь, белорусская экономика напрямую зависит от льготных цен на энергоносители. Заинтересована Белоруссия и в российских рынках сбыта, куда поставляется промышленная и сельскохозяйственная продукция.

Эффективность сотрудничества стран во многом зависит от имиджевых составляющих их взаимоотношений, от стереотипов, бытующих в общественном сознании. События, происходящие на международной арене, и восприятие стран их народами формируют именно то поле, на котором происходит взаимодействие, развиваются и укрепляются межгосударственные связи, возникает сотрудничество. Именно поэтому нам кажется необходимым рассмотреть, как же воспринимают белорусов в России, выявить причины и последствия такого восприятия.

Мы не будем подробно останавливаться на факторах, влияющих на формирование образа народа и его восприятие, отметим лишь, что определяющими здесь являются взаимоотношения двух стран, общность исторического прошлого, СМИ, географический фактор и многие другие.

Российские газеты, как правило, не затрагивают вопросы взаимовосприятия россиян и белорусов, не уделяют внимания традициям и повседневной жизни белорусов [2]. Большинство газетных и журнальных публикаций посвящено проблемам интеграции России и Белоруссии в Союзное государство, энергетическим кризисам, режиму А.Г. Лукашенко. Поэтому говорить об образе белорусов в периодической печати России в прямом смысле этого слова нельзя. Образ здесь предстает лишь в косвенном виде, о нем можно судить лишь по отдельным высказываниям. Высказывания, в свою очередь, не могут дать полной и объективной картины об образе белорусов, поэтому в нашей работе мы не будем заострять внимание на данном источнике.

В ходе проведенного нами исследования удалось установить, что в большинстве своем образ белорусов в сознании россиян носит позитивный характер. Данная тенденция проявляется как на рациональном, так и на эмоциональном уровнях восприятия. В первую очередь, подобное отношение следует объяснить общностью исторического прошлого, близостью народов на ментальном уровне, а также тесными родственными и дружескими контактами.

Если говорить конкретно об образе белорусов в российском восприятии, то они рисуются добрыми, трудолюбивыми, гостеприимными [3]. Среди названных респондентами характеристик нет негативно окрашенных словосочетаний. В возрастной категории, как правило, наблюдается положительное отношение к белорусам среди граждан среднего и пенсионного возраста, а вот равнодушие присуще в основном молодежи. Такое размежевание вполне логично и объясняется исторической памятью населения.

Большую роль в восприятии народа и формировании представления о нем играет географический фактор. Близость сосуществования народов, наличие общей границы накладывают свой отпечаток на восприятие. Лучше всего к белорусам относятся жители Санкт-Петербурга, Смоленской, Брянской, Псковской областей и т.д.

Также интересен тот факт, что представления белорусов о себе и русских о белорусах практически совпали по основным пунктам (доброта, трудолюбие). Подобное совпадение может свидетельствовать как о близости ментальности двух народов, так и о размытости национальной идентификации, что косвенно указывает на дружелюбное восприятие народов друг другом. В модальном портрете белорусов нами также не было замечено отличительных национальных качеств, что также указывает на не окончательно сформированный образ белорусской народности.

Еще одной особенностью образа белоруса в сознании россиян является то, что, несмотря на немногочисленные контакты россиян с белорусами (75,5% не имеют личных контактов с белорусами), российские граждане симпатизируют белорусам больше (63,3%), чем украинцам (55,5%) [4]. При этом достаточно высок процент равнодушия к белорусам среди россиян, который составляет 28,3%. Данные цифры являются косвенным показателем тенденции, которая наметилась уже сейчас, и будет развиваться в будущем, – процессе дистанцирования и углубления различий между славянскими народами.

Подводя итоги, еще раз обозначим результаты.

1. В результате изучения образа белорусов в российском сознании мы выявили, несмотря на незаконченность формирования образа, его

положительную окраску. Белорусы в представлении россиян предстают достойными людьми, иногда излишне идеализируются, но в целом аккумулируют в себе лучшие человеческие качества – доброту, трудолюбие и гостеприимство.

2. Основными факторами, влияющими на процесс формирования образа народности, мы считаем внешнеполитические курсы стран, события и кризисы, происходящие в результате их взаимодействия, характер подачи материала в СМИ. К другим важным механизмам следует отнести географический фактор, общность исторического прошлого, наличие личных контактов с представителями народа.

3. Прослеживается также зарождение тенденции этнического дистанцирования и углубления противоречий между российским и белорусским народами. Можно предположить, что в дальнейшем она будет только развиваться.

Приложение 1. Образ белорусов в сознании россиян, в %.

Доброта – 19,4, трудолюбие – 18,6, гостеприимство – 10,2, добродушие – 7,5, простодушие – 7,3, дружелюбие – 6,7, открытость – 5, спокойствие – 4,9, порядочность – 4,9, отзывчивость – 4,8.[5]

Приложение 2. Показатель восприятия белорусов россиянами на эмоциональном уровне, в %.

Симпатия – 63, 3, безразличие – 28,3, антипатия – 2,3, 30 – 6,1.[6].

Литература

1. Российско-белорусские отношения // Википедия. Режим доступа: http://ru.wikipedia.org/wiki/Российско-белорусские_отношения

2. Машко, В.В. Образ Белоруссии и белорусов на страницах российских газет. URL: http://www.nivestnik.ru/2002_3/9.shtml

3. Сикевич З.В. Русские, украинцы, белорусы: вместе или врозь? // Социологические исследования. 2007. № 9. С. 59-69. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2008/0329/analit02.php//>

4. Там же.

5. Там же.

6. Там же.

В.Ю. Грушина

Стереотип восприятия России в массовом сознании Великобритании в период Первой мировой войны

Участие России в составе Антанты в Первой мировой войне потребовало формирования привлекательного образа союзника. За предшествующий период двухсторонних отношений в общественном мнении Британии сложился негативный образный стереотип в восприятии России. Формирование образа происходит в процессе коммуникационного

воздействия, т.е. через пропаганду. Несмотря на усилия официальной пропаганды, желаемый имидж и реальный образ русского союзника существенно расходились.

Средства массовой информации играют огромную роль при формировании определенного имиджа человека или страны. Любой журналистский текст может стать частью социальной практики, вызывать существенные трансформации в общественном мнении и стать основой для формирования стереотипа. Стереотип чаще всего рассматривается как весьма упрощенный и в то же время устойчивый психический образ, основанный на обобщении личного опыта, предвзятых представлениях, стремлении быстро понять смысл и сущность явления. Понятие социального стереотипа впервые было введено в научный оборот американским исследователем средств массовой информации У. Липпманом для обозначения распространенных в общественном мнении предвзятых представлений о членах различных национально-этнических, социально-политических и профессиональных групп [1]. Стереотип обладает принципиальным свойством: он одновременно является оценкой и психологической установкой. Стереотипные же оценки и установки очень сильны. Государство активно участвует в процессе их создания.

В период Первой мировой войны конструирование привлекательного имиджа России было не только объектом заботы ее МИДа, но и Великобритании. Между желаемым имиджем и уже сложившимся стереотипом могут быть существенные разночтения, что продемонстрировала ситуация, сложившаяся в Великобритании в начале Первой мировой войны.

Участие России в войне в союзе с Британией потребовало ломки устоявшегося стереотипа восприятия ее английским обществом. В результате целенаправленной антирусской компании британской прессы в стране сложилось негативное отношение к царскому режиму, которое трансформировалось в целом в неприятие России. В массовом сознании английского общества она представлялась как оплот тирании и азиатского варварства и противопоставлялась Европе, как оплоту Демократии, Прогресса и Цивилизации. Созданию такого образа России невольно способствовал сам царский режим. С августа 1914 г. началось создание системы пропаганды, направленной на формирование «образа союзника» в общественном мнении Великобритании и России. Для контроля над распространяемой информацией в стране и за рубежом в обоих государствах были созданы бюро новостей при МИДе. 5 сентября 1914 г. британский военный кабинет признал существование необходимости организации, которая координировала бы пропа-

ганду в Британии, союзных и нейтральных странах и боролась с распространением дезинформации. Этим органом стало Бюро пропаганды под председательством главы национальной страховой комиссии К. Мастермана [2].

В британской прессе сразу после начала войны стала разворачиваться масштабная прорусская пропаганда. К делу искоренения вредных стереотипов общественного сознания были привлечены лучшие британские ученые-россиеведы сэр Дональд Макензи Уоллесу, Чарльз Сароли, Д.У. Макейла и др. [3]. По оценке русского корреспондента в Британии Шкловского, который работал под псевдонимом Дионео, работы имели «полуофициальный характер». Цель состояла в том, чтобы «дать широкой английской публике, в том числе и рабочим, самое общее представление о русской литературе, искусстве, музыке, науке. Выявить индивидуальность русского народа и установить, таким образом, дружбу между ним и английским народом» [4]. Прорусская пропаганда была направлена не только на общественное мнение страны, но и на устрашение противника. Ярким примером пропаганды такого рода является сюжет с переброской русских войск через территорию Британии в первые месяцы войны.

В конце 1914 г. в Британии широко была распространена уверенность, что российские войска проходили через нее на Западный фронт. Ничто не иллюстрирует лучше доверчивость общественного мнения в военное время и его готовность воспринять целенаправленно созданную ложь. Трудно определить источник слуха. В своих мемуарах генерал Сухомлинов писал, что английский посол в России сэр Джордж Бьюкенен фактически требовал отправку «полного российского армейского корпуса» к Англии, и английские суда должны были прибыть к Архангельску для их транспортировки. Русский Генеральный штаб, по свидетельству генерала, пришел к выводу, что «Бьюкенен сошел с ума» [5]. Независимо от происхождения этого слуха он распространился по Британии как пожар. Доказательством были свидетельства из разных частей страны от людей, которые видели русских солдат в закрытых вагонах или следы от русских сапог на снегу или слышали русскую речь. Численность войск изменялась в зависимости от воображения свидетеля. Поскольку у слуха была бесспорная военная ценность, власти даже не пытались его отрицать. Телеграмма из Рима, казалось, дала «официальную информацию о концентрации 250000 контингента российских войск во Франции». Относительно этой телеграммы официальное Пресс-бюро заявило, что нет никакого подтверждения данной информации, «но и нет никаких оснований запрещать ее распространение» [6]. Как ни строга была военная цензура, опубли-

кование этой телеграммы было направлено на то, чтобы подтвердить слух и подстегнуть его распространение. 9 сентября 1914 г. в Daily News появилась заметка: «Официальное разрешение на публикацию телеграммы из Рима позволяет газете сделать заключение в отношении слухов, которые за последние две недели наводнили Англию. Какова бы ни была правда о русских силах на Западе, вызывает удивление широкое распространение сведений о них, представляется, что это является скорее вымыслом, чем правдой. Либо необоснованные слухи получили кредит доверия, возможно, беспрецедентный в истории, или, невероятно, как может показаться, но это тот факт, что русские войска, независимо от количества, может быть, были высажены и прошли через нашу страну, хотя и никто не может сказать с уверенностью, что само их существование не является вымыслом» [7]. Пресса в целом была заинтересована избегать распространения дезинформации, и Daily Mail предложила, что заявление русского Генерального штаба о том, что «около 5000 русских резервистов были обещаны альянсу» могло лежать в основе слухов. Слухи о русских войсках распространялись, по выражению британского исследователя А. Понсонби, «подобно популярной книге», слух передавался из уст в уста, а не через газеты [8].

14 сентября 1914, Daily News снова вернулась к теме: «Как будет видно из длинного сообщения г-на П.Дж. Филиппа, нашего специального корреспондента, русские войска в настоящее время сотрудничают с бельгийцами. Эта информация подтверждает правильность общего мнения, что русские войска были перемещены через Англию». Филипп сообщал: «Сегодня в вечерних газетах я обнаружил заявление «надежного источника» о том, что наша армия в Бельгии превзошла по численности немецкую... Бельгийская армия была усилена русскими войсками. Последнюю фразу я дописываю прямо сейчас. В течение двух последних дней я проделал долгий путь в поисках русских, и теперь я их нашел, где и каким образом не буду рассказывать, но я должен опубликовать заявление, что они здесь и их достаточно много, и я могу отвечать, что их присутствие реально». Военный кабинет опроверг слухи, заявление было опубликовано в Daily News 16 сентября 1914 г. [9].

The Daily Mail 9 сентября 1914 опубликовала памфлет, посвященный слухам вокруг русских войск и, в заключении, с сарказмом спрашивала: «А теперь нам говорят из Рима, что русские во Франции. Как мы все собираемся извиняться перед Бернетсом, Броклером и Пендлесом, если они все-таки оказались правы?» [10] Газетные слухи стали предметом разбирательства в парламенте 18 ноября 1914. Член палаты

общин Кин просил заместителя главы военного кабинета, не может ли он без ущерба для военных интересов союзников разъяснить вопрос, были ли русские войска переправлены через Великобританию на западный фронт. Заместитель председателя военного комитета Теннант заявил, что никакие русские войска не проходили через Великобританию на Западный фронт [11].

Основной интерес Британии заключался в активном использовании русской армии в борьбе с Германией на стороне Антанты. В образе России, который усиленно формировался в Британии, акцент делался в первую очередь на силу и огромную численность русской армии. В общественном мнении же устойчив был образный стереотип русских казаков как бородатых людей, в больших грубых сапогах, пьющих водку. Особого интереса к «загадочной русской душе» британская пресса не проявляла, а лишь к военным возможностям русской армии, что и составляло основу газетных материалов. Итак, несмотря на старания проправительственной публицистики по формированию имиджа высококультурной цивилизованной страны, в массовом сознании продолжал существовать именно такой образ России.

Литература

1. Гринберг Т.Э. Образ страны или имидж государства: поиск конструктивной модели // <http://pravo33.wordpress.com>.
2. Sanders M.L. Wellington House and British Propaganda during the First World War // *The Historical Journal*. V. 18, № 1. 1975. P. 119.
3. Зашихин А.Н. Лев+Медведь. За кого сражались англичане, когда сражались за русского царя? // *Родина*. №8-9. 1998. С. 125.
4. Русские ведомости. 3 января 1915 г.
5. Международные отношения в эпоху империализма. Документы из архивов царского и временного правительств. Серия III. Т. 6. М., 1931. С. 36.
6. Ponsonby A. Propaganda Lies of the First World War. L., 1928. P. 24.
7. Отдел печати и осведомления. 1914-1917 гг. АВПРИ. Ф. 140. Оп. 477.
8. Ponsonby A. Propaganda... P. 24.
9. Отдел печати и осведомления. 1914-1917гг. АВПРИ. Ф. 140. Оп. 477.
10. Там же.
11. Ponsonby A. Propaganda... P. 25.

А.В. Девятков
Политика России в приднестровском урегулировании
(западноевропейские оценки)

Западноевропейский, как и американский, дискурс относительно России никогда не представлял собой одномерной структуры. В нем, если рассуждать с позиций Э. Лаклау и Ш. Муффа, имела место конкуренция между несколькими направлениями мысли, так что доминировавшие теоретические конструкции, периодически менявшиеся, были подвержены дислокации (смещению) и никогда не могли полностью вытеснить альтернативные трактовки реальности.

Так, 90-е гг. на Западе ознаменовались верой в российскую демократию как шаг на пути ее интеграции с «миром демократий». Доминирующим представлением была идея о том, что президент Б. Ельцин и его реформаторское окружение борются за место в группе «цивилизованных наций» в условиях сопротивления консервативных политических сил. Даже когда возникали сомнения в существовании российской внутренней и внешней политики, до конца 90-х гг. они затушевывались.

Внутренние изменения в России были настолько существенны в этот промежуток времени, что многие аспекты российской внешней политики оставались за пределами проблематизации в двусторонних отношениях Москвы со странами Европы и США. Например, действия России в т.н. «замороженных конфликтах», а именно проведение фактических операций по принуждению к миру с применением вооруженной силы или без, синхронизация вывода российских войск с политическим урегулированием (как в случае с Приднестровьем) обсуждались в основном в широком международном формате ОБСЕ, не подвергаясь сколько-нибудь значимой политизации.

В 2000-е гг. несколько факторов привели к изменению образа России и проводимой ею политики. Во-первых, Россия, пусть и в борьбе за свою целостность, подавляла чеченский сепаратизм с жертвами среди гражданского населения. На Западе это вошло в противоречие с дискурсом прав человека, как и постепенное сворачивание демократических свобод. Финансовый кризис 1998 г. пошатнул веру в успешные рыночные реформы в России и породил представление о коррумпированности, неразвитости российской экономики. «Бросок на Приштину» и попытки наладить отношения с Ираном и Северной Кореей, в том числе в плане поставок вооружений, разрушили представление о том, что Россия будет всегда идти в фарватере внешнеполитической линии Европы и США. Совместная «война с терроризмом» была лишь временным фактором улучшения отношений России и Запада.

Одним из основных сюжетов для критического переосмысления образа России стала политика Москвы в отношении «ближнего зарубежья». Образ России как страны, где демократический транзит фактически был признан неудачным, отсылал теперь к неоимпериалистической политике Москвы на постсоветском пространстве, в чем видели признак того, что Россия так и не преодолела советское наследие классической геополитики. Эти изменения в восприятии российских реалий совпали с тем, что Североатлантический Альянс и Европейский Союз произвели в 1999–2004 гг. свои «восточные» расширения, а ЕС начал формулировать к тому же собственную внешнеполитическую повестку дня с прицелом на создание панъевропейского проекта, где бы Брюссель выступил интеграционным ядром.

Теперь любые шаги России на постсоветском пространстве виделись в европейских столицах и Вашингтоне как проявление геополитических амбиций, угрожающее суверенитету и теперь уже демократическим процессам внутри новых независимых государств, которые на Западе решили активно вовлекать в евро-атлантический мир.

Однако в европейском дискурсе сохранились дискурсивные позиции, которые приводили к дислокации, казалось бы, монолитного образа России.

Во-первых, Россия оказалась для объединяющейся Европы важным стратегическим партнером, который является звеном именно европейской системы безопасности, которая на данном этапе вступила в призрачную конкуренцию с трансатлантическим измерением безопасности. Символом такого единения стала общая критическая позиция Германии, Франции и России в период войны в Ираке, которая отразила стремление найти отличное от американского, т.е. европейское, видение международных проблем и способов их решения. Россия, несмотря на общие представления о ее полуавторитарном политическом режиме, в ментальной карте Европы считается хотя и «Востоком», но все же европейским «Востоком».

Также Россия в глазах европейцев остается значимой в контексте сохранения стратегической стабильности. Возобновление гонки ядерных и обычных вооружений, ядерное нераспространение – это те вопросы, по которым вовлекать Россию в партнерство с Западом считается объективной необходимостью. Несмотря на дестабилизацию Вестфальской системы и отсутствие признаков реального влияния ООН на международно-политические процессы, дискурс международной стабильности остается значимым.

Существенным фактором, размывающим негативный образ России, является восприятие России как ключевого источника энергоре-

сурсов для Европы, причем политический фактор для развития экономического партнерства при этом оценивается как наименее проблемный в сравнении с политической нестабильностью в Северной Африке и Центральной Азии. Также промышленно развитые страны Европы смотрят на Россию как на плацдарм если не политической, то экономической модернизации, что должно выливаться в большие экспортные контракты. Таким образом, Россия в представлении европейцев четко увязывается с понятием «развитие», которое укоренено в дискурсе конкурентоспособности и энергетической безопасности.

Вследствие наличия этих факторов часть политической и экспертной элиты Европы и США сохраняет уверенность в том, что Россия способна к «ответственному поведению» при должных переговорных усилиях Запада.

Политика России в приднестровском конфликте стала с конца 90-х гг. предметом большого интереса со стороны ЕС и США. Символическим событием, которое определило дальнейшее отношение к действиям Москвы, была история с «Меморандумом Козака» – российским предложением о федерализации Молдовы, которое предусматривало, помимо прочего, сохранение эксклюзивного миротворчества России в молдово-приднестровском конфликте, прежде всего в военном аспекте. В СМИ [1], аналитических статьях экспертов [2] и официальных документах ЕС и США [3] российская политика характеризовалась как манипуляция «замороженным конфликтом» с целью влияния на внешнюю политику Молдовы, выбравшей «проевропейскую ориентацию».

Показательным для таких тенденций в оценке российских действий в приднестровском урегулировании стало решение Европейского суда по правам человека по т.н. «делу Илашку». В 2004 г. Суд определил, что Россия является виновной в нарушении прав членов террористической (по версии приднестровского следствия) группы «Бужор», отбывавших срок в Тираспольской тюрьме. Суд посчитал «очевидным» влияние Москвы на решения Приднестровья и определил состав нарушений, в основном опираясь на показания самих пострадавших. В решении Суда дана подробная характеристика политики России с описанием таких «фактов», как вмешательство Москвы в приднестровский конфликт в 1992 г. на стороне Тирасполя и передача Приднестровью значительного количества вооружений со складов 14 армии, а также нежелание выводить свои войска, которые выступают инструментом геополитического влияния [4].

При этом часть европейского политического и экспертного сообщества сомневается в том, что отсутствие прогресса в приднестровском урегулировании связано исключительно с позицией Москвы. Так,

советник немецкого Бундестага по внешней политике и безопасности Ханс Зиг на международной конференции по приднестровскому вопросу в марте 2009 г. в Кишиневе отметил, что наилучшей стратегией является не оппозиция российской политике, а попытка изменить ее благодаря позитивной мотивации в рамках решения таких вопросов, как ратификация ДОВСЕ. Д-р Зиг выразил уверенность, что интеграция в НАТО – это не лучший вариант для Молдовы, и на этот вариант никогда не согласятся ключевые европейские члены НАТО, так как он будет способствовать отторжению Москвы. По мнению немецкого советника, Россия не в состоянии полностью контролировать Приднестровье, которое к тому же в ближайшем будущем может стать для Москвы чрезмерной финансовой обузой [5].

Приднестровский конфликт всерьез обсуждался и обсуждается до сих пор в европейских кругах как подходящий вариант для отработки российско-европейского партнерства. В связи с этим экс-сотрудник Миссии ОБСЕ в Молдове Г. Ханне заявил на одном из круглых столов, посвященных приднестровскому конфликту, что Россия не готова к более близкому сотрудничеству, пока ЕС и США не смогут создать для этого необходимых побуждений. Ханне также отметил, что ЕС должен ограничиться полицейской миссией в Приднестровье и не предлагать России вновь вариант, при котором ее миротворцы будут растворены в многостороннем военном контингенте [6].

Ханне, как и некоторые другие европейские эксперты, также подверг критике позицию молдавского руководства по вопросу федерализации. Хотя отношение к приднестровской политике в Европе в основном негативное [7], нередко указывается и на практику «молдавского принуждения» и односторонних действий. В результате происходит смещение акцентов на другие факторы урегулирования, что делает его картину более полной.

В результате отношение к политике России, в частности, в приднестровском вопросе, носит на данный момент двойственный, неопределенный характер, что препятствует цементированию внешнеполитических структур, которые могли бы привести к новой «холодной войне» России и Запада.

Литература

1. См., например, книгу обозревателя «Economist»: Лукас Э. Новая Холодная война. Как Кремль угрожает России и Западу. СПб., 2009. С. 171–174.
2. См., например: Löwenhardt J. The OSCE, Moldova and Russian Diplomacy in 2003 // The Journal of Communist Studies and Transition Politics (London), 4/2004. P. 103-112.

3. См., например: Country Strategy Paper 2002-2006: National Indicative Programme 2005–2006. Moldova.

4. Case of Ilascu and Others v. Moldova and Russia (Application no. 48787/99) Judgment. Strasbourg: European Court of Human Rights. 8 July 2004.

5. Remarks by Dr. Dr. Hans Martin Sieg, Foreign and Security Advisor, German Bundestag, at the Third Annual International Conference «Settling the Transnistria Conflict in the Context of Moldova's Europeanization Impediments and Opportunities». 24.03.2009.

6. Vergessener Konflikt in der europäischen Peripherie // SEF-News. 2005. № 22. S. 10–12.

7. См., например: Troebst S. We Are Transnistrians! Post-Soviet Identity Management in the Dniestr Valley // Abimperio. 2003. №1.

Г.В. Кагирова, Б.Н. Кагиров **Динамика отношений стран Европы и России**

Россия не была изолированной страной и с древних времен подерживала отношения со многими государствами как Европы, так и Азии.

Особенность ее географического положения, наличие многих агрессивных соседей повлияли на ее ментальность.

Брак Ивана III с византийской царевной Софьей Палеолог принес Руси герб Восточной Римской империи. Особенности многих браков монархов были таковы, что родственниками становились монаршие семьи Европы.

А достаточная экономическая и военная мощь государства Российского делала отношение к русским в Европе и к европейцам в России достаточно доброжелательным. Имели значение и древние родственные связи. Россия не считалась слабой державой, не имевшей авторитета в Европе.

Марта Шад, изучавшая европейские династии, пишет о периоде викингов в средневековье, когда под словом «викинг» подразумевали свободных крестьян и дворян, отправлявшихся в «викинг» – в заморский рейд за славой и богатой добычей. Они этими путешествиями создали экономическую зону в 800-х годах, простиравшуюся от Дублина на западе до Киева на востоке. Русь была естественным и известным соседом для европейских народов с древних времен, о чем говорят нам европейские исторические источники и память королевских династий. Шведские викинги – воины и купцы одновременно – в IX и X веках через Россию, вдоль ее крупных рек, прокладывали пути к торговым центрам – Константинополю и Багдаду. Этот же автор пишет о борьбе шведов за господство на Балтийском море так: «Период после

Реформации создал в XVI веке некий вакуум, позволивший бороться за господство на Балтийском море таких традиционных соперников, как Дания, Польша и Россия». Это перечисление государств сильных и влиятельных, место России в этом перечне говорит о признании ее определенного статуса уже в то время.

Интересные описание и оценка исхода Полтавской битвы даны Е.В. Тарле в его книге о Северной войне. Он уточнял, что «Россия быстро догнала западную технику кораблестроения и, как увидим, дело дошло до того, что корабли, построенные русскими инженерами и русскими плотниками на русских верфях, по отзывам даже враждебно настроенных иностранцев, не уступали наилучшим судам первоклассной морской державы Англии и превосходили французские».

Мастерство, смекалка русских были высоко оценены европейскими державами.

Поздний старт Российской государственности, низкая плотность населения сказались и на экономическом, и на политическом становлении России, на медленном реформировании. Так, в начале XIX века М.М. Сперанский мечтал о преобразованиях в России. В духе положений Ш. Монтескье, Сперанский говорил о расширении политической свободы: «никакая сила в обществе не может родить в государстве свободы гражданской, не установив свободы политической». Очень зрелые и вполне «европейские» мысли он высказал, однако их воплощение запоздало на 100 лет.

Из перечисленного выше можно сделать вывод о мастерстве русского народа, его державности, что положительно оценивалось в Европе. Так почему же мнение о России и о россиянах стало иногда представляться уничижительным, приниженным? Изменение ситуации произошло во многом после революции 1917 года. И связано это было с долгим периодом надежды эмигрировавших кругов на возвращение старых порядков, обиды за прошлое. Эти чувства обиды и даже ненависти были не только у эмигрантов, но и у жителей стран, некогда бывших в составе Российской империи. Это связано с тем, что они-то уж очень хорошо знали все плюсы и минусы жизни в России.

В 1917 году история России раскололась на две части: красную и белую. Каждая из этих частей, забыв, что они производные одного целого, тратили силы и время на уничтожение противника, что подхватывалось и в Европе, и во всем мире определенными кругами. Мы сами начали противопоставлять себя не только европейцам, но и самим себе. Одна часть живого организма всячески боролась с другой частью. Это и сейчас еще бывает заметно, как следовая реакция в мировоззре-

нии. После определенных событий от 7 до 14 поколений еще очень активно воспроизводят некоторые старые заблуждения.

После Отечественной войны 1941–1945 годов недругов у России, правда, тайных, прибавилось из-за смены государственного устройства некоторых стран. Какие в данной ситуации могут быть отношения? Конечно, политизированные.

Постсоветское пространство дало давно ожидаемую свободу жаждавшим ее, но не смогло в один момент изменить экономику и ментальность, а это опять легло нелегким грузом осложненных взаимоотношений, часто не на уровне «народного» общения, а в большей степени официального. У некоторых стран, которые трижды выходили из-под влияния России, появился большой страх попасть туда снова. После войны 1941–1945 годов уже на начальном этапе сотрудничества СССР с государствами Восточной Европы в их взаимоотношениях проявились противоречия и конфликты. Они были связаны в основном с поисками и выбором пути построения социализма в этих государствах, советский путь развития не являлся для них единственным для построения социализма. К этому надо добавить, что ненависть часто возникает как раз у более знакомых друг с другом стран и народов. Недаром говорят, что от ненависти до любви – один шаг и наоборот. А малознакомое и далекое всегда кажется более привлекательным. Но, как известно, только само государство способно себе помочь, а добрососедские ближние отношения главнее «дальних».

Современный мир Европы и России – это тоже мир, претерпевший значительные изменения за последние годы. Уже и сама Европа на других континентах воспринимается как нечто цельное и единое. На глазах происходит изменение отношений между государствами в сторону большего сотрудничества, доверия и открытости.

Современные средства коммуникаций, новые способы и приемы торговли сблизили отдаленные прежде друг от друга государства и позволили изучить друг друга не только по рассказам очевидцев, но и глядя на «чуждый» мир своими собственными глазами. Мир оказался более интересным и привлекательным, чужая культура стала вызывать не отчуждение, а зачастую неподдельный интерес. Каждый стал сравнивать себя с представителем других народов и стран и, как ни странно, находить везде много общего. Мы незаметно стали людьми не только своей культуры, но и культуры вновь узнанной и привнесенной извне.

Мы едим американские окорочка, пьем французские вина, смакуем итальянские конфеты, а в других странах знают о пантокрине, облепихе и алтайском меде и мечтают это попробовать. Наши художествен-

ные стили в интерьере, архитектуре, моде, живописи часто перекликаются и заимствуют многое друг от друга. Можно это осуждать, можно с этим бороться, но это уже стало повседневной реальностью, которую можно сломать, только сломав принципы экономики и торговли. Мы общаемся через Интернет, и любая мысль тут же становится предметом обсуждения больших аудиторий. Понятие космизма врывается в нашу жизнь каждый день и час. Мы ощущаем свою причастность уже даже не только к Земной общности, но и космической, зная, что судьба планеты иногда вершится совсем не на Земле.

Изменив таким образом свое мировоззрение, мы уже начинаем смотреть на некоторые политические проблемы иначе. И это зависит от уровня грамотности, интеллекта, культуры, мироощущения. Только сближение этих уровней может привести к еще большему взаимопониманию и переоценке старых обид и болей.

И так происходит во всем мире. Мы все незаметно подходим к новому правопорядку на всей планете Земля, где каждому народу и месту, и честь, и доброжелательность – так как именно сегодня мы все понимаем, что в одиночку не выжить. 2010 год уже за 6 неполных месяцев показал все проблемы, которые беспокоят всех на всех континентах – это экология, это и природные катаклизмы, это и противоправные действия некоторых лиц и организаций.

Мы живем во время, которое еще дает нам шанс все это осознать и изменить: свое отношение к самим себе, к себе подобным в других странах, к природе, которая нас создала и поддерживает до сих пор. И перед этим новым, что входит в нашу жизнь ежедневно и постоянно, негативизм в отношении друг к другу становится неважным, а иногда и просто надуманным.

Литература

1. Дэвис Н. История Европы. М., 2005.
2. Крылов М.Э. История политических и правовых учений. М., 2007.
3. Орлов А.С., Георгиев В.А., Георгиева Н.Г., Сивохин Т.А. История России. М., 2006.
4. Российская корона, князья, цари, императоры. М., 2009.
5. Тарле Е.В. Петр I против Карла XII. Северная война. М., 2009.
6. Шад М. Королевский Дом Швеции. М., 2008.

Л.Г. Коваленко

Некоторые аспекты образа России в мире

В современном взаимосвязанном мире огромное значение придается проблеме имиджа – лидера, партии, государства, последнее осо-

бенно важно для определения своего места в системе международных отношений.

Имидж – это эмоциональное восприятие предмета, его оценка; это также конструируемый с определенными целями образ страны. Политический имидж государства – это воображаемый образ данного государства у граждан страны и зарубежья.

Имидж государства – это не просто психический образ сознания как отражения действительности, а специальное моделируемое отображение на основе какой-либо реальности. Выделим некоторые критерии, определяющие политический имидж государства: политическая стабильность – в целом, региональная, налоговая; защита частной собственности; законопослушание как принцип организации общества; уровень благосостояния; военная мощь; состояние прав и свобод граждан.

Эти основания взаимосвязаны, поскольку именно политическая стабильность важна для бизнеса, а его развитие создает условия для роста материального благосостояния и т.д. Важный индикатор имиджа страны – законодательство. Российское, например, очень сложное и противоречивое, причем это касается и уровней – федеральные законы и местные, что затрудняет развитие бизнеса и отталкивает внешних инвесторов, а отечественный бизнес (его субъекты) теряют доверие к государству, отсюда, возможно, и «бегство капитала».

Не раз уже отмечалось, что для России проблема имиджа актуальна во все времена, чаще всего подчеркиваются такие стороны жизни страны и ее населения, которые формируют негативный образ, причем, вольно или невольно этому способствуют современные ученые и политики. Обращаясь к учению евразийцев (20–30-е годы XX века), мы обнаружим, что в своих высказываниях они отмечают лицемерие и лживость проводимой политики [1], агрессивность [2], то есть подчеркивается, что Россия – это всегда опасность [3]. Евразийцы выделяли еще один аспект имиджа России – ее «культурное своеобразие», географическое [4]. Отсюда следует, что Россия – это особый мир – Евразия, где встречаются Запад и Восток.

Изменилось ли что-то в конце XX – начале XXI вв. в восприятии нашей страны в мире? Однозначного ответа нет. Образ противоречив и не очень понятен Западу. Роуз Геттемюллер пишет: «В глазах американцев Россия предстает одномерной страной, в которой мало что заслуживает положительных отзывов, но очень многое вызывает тревогу». В первую очередь отмечается автократия, коррупция, преступность, разрушение окружающей среды, демографический кризис и т.п. Даже богатства «воспринимаются не как источник взаимной выгоды, а

как инструмент, позволяющий оказывать давление на соседей и запугивать их» [5]. В ходе проведенных опросов 68% респондентов ответили, что им не нравится поведение России, лишь 24% высказались положительно. В чем причины? Они определены на Западе давно – память о Холодной войне, когда считали, что именно СССР стремится к мировому господству; поведение лидеров на международной арене, например, Н.С. Хрущева в ООН, В.В. Путина в Мюнхене в 2007 г.; отход от демократических и экономических реформ; имперское отношение к соседям по СНГ; неадекватная оценка своей роли в мире после распада СССР и др.

Но образ любого государства, формирующийся у других участников международных отношений, зависит от их интересов. Совпадение интересов способно заложить позитивный фундамент для формирования образа страны у других государств и, наоборот, несовпадение – подчеркивает все негативное. А Россия сегодня заявляет о себе как о важнейшем «игроке» на мировой арене, что не всем нравится, и, к сожалению, заявленная цель и действия по ее достижению не всегда совпадают. Л. Бызов отмечает, что «мы до сих пор не можем ответить на вопрос, кто же такие мы, русские... Мы зачастую выглядим какими-то потерянными, не способными ни осознать, ни тем более воплотить свои национальные интересы и цели» [6], не способны определить внятную перспективу на будущее. Имидж страны определяется не только настоящим, но и историей. Главное событие XX в. – Вторая мировая война и Отечественная война 1941-1945 гг. Для демонизации СССР использовался Пакт Молотова – Риббентропа, причем как на Западе, так и в России, а вот почему он был заключен и насколько необходим был Советскому Союзу в тот период, как-то стараются умолчать. Очень глубокий анализ и обоснование причин мы найдем в работах Н.А. Нарочницкой [7]. Замечательные и очень точные слова в статье немецкого журналиста Штефана Шолля «... вашим нынешним борцам против фальсификации истории глубоко наплевать на то, что в действительности творилось на этой войне. Им проще подогнать собственную историю под стереотип американских телесериалов» [8]. И еще одна статья этого автора «Догнали и перегнали», в которой представлена оценка современной модернизации в социальной сфере: «Особые циники считают, что новый закон специально придумали, чтобы можно было и к детским садам, и к средним школам, наконец, начать применять любимые чиновниками откаты» [9]. Получается какая-то странная модернизация через деградацию. Эти и подобные оценочные характеристики иностранного журналиста исподволь влияют на имидж России в мире. Еще раз подчеркивается, на наш взгляд, что

позиционирование себя как великой державы и действия субъектов, формирующих политический имидж государства, противоположны. Эти противоречия небезопасны для страны. Тем не менее, есть институт, предназначенный для согласования усилий и интересов – это институт связей с общественностью (PR), который, используя информационные технологии, может оказать существенное влияние на создание позитивного имиджа РФ в мире. Также России не стоит переоценивать свою роль как мирового источника энергоресурсов, поскольку этот ресурс непостоянен: низкие цены на нефть способны превратить страну в сырьевой придаток, а также необходимо прекратить заниматься самоочернительством в истории и в нашем настоящем.

Автор считает, что образ России в мире достаточно противоречив, во многом это обусловлено заявлениями политиков и непродуманными действиями власти на всех уровнях внутри страны и в мире. Гражданам России также следует активно включиться в процесс формирования положительного восприятия своей страны.

Литература

1. Россия глазами русского. М., 1991. С. 331.
2. Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн. Антология. М., 1993. С. 332.
3. Россия глазами... С. 334.
4. Россия между Европой... С. 251, 253.
5. Геттемюллер Роуз. Россия глазами американцев // Pro et Contra. 2007. № 2. С. 54.
6. Жукова П. Имидж России и ее безопасность: диалектика взаимосвязи // Власть. 2010. № 2. С. 54.
7. Нарочницкая Н. 1939. История как инструмент политики // Наука и религия. 2009. № 9. С. 16.
8. «МК» на Алтае. 14–21 апреля 2010; 25 мая – 2 июня 2010. С. 6.

В.Н. Козулин

Джером Клапка Джером о предреволюционной России (к вопросу о «футурологии» английской России)

Примерно три четверти века тому назад в науке появилось новое направление – так называемая имагология, специализирующаяся на изучении образов различных народов в литературе и искусстве. Сперва такое направление выделилось в рамках сравнительного литературоведения. Некоторые западные литературоведы, видимо, пытаясь вдохнуть новую жизнь в стагнирующее литературоведение, наткнулись на интересный и весьма перспективный для изучения феномен иностран-

ных «образов» и «миражей» в национальных литературах. Так, с середины 20-х гг. прошлого века появился целый ряд работ о восприятии различных стран и народов в литературных традициях. Скоро стало ясно, что это научное направление выходит далеко за рамки литературоведения, и появились даже попытки запретить филологам им заниматься (например, со стороны американского литературоведа Рене Уэллека). На самом деле, это направление ближе всего к сфере национальной психологии.

В России данная тематика стала изучаться с последней трети прошлого века. В числе прочего, немало работ в последние десятилетия было написано отечественными исследователями по проблемам так называемой «британской Россики», то есть об образе России и русских в английской литературной традиции, в английской публицистике и прессе. Более или менее подробно были исследованы сочинения различных британских авторов, в разное время писавших о России – от мемуарных сочинений английских купцов и дипломатов XVI–XVII вв. до трудов «маститых россиеведов» (как они названы в одном из исследований) конца XIX – начала XX вв.

Изучая «русскую тему» в английской литературе, нельзя не заметить, во-первых, ее богатства, обилия источников, а, во-вторых, определенной специфики. Эта специфика заключается в крайнем неприятии политического режима в России и, вместе с тем, в большой вере в великое будущее русского народа. Такое мнение характерно для многих британских авторов, писавших о России. Впрочем, это свойственно не только англичанам. Подобное мнение о грандиозных перспективах России (в связи с ее исторической молодостью) высказывал, например, и французский мыслитель А. де Токвиль. Однако в британской «Россики», пожалуй, чаще, чем в других, говорится вообще о перспективах развития России, делаются прогнозы на будущее. Все это позволило даже отечественной исследовательнице И.В. Карацуба назвать одну из своих статей на эту тему «Футурология британской „Россики“». Так что термин, вынесенный в заглавие доклада, уже не нов – мы заимствовали его у упомянутой исследовательницы. Гораздо более любопытно то, что эти предсказания имеют свойство сбываться с невероятной точностью. Так, например, еще в 1591 г. в своем сочинении «О государстве Русском» английский дипломат и ученый Джильс Флетчер сделал вывод, что России в ближайшем будущем грозит неминуемый «гражданский пожар», и это точно так и случилось спустя приблизительно два десятилетия.

Другой любопытный пример подобного прогнозирования мы рассмотрим в настоящем сообщении. Почему-то он был до сих пор со-

вершенно обделен вниманием исследователями английской Россики, как, между прочим, обделен вниманием у исследователей и сам его автор (даже энциклопедические статьи о нем до обиды скудны – не в пример статьям о других писателях). Мы имеем в виду известного английского писателя-юмориста Джерома К. Джерома и его небольшой очерк о русских. Этот писатель был очень популярен в России, даже больше, чем в Англии – настолько популярен, что однажды в Петербурге одна экзальтированная дама стащила у него из под носа автограф, предназначавшийся Чехову (в Ялту). У Джерома, как он сам пишет, было много русских друзей. Еще в 1912 г. в России (в издательстве Сытина) вышло полное собрание его сочинений, в 12-ти томах. Джером К. Джером любил путешествовать. В феврале 1899 г. он посетил Россию. И это дало пищу для его короткого очерка о русских под названием «Russians as I Know Them», вошедшего, в числе других, в сборник рассказов «American Wives and Others» (N.Y., 1904). В этом издании любопытно, кстати, посмотреть на русских Джерома глазами американского карикатуриста (Джорджа Макмануса).

Позднее, в 1906 г., этот рассказ был напечатан в «Праздных мыслях в 1905 году» под видоизмененным названием «Creatures That One Day Shall Be Men» и в том же году был опубликован в России, под заглавием «Люди будущего». В этом рассказе Джером не ставил перед собой специальной цели описать Россию, исследовать особенности русской жизни (в отличие от некоторых других авторов, «маститых россиеведов»); видимо, он написал этот очерк невзначай, что называется, между делом, и его замечания имеют характер непосредственных, не озабоченных какой-то глубокой идеей. Поэтому они, с одной стороны, могут восприниматься как непредвзятый «свежий взгляд со стороны» на Россию и русских тех времен, но, вместе с тем, отчасти являются и отражением уже популярных литературных стереотипов в описании русских, сложившихся в английской традиции. Ведь Джером все же ориентировался на читающую публику, он должен был оправдывать ее ожидания, используя какие-то знакомые образы и гипертрофирующие действительность юмористические приемы.

В своих произведениях Джером был на стороне «маленького человека», пожалуй, даже этим он весьма близок многим великим русским писателям того времени, разрабатывавшим такой же образ, и потому еще столь понятен и любим в России до сих пор. Эта черта его творчества сказалась практически во всех его сочинениях, в том числе и в рассказе о русских. «Отдельный русский – по словам Джерома, – одно из самых очаровательных существ земного шара». Автор восхищается искренностью и непосредственностью русских, противопоставляя их

сдержанным англичанам. В начале рассказа он описывает любопытный случай в русском ресторане, где он лицезрел, с одной стороны, двух русских дальних родственников, не видевших друг друга полтора года и беспрерывно обнимавшихся и целовавшихся от радости встречи (что англичанину трудно себе представить), а с другой стороны, двух таких же русских, которые, из-за чего-то повздорив, сначала жестоко дерутся, но через какое-то время, после того как были обобраны за нарушение порядка целой ватагой полицейских, снова, как ни в чем ни бывало, мирно беседуют. «Ватагой» потому, что первый увидевший драку городской, вместо того чтобы попытаться разнять дерущихся, поспешил сообщить радостную весть о возможности «заработка» своим коллегам по ремеслу.

Еще раз свидетелем удивительной консолидации коррумпированных чиновников Джером оказался, когда его самого стали «штрафовать» на каждой железнодорожной станции, как только узнали, что он незаконно везет с собой в поезде собачку. Как остроумно предполагает Джером, «известие о том, что едет какой-то англичанин с собакой в корзине и рублями в кармане, должно быть, было протелеграфировано по всей линии», чтобы ни один чиновник не упустил такой возможности «пожизниться». И хотя автор вплоть до самой германской границы вынужден был «раздавать направо и налево этим субъектам с фельд-маршальской осанкой по известному количеству русских денег», он, со свойственной ему добродушной иронией, замечает, что «их прояснившиеся лица и горячие пожелания были вполне достойной наградой мне за потраченные деньги».

Поэтому вдвойне сочувствует Джером русскому «маленькому человеку». Он приводит пример, как грубо издеваются бюрократы над тем, у кого «в кармане не позвякивает несколько свободных рублей». Из-за какого-то пустяшного упущения в паспорте одного такого несчастного, предварительно вдоволь над ним поиздевавшись, таможенные чиновники «порешили отправить назад в Петербург – около 18-ти часов езды – в вагоне, в котором в Англии не стали бы перевозить даже быков». Русские рабочие – утверждает Джером, – настоящие рабы, «позволяющие эксплуатировать себя с молчаливым терпением культурных существ».

Что же ожидает в будущем этих наивных, как дети (по выражению автора – «народа-ребенка»), и несчастных людей, задавленных полицейски-бюрократическим государством? В этом, пожалуй, главный пафос очерка Джерома. В целом, он верит в светлое будущее России, только отдаленное – за горизонтом первоначальной грандиозной революции. Сами русские, несмотря на крайнюю повсеместную боязнь

наушничества, — как пишет Джером, — делились с ним предчувствиями этой революции. Как признался ему в разговоре даже один чиновник, «гроза собирается... Сам я стар и, быть может, не увижу ничего, но детям моим придется пострадать...»

Вот что предполагает о грядущей в России революции Джером: «История России будет повторением истории Французской революции, но с той только разницей, что образованные классы, мыслители, толкающие вперед бессловесную массу, делают это с открытыми глазами...». Люди, подготавливающие революцию в России, которые насчитывают в своих рядах представителей самых разных общественных классов, «хорошо знают, что чудовище это растопчет их, но вместе с тем им хорошо известно, что заодно с ними будут растоптаны несправедливость и невежество, ненавидеть которые они научились сильнее, чем любить самих себя».

Но Джером не был бы Джеромом, если бы его очерк ограничивался только мрачными характеристиками и предначертаниями. Как отмечали почти все, даже самые суровые критики Джерома (а таких еще при жизни у него было немало), он всегда старался, прежде всего, замечать в людях не их недостатки, а достоинства. И русские, несомненно, преисполнены достоинств, по его словам. Не случайно статья названа «Люди будущего» в русском переводе (в английском, правда, гораздо менее величаво, но там автор ведь ориентировался все же на английского обывателя, который к русским, как и ко всем иностранцам, относился, мягко говоря, скептически).

«Мы свысока называем русских нецивилизованным народом, но они еще очень молоды... Мне кажется, что русские превзойдут нас. Их энергия, смысленность, когда они прорываются наружу, изумительны. Я знал одного русского, изучившего китайский язык в шесть месяцев. Английский! Да что говорить о нем, они выучивают его во время разговора с вами. Дети играют в шахматы и на скрипке, ради своего удовольствия. В общем, мир будет доволен Россией, когда она приведет себя в порядок». Между прочим, такой взгляд на Россию далеко не нов для английской России. Например, еще в середине XVI века первооткрыватель России для англичан Ричард Ченслер писал о ней почти то же самое, давая совершенно сходные оценки: «Я могу сравнить русских с молодым конем, который не знает своей силы и позволяет малому ребенку управлять собой и вести себя на уздечке, несмотря на свою великую силу...».

Что же касается влияния этой статьи Джерома (впрочем, как и его творчества в целом) на международные отношения, то, ни в коей мере, конечно, не преувеличивая, все же можно с осторожностью заметить,

что и то и другое способствовало формированию хорошего мнения об Англии в русских либерально-демократических кругах и к росту консолидации демократических сил в России со своими английскими единомышленниками. Кстати, по странному стечению обстоятельств, эта статья Джерома появилась в русском переводе как раз тогда, когда (в мае 1906 г.) министром иностранных дел (вместо Ламздорфа) был назначен проанглийски настроенный А.П. Извольский, а новым английским послом тогда же стал А. Никольсон, и оба они энергично двинули дело к сближению двух стран и к подписанию соглашений 1907 года. А впоследствии, когда в Англии пришло к власти демократическое лейбористское правительство Ллойд-Джорджа, английское посольство, как писала, например, в воспоминаниях кн. Палей, стало просто притягательным местом для всех русских либералов (Львова, Милюкова, Родзянко и др.).

Литература

1. Jerome J.K. Creatures That One Day Shall Be Men // Jerome J.K. Idle Ideas in 1905. L., 1906. P. 141–157.
2. Idem. Russians as I Know Them // American Wives and Others. N.Y., 1904. P. 61–75.
3. Он же. Люди будущего // Джером Дж.К. Избранное. М., 1999. С. 627–639.
4. Он же. Почему мы не любим иностранцев / Пер. В. Хинкиса // Трое в одной лодке. Рассказы. М., 1977. С. 231–238.
5. Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке. Рязань, 2007.
6. Зашихин А.Н. Британская Россия второй половины XIX – начала XX века // Россия и Запад: диалог культур. Материалы 2-й международной конференции... 1995 г. Вып. 2. М., 1996. С. 532–540.
7. Он же. «Глядя из Лондона». Россия в общественной мысли Британии. Вторая половина XIX – начало XX в. Очерки. Архангельск, 1994.
8. Зверев А.М. Улыбка Джерома // Джером Дж.К. Трое в лодке, не считая собаки. Трое на четырех колесах. Рассказы. М., 1995. С. 5–14.
9. Ишекова Т.В. Россия второй половины XIX века глазами английских туристов. URL: <http://www.sgu.ru/faculties/historical/sc.publication/tourism/artic.young.author.4.php>
10. Карацуба И.В. Футурология британской «Россики» (XVI – начало XIX века) // Россия и Запад... С. 477–484.
11. Комаров И. «Человеческое измерение» // Джером Дж.К. Избранное... С. 5–14.

12. Маркиш С.П. Джером Клапка Джером // Джером Дж. К. Избранные произведения в 2-х тт. М., 1957. С. 3–25.

13. Орлов А.А. Русские и англичане друг о друге (1787–1815) // Россия и внешний мир. Диалог культур. Сб. статей / Отв. ред.: Ю.С. Борисов. М., 1997.

14. Павловская А.В. Пореформенная Россия глазами современников-англичан // Россия и Европа в XIX–XX веках: проблемы взаимовосприятия народов, социумов, культур: Сб. науч. трудов / Отв. ред. А.В. Голубев. М., 1996. С. 143–154.

Д.М. Кошлаков

К вопросу о генезисе внешнеполитического образа постсоветской России

Внешнеполитический имидж России на постсоветском этапе ее истории отражает серьезные противоречия, имеющие место в общественно-политической реальности нашей страны. Основное противоречие в ее внешнеполитическом образе, пожалуй, состоит в противостоянии двух имиджевых позиций. С одной стороны, постсоветская Россия является правопреемником и продолжателем (политическим, экономическим, культурным, геополитическим и иным) Советского Союза, что объективно ведет к сохранению в структуре имиджа некоторых элементов, которые были свойственны имиджу СССР [1]. Следствием этого является сохранение в международной политике семантики Холодной войны, тем более что Россия воспринимается как государство, претендующее на восстановление своей сверхдержавной роли. Укреплению этого стереотипа, не лишено своих оснований (но, не исключено, не предопределенного будущей историей), способствуют ядерный потенциал и утверждение представлений о России как об «энергетической сверхдержаве».

С другой стороны, нельзя не признать, что в ходе перестройки Россия качественно изменилась. Знак этих изменений мы оставляем за скобками данной статьи – сейчас для нас важен лишь факт самих изменений. Как следствие и имидж страны претерпел качественные изменения, экономика и общество стали более открытыми для внешнего мира, диалог между Россией и Западом приобрел новые черты.

Судя по всему, противоречие между двумя этими позициями носит объективный характер (обе позиции имеют под собой некоторые объективные основания и предпосылки). Осуществив в начале 90-х гг. прошлого века кардинальный перелом во внешней политике, российское политическое руководство рассчитывало на интеграцию России во всевозможные западные структуры (ВТО, НАТО и др.). Однако осуществленный на практике глубокий отказ от политики государственных интересов и ставка на геополитические уступки Западу привели не к возрас-

танию политического и геополитического престижа страны на Западе, а, по целому ряду оценок, к его падению во всем мире и вытеснению России на обочину мировой политики. Дальнейшему падению имиджа страны способствовали события в Чечне и «государственная неадекватность», в 1996 г. вылившаяся в Хасавюртовские соглашения. В политических кругах и общественном мнении ведущих мировых держав сложился образ России как экономически и политически слабого государства, неспособного отстоять свою территориальную целостность и национальные интересы на международной арене [2]. Иначе говоря, сделанная ставка на мягкость и уступчивость во внешней политике не улучшила имидж России, а наоборот, изменила его в худшую сторону, в чем и проявляется глубокая противоречивость между ранее указанными двумя позициями. Оказалось, что как только Россия отказалась от роли геополитического центра силы, сняла с повестки дня альтернативность своей истории, критика в ее адрес со стороны Запада снизилась, но не по причине взаимовыгодного и стратегического партнерства, роста репутационного потенциала, а по причине ослабления самой России. Стратегическая ошибка внешней политики Ельцина-Козырева состояла в том, что ни Западу, ни кому-либо еще слабый союзник не нужен, союзники нужны сильные – в противном случае, на роль союзников они не годятся, в общении с ними допустим указательный, менторский, нравоучительный тон. Для построения союзнических отношений с Западом необходимо было добиваться, чтобы Запад видел в России именно равного партнера, а не сторону, проигравшую в Холодной войне.

Во второй половине 90-х гг., особенно после Хасавюртовских соглашений, внешнеполитическая тональность ельцинской России начала меняться. В 1996 г. политический класс сменил руководство МИД, вместо А.В. Козырева главой внешнеполитического ведомства стал Е.М. Примаков, человек, вполне соответствовавший идее смены внешнеполитических установок с атлантизма на установки многовекторности российской политики, сбалансированности геополитических интересов, устойчивости и безопасности страны.

Другим важным этапом в смещении тональности и ужесточения риторики в отношении Запада стали бомбежки войсками США Югославии в 1999 г. Иначе говоря, уже во второй половине 90-х гг. маятник внешнеполитических интересов России качнулся в обратную сторону. По большому счету, именно это изменение политических настроений в элите и обществе подготовило почву к прагматичному и национально-ориентированному курсу В.В. Путина.

Курс В.В. Путина на стабилизацию общественно-политического процесса позволил повысить сбалансированность экономики, укрепить

вертикаль власти, преодолеть конфликт в Чечне. С одной стороны, это повысило международный рейтинг страны [3], новую динамику приобрели двусторонние отношения с целым рядом стран Евросоюза (Францией, Италией и в особенности Германией), возросли инвестиции зарубежных стран в российскую экономику [4]. С другой стороны, на Западе многие обеспокоились усилением России, в структуре ее имиджа появились имиджевые черты авторитарности, нарушения прав человека, подавления свободы бизнеса, оппозиции, малых народов. Нарастанию подобной тональности в оценках способствовала вторая война в Чечне, слабость гражданского общества, бюрократизация восстанавливаемой «вертикали власти», коррумпированность органов власти.

Как только Россия стала на путь стабилизации общественно-политического процесса (даже не выздоровления, а только стабилизации своего далеко не самого совершенного во многих отношениях состояния), Запад стал давать этому весьма негативные оценки, формировать соответствующие образы. Удивляться подобной противоречивости Запада в отношении России, конечно же, не приходится, в связи с чем показательной представляется позиция ряда «патриархов» американской внешней политики (Г. Киссинджера, З. Бжезинского и др.). Так, к примеру, Г. Киссинджер не скрывает, что предпочтет «в России хаос и гражданскую войну тенденции к ее объединению в сильное централизованное государство» [5]. Традиционно не сговывают себя в оценках происходящего в России британские журналисты и эксперты [6]. Кстати сказать, нечто аналогичное можно отметить и в отношении пересмотра итогов Второй мировой войны: англо-саксонская историография несет несравнимо большую угрозу исторической правде, нежели, скажем, германская (как бы это ни звучало странным в том плане, что СССР, США и Британия были лидерами Антигитлеровской коалиции). Примером весьма вольного отношения к исторической правде в отношении хода Второй мировой войны является «творчество» британского историка Энтони Бивора, определенно вписывающееся в лекала информационно-психологической войны против России. Этот вопрос среди прочих обсуждался на прошедшей в апреле 2010 г. в Международном общественном фонде «Экспериментальный творческий центр» (Центр Кургияна) конференции «Реальная война» [7], приуроченной к 65-летию Победы в Великой Отечественной войне. Так, к примеру, в 2002 г. из-под пера Э. Бивора в свет вышла книга «Падение Берлина. 1945» и соответствующая рекламная статья в газете «The Daily Telegraph» под красноречивым названием «Войска Красной Армии насиловали даже русских женщин, которых они освобождали из лагерей». В связи с подобными оценками, даваемыми в уважаемом британском издании, посол

России в Великобритании Григорий Карасин был вынужден направить в редакцию газеты письмо, в котором была высказана позиция России по отношению к произошедшему. Справедливости ради надо отметить, что в своих оценках и аргументации Э. Бивор использует приемы манипуляции (тенденциозный подбор фактов, искажение исторической реальности, подлог, ошибочные выводы, сделанные на основе безусловных посылов и т.п.). Иными словами, происходит целенаправленная негативизация внешнего образа России, затрагивающая многие пласты истории и современности.

Очевидно, что идеи ревизионизма в исторической науке, процессы пересмотра итогов Второй мировой войны подрывают не только образ России, но и ее национальную безопасность, прежде всего посредством торпедирования исторической реальности как своего рода «краеугольного камня идентичности». В этой связи необходимо четко понимать, что внешнеполитический образ страны является многоаспектным образованием и выступает одним из потенциалов ее государственной безопасности.

Литература

1. Соколова-Сербская, Л.А. Формирование имиджа Российской Федерации на международной арене (1992–1999 гг.): автореф. ... докт. истор. наук. М., 2008. С. 3.

2. Там же. С. 7; Коломенский, М. К вопросу о формировании внешнеполитического имиджа современной России // Власть. 2008. №3. С. 83-84; Малеева О. Имидж России в зеркале зарубежных СМИ // Обозреватель-Observer. 2008. №4. С. 121.

3. Соколова-Сербская, Л.А. Указ. соч., с. 8; Коломенский, М. К вопросу...

4. Поступление иностранных инвестиций по типам (на конец года, в млн. долларов США) – URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/business/invest/in_inv1.htm.

5. Малеева О. Имидж... С. 121.

6. Там же. С. 123 – 124.

7. Сенявская, Е.С. Освободительная миссия Красной Армии в контексте информационной войны. – URL: <http://www.kurginyan.ru/clubs.shtml?cat=60&id=455>.

А.В. Кротов
Формирование позитивного имиджа России в европейских
странах: факторы и проблемы

В географических дисциплинах присутствуют два термина, которые в некоторых случаях являются синонимами, в других – дополняют друг друга. Это «имидж страны» и «образ территории, места» [1, 2]. Нам не удалось найти полного описания всех составляющих (факторов) имиджа или образа территории. Каждый фактор в зависимости от знака влияет или на восприятие государства. Составляющие позитивного образа неравнозначны, а значимость отдельных категорий имиджа может меняться и меняется во времени. Менталитет воспринимающего народа и его национально-психологические особенности, которые мы рассматриваем как особые константы, непосредственно оказывают свое влияние на факторы формирования имиджа территории.

На Рис. 1 показаны основные составляющие имиджа государства.

Более чем на 90% образ страны формируется под воздействием одиннадцати составляющих. Охарактеризуем эти основные факторы на примере образа РФ в Европе. Диаспора россиян активно развивается и присутствует практически во всех европейских странах. В Лондоне и его предместьях проживают 50 тысяч соотечественников.

Туристическое взаимодействие особенно бурно развивается в последние годы. Россияне путешествуют, но обратный поток туристов из европейских стран в Россию незначителен.

Географическая близость европейских стран и России подразумевает не только общие границы с отдельными государствами, но и похожесть, а иногда идентичность ландшафтов. Отсюда часто вытекает и цивилизационная близость. Этническая, языковая и религиозная схожесть народов служит предвестником объективного и позитивного восприятия народов соседних территорий. Правда, территориальное соседство часто дает и обширный негатив, связанный с притеснениями соседей.

Особую актуальность приобретают культурные связи в формировании имиджа страны. Россия в этом плане довольно выигрышно смотрится. Багаж российской культуры огромен. Это и построенные на деньги русской аристократии православные храмы и творчество многочисленной российской культурной общины в Европе.

Другая составляющая – международное сотрудничество. Сюда относится взаимодействие властных, бизнес, общественных структур и научных сообществ, развиваемое сейчас приграничное сотрудничество.

Рис. 1. Составляющие имиджа страны

Для того, чтобы мнение о стране формировалось, необходимы новостное сопровождение или информационная картинка. Существуют различия между работой национальных СМИ по освещению деятельности народов других стран. При достаточных по времени и качественных сюжетах можно говорить о том, что рядовой потребитель получает возможность составить мнение о другом государстве.

Более сложная составляющая имиджа – геополитическое положение и, соответственно, интересы. Исторический контекст в восприятии России играет не последнюю роль. Градус освещения национальными СМИ позиций российского государства в основном

отражает мнение истеблишмента европейских государств, которое может варьироваться при смене власти.

Геоэкономическая составляющая учитывает макроэкономические конкурентные позиции государств. Так, современная Россия рассматривается европейскими державами, во-первых, как поставщик природных ресурсов и отдельных товаров начального передела и, во-вторых, рынок для европейских изделий и услуг. Для Великобритании эффективное развитие российского образования, для Польши восстановление отечественного животноводства и для Швейцарии создание финансового центра мирового уровня в Москве несут реальные экономические потери.

К этой же составляющей близок фактор интересов бизнес и властных групп. Получение прибыли в России ведет к позиционированию нашей страны как дружественной, соучастнице деловых успехов европейских стран. Сейчас западные соседи фактически не могут обойтись без российской стороны, решая глобальные проблемы. С наркотрафиком из Афганистана невозможно бороться без участия РФ. Очистить Балтику, забыв о Ленинградской области, нельзя. Совместное решение глобальных и крупных региональных проблем ведет к качественно новому восприятию партнеров-государств.

Событийные маркеры-объекты - крупные культурные, спортивные, социальные и политические проекты, которые могут довольно сильно качнуть общественное мнение в любую по знаку сторону. Начало перестройки у европейцев вызвало рост популярности России, а лицемерие первых «новых русских» вызвало обратную реакцию.

Обязательно нужно помнить о ментальности и национально-психологических особенностях народов воспринимающих стран, которые влияют на составляющие имиджа. В Великобритании и во Франции население активно интересуется событиями, происходящими в России, чего не скажешь о румынах и ирландцах. Довольно парадоксальные выводы были получены при характеристике образов различных европейских стран россиянами [3]. Мы гораздо позитивнее воспринимаем такие далекие (в культурно-историческом и территориальном плане) страны, как Франция и Австрия, по сравнению с Арменией и Польшей.

При анализе возможностей стимулирования роста позитивного восприятия России европейскими странами нами были выделены главные корневые сходства и различия. В географическом контексте сходства выглядят так: 1) Россия – часть Европы; 2) обширные

общие границы; 3) основная масса россиян проживает на европейском континенте. Главные различия: 1) более 2/3 территории России находится в Азии; 2) важнейшие ресурсы располагаются на востоке и севере страны; 3) самыми перспективными территориями в плане получения валютных доходов являются регионы за Уралом; 4) российские ресурсы и основные экспортные производства становятся географически ближе к растущим центрам восточной Азии.

В историческом контексте сходства: 1) Россия только с небольшим запаздыванием проходит все этапы социально-экономического развития, уже наступившими в странах Европы; 2) практически все крупнейшие события в европейских странах происходили при прямом или косвенном участии России; 3) Россия как и ведущие страны Европы была империей, потерявшей значительные территории и вес. Основные отличия: 1) Россия и европейские страны не стали единым социально-экономическим пространством; 2) Россия многими европейскими странами рассматривается как империя.

В демографическом контексте выделяются такие сходные черты: 1) Россия как и Европа имеет отрицательный прирост населения (без учета мигрантов); 2) здесь и там старение населения и соответствующие проблемы; 3) Европа и Россия пытаются решить свои демографические проблемы посредством поощрения иммиграции. Главное отличие заключается в том, что, несмотря на аналогичность демографической ситуации, именно Россия является одним из крупных доноров интеллектуальной рабсилы в Европе.

В политическом контексте стоит отметить такие сходства: 1) Россия приняла основные социально-политические стандарты европейского общества; 2) Россия обладает всеми институтами демократического общества, принятыми в странах ЕС. Основные различия: 1) Россия не является членом ЕС; 2) в России на сегодня демократия имитационная; 3) по рейтингам коррупционности, свободы СМИ, экономических свобод и т.д. РФ в отстающих.

Во внешнеполитическом контексте сходства: 1) аналогичность стоящих и соответственно решаемых глобальных проблем; 2) формирование общих межгосударственных интересов, участие в межконтинентальных экономических проектах. Главные отличия: 1) Россия находится в военном конфликте с Грузией; 2) Россия – единственная европейская держава, которая официально поддерживает непризнанные государства Европы; 3) интересы России на территории бывшего СССР в целом не признаны еврообществом.

Учитывая сказанное выше, можно предложить следующие шаги по стимулированию формирования позитивного имиджа России в

Европе. Необходимо ускорить предоставление виз для европейцев. Особое внимание уделять нужно экономическим и культурным инициативам приграничных регионов. Калининградская область - возможность РФ улучшить отношения с Польшей и Литвой.

Российские регионы практически не представлены на туррынке Европы, за исключением нескольких известных мест, хотя потенциал существует огромный. Проведение Олимпиады в Сочи может показать нашу страну с самой лучшей стороны, если будут учтены ошибки проведения столь масштабных мероприятий в мире. К 2014 году должны существовать все условия для принятия увеличивающегося потока европейских туристов.

Пока России не удалось привлечь реальных мировых «звезд» в архитектуре, науке для работы над важнейшими проектами. Мировые имена являются пропуском в элиту туристически привлекательных стран и главных новостей.

Дiasпора русскоязычных в европейских странах не имеет русских клубов, не лоббирует не только интересы России, но и свои собственные. Интересы Израиля и Ирландии в США во многом представлены благодаря диаспорам.

Необходимо способствовать транслированию российской культуры в европейские страны через ее поддержку и стимулирование. В России есть высокого уровня музыкальные коллективы и театры, которые могут быть востребованы в Европе и это не только представители столичных регионов.

Нужно выявить отрасли и направления в экономике, в которых Россия безвозвратно потеряла самостоятельную конкурентоспособность. Здесь нужно создать режим преференций для лучших европейских компаний. Льготный налоговый и прочий режимы, так как иначе не будут не только не созданы новые рабочие места, но и потеряны навсегда перспективы развития в данных областях.

России стоит создать новые маркеры-события. Страна должна занять свое место в новостях. Например, как координатор мировых процессов, имеющих отношение к экологии, развитию коренных народов, решению фундаментальных научных проблем. РФ может (пока это не получается) выступить медиатором крупнейших глобальных территориальных конфликтов (Палестина, Нагорный Карабах, Ферганская долина), стать реальным лидером, предлагающим оригинальные решения в проблеме обеспечения пресной чистой водой населения мира.

Рис. 2. Перспективные направления формирования позитивного имиджа России в европейских странах.

Литература

1. Замятин Д.Н. Моделирование географических образов. Смоленск, 1999.
2. Колосов В.А., МIRONENKO Н.С. Геополитика и политическая география. М., 2001.
3. Мир глазами россиян: мифы и внешняя политика. М., 2003.

О.Г. Лекаренко

Восприятие советского экономического вызова на Западе в конце 1950-х – начале 1960-х гг.

Холодная война являлась временем не только военно-политического противостояния, но и экономического соревнования двух общественно-политических систем. Несмотря на победу Запада в этом соревновании, в истории Холодной войны можно выделить период, когда экономический вызов со стороны СССР достаточно серьезно

обсуждался в США и странах Западной Европы. Вершина противостояния советской и западной экономических моделей приходится на вторую половину 1950-х – начало 1960-х гг., когда Советский Союз переживал пору своего наиболее динамичного развития, а советская экономическая модель представлялась западным аналитикам не только вполне конкурентоспособной в «третьем мире», но и бросающей реальный вызов самим Соединенным Штатам.

Еще в период подготовки Римских договоров о создании Европейского экономического сообщества (ЕЭС) и Евратома, американские эксперты предупреждали, что, несмотря на успешное завершение восстановительного периода в странах Западной Европы, Советский Союз к 1957 г. может обогнать западноевропейские страны по уровню ВВП, если их экономики будут развиваться прежними темпами. Американские политики считали одним из достоинств Общего рынка экономическое усиление западного блока и рост материального благосостояния в странах Западной Европы, что создавало привлекательный пример для находившихся в орбите советского влияния стран Восточной Европы. В данный период Холодная война усиливалась на периферии Евразии, начиналась борьба между США и СССР за влияние на страны третьего мира. Соединенные Штаты были заинтересованы в объединении ресурсов западных стран для оказания помощи развивающимся государствам Азии и Африки, которые иначе могли попасть в сферу влияния СССР.

В январе 1959 г., выступая на XXI съезде КПСС, Н.С. Хрущев заявил, что успех Советского Союза в выполнении 7-летнего плана экономического развития (1959-1965 гг.) привлечет на сторону социализма миллионы новых сторонников. Рассматривая экономику в качестве сферы, в которой возможно мирное экономическое соревнование между социализмом и капитализмом, советский лидер поставил задачу в ближайшее время обеспечить больший удельный вес социалистического содружества в мировом производстве, а также обойти наиболее развитые капиталистические страны по производительности труда и уровню доходов на душу населения [1].

В это же время советским руководством были поставлены задачи по углублению экономической интеграции стран восточного блока в рамках созданного в 1949 г. Совета экономической взаимопомощи (СЭВ). Организация, которая вплоть до смерти Сталина существовала «главным образом лишь на бумаге», при Н.С. Хрущеве стала наполняться реальным содержанием. Н.С. Хрущев заявил о возможности экономического сотрудничества и мирного экономического соревнования не только между отдельными государствами с различным обще-

ственным строем, но и между их экономическими объединениями [2]. В мае 1959 г. 11-я сессия Совета экономической взаимопомощи обсудила вопрос о существенном увеличении производственных показателей в основных отраслях тяжелой промышленности и углублении экономической специализации стран, входящих в СЭВ [3].

В 1954-1960 гг. советская промышленность развивалась в 4 раза быстрее американской. Разрыв между уровнями развития советской и американской экономик заметно сокращался. В 1957 г. продукция советской промышленности составляла 47% американской, а в 1960 г. – уже около 60% [4]. Это позволило советскому руководству в 1960 г. заявить о том, что в 1965 г. промышленное производство в СССР составит 50% мирового производства.

Американские эксперты отмечали, что поставленная советским руководством цель превзойти США по уровню производства на душу населения является явно недостижимой. В начале 1960-х гг. ВВП на душу населения в США и странах Западной Европы составлял 2 тыс. долл., а в СССР и КНР – всего 401 долл. [5]. Однако темпы экономического роста в СССР вызывали явное беспокойство на Западе. В марте 1961 г. британский еженедельник «Экономист» с тревогой отмечал, что лозунгом коммунистического блока является изменение соотношения индустриальной мощи в мире в пользу социалистических стран. Британские эксперты пришли к выводу, что, хотя в области легкой промышленности западные страны обладали неоспоримым преимуществом, тем не менее, усиление индустриальной мощи восточного блока могло иметь самые серьезные политические последствия [6].

В США начали серьезно изучать проблему соревнования двух экономических систем. Аналитики ЦРУ с тревогой отмечали сокращение научно-технического и образовательного разрыва между двумя странами, прогнозируя рост советского ВВП к 1980 г. до более половины от американского. Как пишет отечественный исследователь В.О. Печатнов, для «спортивной по своему духу американской нации этот вызов стал мощным дополнительным стимулом к внутренним реформам. Неслучайно именно в эти годы кейнсианская политика стимулирования экономического роста получила свое наивысшее развитие – особенно во времена правления администрации Дж. Кеннеди. Соотношение темпов развития обеих стран постоянно находилось в центре внимания президента и его окружения» [7]. Предвыборная программа демократов содержала пункт об обеспечении 5% ежегодного роста и программу увеличения государственных расходов и государственного регулирования экономики.

Соединенные Штаты предпринимали энергичные меры для экономического усиления Запада с целью сдерживания торгового натиска со стороны коммунистического блока. В 1960-е гг. происходило формирование трех центров силы внутри капиталистической системы: США, ЕЭС и Японии. Складывание трех экономических центров сопровождалось усилением конкуренции между ними на мировом капиталистическом рынке. Вскоре после прихода к власти администрация Дж. Кеннеди выступила с инициативой принятия нового торгового закона, который существенно увеличил бы экспортные возможности США и сгладил растущие торгово-экономические противоречия внутри западного блока, прежде всего между США и ЕЭС.

В январе 1962 г. основные положения Закона о расширении торговли были представлены Дж. Кеннеди конгрессу США. Главными целями торговой политики США провозглашались увеличение экспорта, снижение уровня инфляции и безработицы в Соединенных Штатах, повышение конкурентоспособности американской промышленности, содействие экономическому развитию западных стран, укрепление единства западного блока с сохранением за США роли лидера западного мира, доказательство преимуществ развития свободной рыночной экономики в сравнении с экономикой социалистических стран. В послании президента, в частности говорилось, что «открытое торговое партнерство между США и ЕЭС должно пошатнуть советские представления о неразрешимых противоречиях империализма и торговых войнах между двумя экономическими гигантами» [8].

Экономический вызов со стороны СССР способствовал сплочению фритредеров в американском конгрессе, которые рассматривали Закон о расширении торговли не только как экономическую торговую меру, но как средство укрепления единства свободного мира. В ходе обсуждения нового законопроекта выступивший в его поддержку сенатор Е. Кефвер заявил, что Соединенные Штаты заинтересованы в том, чтобы ЕЭС превратился в сильного партнера США, а не серьезного экономического конкурента. Усиление торговых противоречий западных стран, по мнению сенатора, было бы только на руку Советскому Союзу, который таким образом получал возможность мирной победы над Западом через ослабление и разрушение экономических связей между странами свободного мира [9]. Либеральная торговая политика рассматривалась не только как средство укрепления единства свободного мира, но как возможность распространения западного влияния в развивающихся странах, которые, благодаря такой политике, получали доступ на рынки западных стран в дополнение к экономической помощи.

Экономический вызов, брошенный СССР странам Запада в конце 1950-х – начале 1960-х гг., несомненно, способствовал усилению положительного эффекта конкуренции в Холодной войне, который составлял каждую из систем «напрягать силы, повышать свою привлекательность и конкурентоспособность в стремлении обойти соперника и завоевать новых союзников» [10].

Литература

1. Правда. 28 января 1959 г.
2. Липкин М.А. Европейская интеграция и советские экономические инициативы (1950-е – первая половина 1970-х годов) // Новая и новейшая история. 2009. № 3. С. 54-55.
3. Правда. 19 мая 1959 г.
4. Экономическая политика правительства Кеннеди (1961-1963). Под ред. С. М. Мельникова. М., 1964. С. 19.
5. Hearings before the Committee on Ways and Means. House of Representatives. 87th Congress. Second Session on H. R. 9900. Wash., 1962. Part 1. P. 67-68.
6. Economist. March 11, 1961. P. 979.
7. Печатнов В.О. О некоторых позитивных последствиях советско-американского соперничества в годы «холодной войны» // Россия – США: политика и дипломатия в XX-XXI вв. М., 2008. С. 117.
8. Reciprocal Trade Agreements Program – Message from the President // Congressional Record (CR). Vol. 108. Proceedings and Debates of the 87th Congress. Second Session. Wash., 1962. № 10. P. 773-777.
9. Ibid. № 21. P. A1021.
10. Печатнов В.О. Указ. соч. С. 116.

Ю.А. Митяева

Региональные имидж-технологии vs. сетевая реальность (на примере освещения сотрудничества между Алтайским краем и французским регионом Франш-Конте)

Проблема формирования собственного имиджа – одна из центральных проблем для региональных политических элит российской периферии. Для Сибирского федерального округа и региональных администраций наличие собственного узнаваемого имиджа власти особенно необходимо. Возрастающая межрегиональная конкуренция вынуждает местные политические элиты активнее работать над собственным имиджем, чтобы не потеряться на фоне других регионов и укрепить свои позиции перед Москвой.

На смену традиционным технологиям приходят Интернет, современные ленты новостей, теле- и радиовещание. Трансформируются и

появляются новые технологии воздействия на массовое сознание, власть пытается включаться в процесс интернет-диалога.

Цель этого доклада – исследование роли интернет-технологий в процессе формирования внешнеполитического имиджа региональной власти. В наши задачи входит: исследовать виды и специфику интернет-технологий формирования имиджа власти; на примере сотрудничества Алтайского края и французского региона Франш-Конте изучить влияние интернет-технологий на процесс формирования имиджа региональной власти.

Технологии формирования имиджа региональной власти изучаются комплексом прикладных политических и социологических наук в рамках таких научных направлений и дисциплин, как прикладная имиджология, маркетинг территорий, региональный брэндинг, связи с общественностью, региональный менеджмент, территориальный имиджмейкинг, социология интернета и др. Автор опирался на теорию политических коммуникаций (М.Н. Грачев, Г.Г. Почепцов, М.С. Вершинин), теорию политического лидерства (Д.В. Ольшанский, Ж. Блондель, М. Вебер), теорию политических манипуляций (С.Г. Кара-Мурза, А. Цуладзе, В. Авченко), концепцию имиджа политического лидера (Е. Абашкина, Е. Егорова–Гантман, Ю. Косолапова).

Интернет-технологии формирования имиджа власти можно условно разделить на традиционные технологии в рамках теории политической коммуникации, связей с общественностью и журналистики, и социально-политические интернет-технологии, которые служат комплексом мер и приемов для формирования имиджа. И тот, и другой виды технологий принадлежат к социально-коммуникативным технологиям. Д.П. Гавра определяет социально-коммуникативные технологии как вид технологий социальной коммуникации, который характеризуется сознательным управлением коммуникационными ресурсами; наличием социально значимой цели и социальным характером процесса, подвергающегося технологизации [1].

В качестве особенности изучаемых технологий отметим, что созданная в Интернете сетевая реальность обладает особой уникальностью и собственными законами, поэтому политические технологии, используемые в других СМИ, в среде Интернета приводят к совершенно иным результатам. Выдвинем предположение, что подобная коллизия происходит из-за различия целевых аудиторий: медиа-имидж, транслируемый по телевизионным каналам или с помощью печатных СМИ, не всегда приемлем для интернет-аудитории.

Исследователь российской интернет-аудитории А.В. Чугунов считает, что политические взгляды интернет-пользователей значительно

более демократичны и либеральны, нежели взгляды населения России в целом [2]. Вместе с тем, доля пользователей сети Интернет остается сравнительно небольшой. Так, в Сибирском федеральном округе, по данным Фонда «Общественное мнение» на лето 2008 года, число пользователей Сети составило 23% от общего населения в регионе [3]. Несмотря на то, что эта целевая группа сравнительно невелика, ее «удельный» вес в социально-политическом развитии региона довольно высок. Поэтому тактика информирования данной целевой аудитории должна отличаться в сторону большей критичности, доказательности и подтверждения фактами.

В качестве примера работы по использованию интернет-технологий обратимся к региональной практике формирования имиджа власти в Алтайском крае. Одним из информационных поводов в очередной кампании по улучшению имиджа стало межрегиональное сотрудничество Алтайского края с французским регионом Франш-Конте. Выбор межрегионального сотрудничества в качестве одного из инструментов формирования имиджа региона – это хороший выбор с точки зрения политтехнологов, когда внимание аудитории нужно сконцентрировать на достижениях власти, создать праздничное настроение у толпы и чувство гордости за родную продукцию. Это и происходит в рамках организации различных выставок, ярмарок и фестивалей в пределах региона. Но подобные мероприятия выглядят уместными на фоне динамично развивающихся торговых отношений между регионами-партнерами, роста очевидных экономических и социокультурных преимуществ для населения от этого сотрудничества, на фоне роста уровня жизни населения и благосостояния региона. Когда же ресурсы регионального развития направляются на участие в мероприятиях вне региона, вопросы обоснованности затрат обостряются вдвойне, поскольку население региона уже не может воочию наблюдать за ходом мероприятия. Все положительные эффекты от подобной PR-кампании могут быть сведены на «нет» в условиях разворачивающегося кризиса и падения промышленного производства.

Проект сотрудничества между Алтайским краем и Франш-Конте осуществляется уже более трех лет, но наибольшую волну публикаций вызвало участие Алтайской делегации во Франш-контийской ярмарке 6-17 мая 2010 года в рамках мероприятий года России во Франции. Для справки отметим, что программа сотрудничества двух регионов включает: создание в Алтайском крае образовательного центра молочной промышленности по образцу франш-контийских школ молочной индустрии (ENIL); проект создания особого виноградника, где будут

высажены французские сорта винограда; создание особой туристической зоны – «сыродеревни».

Анонсы мероприятия опубликовали все наиболее значимые электронные СМИ края. На официальном сайте Алтайского края пока не реализована возможность подписки на RSS-каналы, возможности навигации и поиска информации также ограничены, сайт имеет англо- и немецкоязычную версии (французская отсутствует). Это позволяет сделать вывод о том, что технологии информирования целевых аудиторий развиты в недостаточной мере. Событийный PR требует особого подхода в работе пресс-службы, для подобных мероприятий возможно создание собственных красочных веб-сайтов – визиток, с разделом новостей, галереей фотографий, впечатлениями участников, достигнутыми результатами, подписанными соглашениями и планами на будущее.

Ввиду отсутствия возможности прокомментировать поездку Алтайской делегации на официальных веб-сайтах, интернет-общественность активно использовала эту возможность на сайтах электронных СМИ. Мониторинг реакции на сайтах ИА «Амител» и ИД «Алтапресс» позволяет судить о том, что данное мероприятие вызвало широкий резонанс среди интернет-аудитории: поднимаются вопросы стоимости поездки, говорится о сложной ситуации в Рубцовске, возникает вопрос об экономической целесообразности и т.д. Из вышеизложенного следует, что целевой аудиторией этой PR-кампании были вышестоящие чиновники федерального центра и франш-контийское руководство. Еще больший всплеск эмоций накануне поездки вызвала новость о стоимости панно и других сувениров, которые делегация Алтайского края собирается взять с собой. Но особенно поразила интернет-пользователей новость о том, что на Алтае высадили французский виноград, из которого собираются производить вино [4]. Если говорить об итогах этой PR-кампании для имиджа региональной власти, то равнодушных среди интернет-пользователей осталось мало, в то время как непонимание и неприятие действий власти все нарастает. Разумеется, мнение нескольких человек не может реально отражать отношения всего населения к событиям в рамках данного мероприятия, но в целом они могут создавать особое настроение у группы просматривающих сайты людей, влияя на имидж власти. Участие Алтайской делегации во Франш-контийской ярмарке активно освещалось и французской стороной: анонсы мероприятия представлены на сайтах <http://www.besac.com>, <http://www.macommune.info>, телеканала France 3, газеты Region, La Terre de chez nous, Le Pays, Le Progress и др. Как следует из статьи на [macommune.info](http://www.macommune.info) под говорящим названием «Шторм в

стакане молока», французские сыроделы оказались в некотором замешательстве по поводу возможной передачи технологии изготовления сыра Каунти алтайским сыроделам [5].

Таким образом, роль интернет-технологий в процессе формирования внешнеполитического имиджа региональной власти не может оцениваться однозначно. С одной стороны, прослеживается тенденция к увеличению доли интернет-технологического обеспечения процесса региональной политической коммуникации. С другой стороны, формальный подход в изготовлении официальных интернет-ресурсов, низкий уровень социальной ответственности власти, недооценка роли интернет-технологий в формировании имиджа способны свести на «нет» усилия окол властных имиджмейкеров.

Литература

1. Гавра Д.П. Социально-коммуникативные технологии: сущность, структура, функции URL: http://www.statebrand.ru/elektronnye_resursy/26.html.
2. Чугунов А.В. Российская интернет-аудитория в зеркале социологии. СПб, 2006. С. 135.
3. Опрос населения «Интернет в России / Россия в Интернете». Выпуск 24. Лето 2008». URL: <http://bd.fom.ru/report/map/bntergum08/internet/internet0803/int0803#Abs3>.
4. На Алтае высадили французский виноград, из которого будут производить вино. URL: <http://www.amic.ru/news/125973>.
5. Comté: grosse tempête dans un petit verre de lait. URL: <http://www.macomune.info/actualite/comte-grosse-tempete-dans-un-petit-verre-de-lait-12797.html>

Р.С. Мухаметов **Роль публичной дипломатии в формировании** **международного имиджа России**

Необходимость построения благоприятного международного имиджа государства является одной из наиболее актуальных и важных задач. Как считает К.С. Гаджиев, имидж страны представляет собой важнейший капитал, способствующий укреплению геополитического статуса государства на мировой арене, обеспечению его безопасности, защите и продвижению национальных интересов [1]. Позитивный имидж страны – это важный инструмент, который открывает ей доступ в сообщество цивилизованных демократических государств, международное бизнес-сообщество. Объективный имидж страны позволяет формировать устойчивую морально-психологическую среду, благо-

приятную для интеграции государства в мировое пространство, обеспечения ей достойного места в структуре мировых экономических отношений и адекватной имеющемуся потенциалу роли в мировой политике. Международный имидж государства помогает закреплять политические успехи на мировой арене, выстраивает нужный ассоциативный ряд практически любому внешнеполитическому действию государства. Направленное использование международного имиджа влечет за собой формирование выгодных общественных мнений, обеспечивающих достижение национальных интересов страны.

Формирование у зарубежной аудитории положительных взглядов на проводимую государством внешнюю и внутреннюю политику относится к сфере публичной дипломатии. Это доведение до международной общественности и разъяснение зарубежной аудитории достоверной информации об основных направлениях государственной политики государства, его официальной позиции по значимым событиям внутривнутриполитической и международной жизни. Целью публичной дипломатии является создание благоприятных условий и обеспечение поддержки общественного мнения зарубежных стран конкретным акциям данного государства на международной арене.

Термин «публичная дипломатия» был введен в научный оборот деканом Школы права и дипломатии Университета Тафта Эдмунтом Галлионом (Edmund Gullion) в 1965 году. Классическое определение публичной дипломатии включает «программы, финансируемые правительством, направленные на информирование и оказание воздействия на общественное мнение в других странах» [2].

Публичная дипломатия часто ассоциируется с внешнеполитической пропагандой. По мнению В.А. Кононенко, «в отличие от пропаганды главное в публичной дипломатии – не только донести свою точку зрения, но и выстроить доверительные отношения с аудиторией» [3]. Публичная дипломатия стремится достичь доверия у зарубежной аудитории через аргументированное изложение и разъяснение внутренней и внешней политики государства, честный и открытый диалог. Кроме того, публичная дипломатия апеллирует к интеллекту, разуму, в то время как пропаганда основана на лжи, фальсификации и вызывает к эмоциям. В отличие от традиционной дипломатии, которая работает с органами власти зарубежного государства, публичная дипломатия имеет дело с зарубежной аудиторией.

Публичная дипломатия включает в себя подготовку информационных материалов, в том числе печатной (журналы, книги), аудио– (радиоголоса) и видеопроодукции о стране и их распространение за рубежом по дипломатическим каналам и в глобальной сети Интернет.

Имиджем страны за рубежом до недавних пор в России никто всерьез не занимался. Впервые этот вопрос был поднят в Концепции внешней политики, утвержденной президентом 28 июня 2000 г. В Документе на передний план была выдвинута задача доведения до широких кругов мировой общественности объективной и точной информации о ее позициях по основным международным проблемам, о внешнеполитических инициативах и действиях Российской Федерации, а также о достижениях российской культуры, науки, интеллектуального творчества [4].

Отправной точкой для активизации деятельности по улучшению имиджа России можно условно считать выступление В.В. Путина на пленарном заседании совещания послов и постоянных представителей России 12 июля 2004 года. Он заявил, что представления о России в мире далеки от реальности, что нередки случаи «спланированных кампаний по дискредитации нашей страны», и поставил перед российскими дипломатами задачу по формированию благоприятного образа нашей страны за рубежом [5].

В течение последних нескольких лет при участии или под патронажем государства разрабатывается и реализуется большое количество проектов в рамках программы по формированию положительного имиджа России за рубежом. Так, в декабре 2005 года начал работать первый российский информационный телеканал Russia Today, ведущий круглосуточное вещание на английском языке. 4 мая 2007 года был запущен российский новостной телеканал Русия аль-Яум (с араб. – Россия сегодня), вещающий на арабском языке. Он транслируется на страны Ближнего Востока и Северной Африки.

Важную роль в информировании зарубежной общественности о ситуации в России и в мире выполняет англоязычный журнал Russia Profile, который информирует о политических, экономических и культурных процессах, происходящих в современной России.

Российским имиджем за рубежом занимаются и Trendline's Russia («Российские тренды») – приложения, которые размещаются в ведущих иностранных газетах с целью информирования о позитивных изменениях, имеющих место в России, и создания у зарубежного читателя таким образом позитивного образа России. Первый выпуск состоялся 15 ноября 2006 года в американской газете Washington Post, а 16 ноября – британской Daily Telegraph [6].

В настоящее время в мире работает множество радиостанций, вещающих с целью оказания воздействия на страны, находящиеся за границей того государства, которому принадлежит та или иная радиостанция. Самыми крупными считаются BBC World Service (Всемирная

служба Би-би-си), Voice of America («Голос Америки»), Radio Free Europe/Radio Liberty («Радио Свободная Европа\Радио Свобода»), Deutsche Welle («Немецкая волна»), Radio France International (Международное французское радио) и Voice of Russia («Голос России»). «Голос России» – государственная радиостанция, осуществляющая вещание на зарубежные страны из России. Она транслирует программы на 38 языках.

На протяжении всего постсоветского периода не прекращались попытки выработать и предложить миру позитивный имидж России. На данный момент основным содержанием информационного обеспечения внешней и внутренней политики России за рубежом является содействие объективному восприятию Российской Федерации в мире как демократического государства с социально ориентированной рыночной экономикой и независимой внешней политикой [7]. Д.А. Медведев в беседе с ведущим «Итоговой программы НТВ» Кириллом Поздняковым от 26 июля 2009 года заявил, что образ России должен быть образом современного и сильного государства, прагматичного, сдержанного, в то же время способного сказать свое слово в международном контексте [8]. Таким образом, российские власти стремятся создать представление о России как о цивилизованной стране с рыночной экономикой, последовательно осуществляющей демократические преобразования и поддерживающей общечеловеческие ценности, но заявляющей о своем праве иметь собственное слово в вопросах международной безопасности и умеющей отстаивать национальные интересы.

Наличие серьезных проблем с международным имиджем является для России данностью. Об этом свидетельствуют результаты ежегодного опроса, проведенного по заказу Би-би-си международным центром изучения общественного мнения GlobeScan со штаб-квартирой в Торонто и Программой по изучению отношения к международной политике (PIPA) университета штата Мэриленд. Исследование проводилось с 21 ноября 2008 года по 1 февраля 2009 года путем телефонного опроса 13575 респондентов в 21 стране. Число тех, кто считает, что Россия играет в мире отрицательную роль, составляет 42%. Лишь 30% считают наоборот. Россия находится в рейтинге на пятом месте с конца, опережая лишь Иран (55% и 17%), Пакистан (53% и 17%), Израиль (51% и 21%) и Северную Корею (48% и 20%). Хуже всего к России относятся Германия – 70%, Франция – 66%, США – 64%, Турция – 64%, Великобритания – 55%, Испания – 55% и Канада – 54% [9].

Несмотря на определенные успехи, достигнутые всеми заинтересованными министерствами и ведомствами страны в сфере информа-

ционного обеспечения внешнеполитического и внешнеэкономического курса России, в этом направлении предстоит сделать еще немало. В рамках публичной дипломатии Россия должна развивать собственные средства информационного влияния на общественное мнение за рубежом, расширять их возможности по своевременному доведению достоверной информации до иностранных граждан, обеспечивать усиление позиций российских средств массовой информации в мировом информационном пространстве, поддерживать деятельность российских информационных агентств по продвижению их продукции на зарубежный информационный рынок. Кроме того, опыт информационного обеспечения внешнеполитических акций ведущих государств мира говорит о целесообразности создания специального государственного органа управления, функции которого заключались бы в определении стратегии и тактики информационного обеспечения внешней политики, а также в координации деятельности государственных органов управления страны в указанной выше области. Так, 3 февраля 2010 года Д.А. Медведев подписал распоряжение «О создании Фонда поддержки публичной дипломатии имени А.М. Горчакова».

Таким образом, создание эффективно действующей системы публичной дипломатии позволит России должным образом обеспечить свои национальные интересы, прочные и авторитетные позиции в мировом сообществе.

Литература

1. См.: Гаджиев К.С. Имидж как инструмент культурной гегемонии // Мировая экономика и международные отношения. 2007. № 12. С. 6.
2. Wolf Ch. Jr., Rosen B. Public Diplomacy: How to Think about and Improve It. URL: <http://www.rand.org>
3. Кононенко В.А. Создать образ России? // Россия в глобальной политике. 2006. Т. 4. № 2. С. 195.
4. Концепция внешней политики России от 28 июня 2000 года. URL: <http://www.mid.ru> (дата обращения: 3.03.2010).
5. См.: Выступление Путина В.В. на пленарном заседании совещания послов и постоянных представителей России от 12 июля 2004 г. URL: <http://www.kremlin.ru> (дата обращения: 2.03.2010).
6. Имидж России подправят печатью // Коммерсантъ. 2006. 18 октября. С. 2.
7. Концепция внешней политики России от 12 июля 2008 года. URL: <http://www.mid.ru> (дата обращения: 13.07.2008).

8. См.: Беседа Дмитрий Медведева с ведущим «Итоговой программы НТВ» Кириллом Поздняковым от 26 июля 2009 г. URL: <http://www.kremlin.ru> (дата обращения: 27.07.2009).

9. См.: Россия упала в глазах других стран. URL: http://news.bbc.co.uk/hi/russian/international/newsid_7873000/7873561.stm (дата обращения: 1.03.2010).

Обсуждение в Интернете

ramaffka

22 Apr, 2010 06:46 (UTC)

19 апреля мы с коллегами на Пермской Ассамблее обсуждали эффективность телеканала Russia today. Получалось, что аудитория ими выбрана неверно, потому что англоязычные зрители давно научились отличать журналистику от пиара и не ведутся на откровенную показуху, когда под видом новостей показывают какие-то предвыборные ролики. Тем более что и сам образ России нисколько не отходит от стереотипов: два города – Москва и Питер – и необъятные просторы. Страна Путина и водки.

Так что «несмотря на определенные успехи», сделать действительно предстоит еще немало.

yuss

1 Июнь, 2010 11:48 (UTC)

Может, заинтересует

http://community.livejournal.com/pd_academy/473.html

ir_ingr

1 Июнь, 2010 11:56 (UTC)

Как показала война в Осетии, самым интересным и цитируемым ресурсом для иностранцев был портал <http://english.pravda.ru/>, так как у них до сих пор остались воспоминания о советской газете "Правда". Бренд, однако. RT вызывало лишь брезгливость и отметалось как пропаганда.

Д.С. Попытаев

Формирование образа прошлого России в контексте государственной символики (по материалам дискуссий в Государственной Думе)

Одним из наиболее известных политических проектов современности является строительство «российской нации». Примерно на протяжении 20 лет научная и политическая элита России занимается поиском оснований для формирования сообщества граждан в новой России. Идей строительства нации (в форме сообщества граждан) в нашей стране всерьез озаботились не только представители официальной государст-

венной власти, но и многие ученые и общественные активисты. В контексте данной проблемы еще с конца 80-х годов XX века развернулись ожесточенные споры вокруг принятия новой символики российского государства. Для участников данных споров было очевидно то, что для формирования сообщества граждан необходимо появление национальной идентичности.

Важной характеристикой национальной идентичности является представление об общей истории. Как отмечает в своих работах Валерий Тишков, «каждая страна при разнообразии научных и бытовых представлений о прошлом стремится к общеразделяемой исторической версии собственного народа-страны» [1]. Подобное стремление обусловлено тем, что только разделяемая всеми членами сообщества версия «национальной истории» может стать основой для формирования национальной идентичности.

Одной из характерных черт «национальной истории» является ее избирательность. Такие версии истории делают акцент только на тех событиях, которые могут стать скрепляющими сообщество символами. Этими событиями могут быть как достижения и победы, так и исторические драмы. Именно в контексте конструирования новой «национальной истории» в современной России, следует рассматривать ее государственную символику. В дискуссиях по принятию государственной символики России отразились разные версии того, какие события должны лечь в основу конструируемого общеразделяемого представления о прошлом.

В конце 1980-х годов, когда еще существовало советское государство, начались дискуссии по вопросу о том, какой должна стать новая символика независимого российского государства. В итоге президент Борис Ельцин взял за основу символы, связанные по своему происхождению с дореволюционным прошлым России. Этот выбор был связан с тем отрицанием всего «советского», которое было присуще демократическим кругам России, пришедшим к власти в период распада советского государства. Именно на основе отрицания советского периода была сформулирована концепция, которая легла в основу «президентского» проекта государственной символики России.

На другом полюсе дискуссии находились сторонники сохранения советской государственной символики при ее некоторой доработке. Этот проект был сформулирован на базе второй концепции, которая строилась на идее преемственности нового российского государства по отношению к СССР.

Интересно отметить, что обсуждался еще и третий проект. В соответствии с этим проектом предполагалось создать принципиально но-

вую символику, не имеющую исторических корней. Однако в итоге последовательных сторонников этой концепции не нашлось.

Именно в ходе рассмотрения в Государственной Думе РФ нескольких законопроектов по вопросам государственной символики России (1994, 1997, 1998, 1999 и 2000 гг.) разворачивалось противостояние сторонников 2-х концепций государственной символики России. В этих обсуждениях отразились представления политической элиты о том, какие именно исторические сюжеты, по их мнению, должны лечь в основу новой «национальной истории» России. Как уже отмечалась выше, первая версия «национальной истории» сформировалась в среде демократов, пришедших к власти после развала советского государства. Характерной чертой данной версии является неприятие советского периода истории. В результате этого о советском периоде предпочитают либо молчать, либо его презентуют в крайне негативных тонах. Здесь в первую очередь упоминается о жертвах репрессий, которые осуществлялись в советский период под красным знаменем, «запятнанным кровью» [2].

Еще одним немаловажным аспектом является стремление сторонников проекта демократических сил лишить «красную» символику легитимности. Делается это, с одной стороны, путем отказа сторонникам «красного знамени» в притязаниях на историческую укорененность. В частности, говорилось: «все мы прекрасно понимаем, что красный флаг в начале этого века использовался вовсе не как продолжение традиций Владимира Красного Солнышка, а как заимствованный с Запада символ западноевропейской социал-демократии» [3]. Вместе с тем, высвечивалась идеологическая подоплека предлагаемой коммунистами символики. Таким образом, подразумевался вывод о том, что красное знамя носило исключительно идеологический характер, и поэтому оно не может считаться первым республиканским флагом.

В описаниях сторонников «президентского» проекта сюжеты дореволюционной истории предстают в совершенно ином свете. Трехцветный флаг и герб в виде двуглавого орла здесь обозначаются как «историческая символика» России. Особое внимание акцентируется на древности данных символов. В частности, указывается, что возраст герба составляет более 500 лет, а флага – около 300. Кроме того, внимание обращалось и на то, что на основе триколора многие славянские государства в XIX в. создавали свою национальную символику и, таким образом, возврат к «историческому флагу» обозначал в политическом плане возврат в славянский мир [4]. Отмечалось и то, что с трехцветным флагом связано немало «славных страниц нашей истории», ведь «именно под трехцветными флагами шли наши воины в XIX веке на сраже-

ния...» [5]. В целом, для описаний исторических реалий дореволюционного прошлого России для сторонников «президентского» проекта характерна определенная идеализация и героизация данного времени. Особо отмечалось, что речь идет о флаге «русской государственности» для того, чтобы подчеркнуть исконность данного символа [6].

На другом полюсе данной дискуссии находились сторонники возвращения России к символике советского государства. Сторонники данного подхода также потратили немало времени на то, чтобы доказать несостоятельность тех символов, которые отстаиваются в «президентском» проекте, с традиционным для коммунистов неприятием всего имперского. При обсуждении всех законопроектов, в которых в качестве государственной символики предлагались двуглавый орел и триколор, по инициативе коммунистов происходило обсуждение вопроса о том, насколько приемлемо для республики иметь «имперскую», «царскую» символику. При этом сами коммунисты давали на этот вопрос однозначно отрицательный ответ. Даже после того, как Владимиру Путину удалось договориться со всеми парламентскими фракциями о необходимости принятия компромиссного решения, на обсуждении законопроекта по государственному гимну 8 декабря 2000 г. член КПРФ Н.Н. Губенко заявил о том, что имперские символы принимаются только на время и что «нас еще так прижмут, что мы все под красный флаг соберемся» [7].

Напротив, исторические сюжеты, связанные с советским прошлым, предстают уже в ином свете. Основной пафос изложения этих событий обусловлен теми достижениями, которые были присущи советскому обществу. В частности, отмечалось, что под красным знаменем и под музыку гимна Александра советские люди достигали успехов в социально-экономическом развитии [8], в освоении космоса, в спорте и т.д. [9].

Особое место в исторических описаниях сторонников принятия «красной» символики занимает «героика» революционного времени. Здесь подчеркивается, что красные знамена использовались в качестве символа антимонархического демократического движения. Обоснованием данной трактовки красной символики в антимонархическом движении в России конца XIX – начала XX вв. здесь служит то, что данная символика использовалась и на демонстрациях рабочих, и в крестьянских выступлениях, и даже в армии. На основе этих рассуждений делается вывод о том, что «это не партийный символ, как многие считают, это символ буржуазно-демократической революции и республиканский символ в нашей стране» [10].

В условиях, сложившихся в России к первой половине 1990-х гг., принятие одного из рассматриваемых выше проектов государственной символики было невозможно. В немалой степени это было связано с тем, что представители разных групп политической элиты России по-разному видят, что собой представляет Россия к настоящему моменту, и куда она должна двигаться в будущем. Только к концу 90-х гг. появились условия для принятия компромиссного решения по вопросу государственной символики. По нашему мнению, главное последствие достигнутого компромисса проявилось в сфере символического восприятия прошлого нашей страны. В частности, исчезло противопоставление «имперского» и «советского», в результате чего стало возможным увязать воедино два варианта «национальной истории».

Литература

1. История, историки и власть. Выступление В.А.Тишкова на международном круглом столе. Москва, 2 февраля 2010 г. // Личный сайт Валерия Тишкова: URL: http://www.valerytishkov.ru/cntnt/novye_publicacii/prezident_.html (16.04.2010)

2. 09.12.1994 ГД РФ: СТЕНОГРАММА ПО ВОПРОСУ // Официальный сайт Государственной Думы: URL: <http://www.cir.ru/docs/duma/302/310699?QueryID=3012316&HighlightQuery=3012316> (11.02.2010)

3. Там же.

4. 02.04.1997 ГД РФ: СТЕНОГРАММА ПО ВОПРОСУ // Официальный сайт Государственной Думы: URL: <http://www.cir.ru/docs/duma/302/371928?QueryID=3012316&HighlightQuery=3012316> (11.02.2010)

5. 23.01.1998 ГД РФ: СТЕНОГРАММА ПО ВОПРОСУ / Официальный сайт Государственной Думы: URL: <http://www.cir.ru/docs/duma/302/386091?QueryID=3012316&HighlightQuery=3012316> (11.02.2010)

6. 07.12.1994 ГД РФ: СТЕНОГРАММА ПО ВОПРОСУ // Официальный сайт Государственной Думы: URL: <http://www.cir.ru/docs/duma/302/309941?QueryID=3012316&HighlightQuery=3012316> (11.02.2010)

7. 08.12.2000 ГД РФ: СТЕНОГРАММА ПО ВОПРОСУ / Официальный сайт Государственной Думы: URL: <http://www.cir.ru/docs/duma/302/381237?QueryID=3012316&HighlightQuery=3012316> (11.02.2010)

8. 09.12.1994 ГД РФ...

9. 23.01.1998 ГД РФ...

10. 02.04.1997 ГД РФ...

Е.В. Романова

Особенности информационной деятельности органов местного самоуправления (на примере г. Барнаула)

Информационное обеспечение деятельности органов местного самоуправления является одним из приоритетных направлений на современном этапе развития общества. Когда население знает о деятельности руководящих органов, понимает их цели, задачи и методы, оно четко определяет свои позиции, адекватно реагирует, активно откликается на их призывы. И наоборот, недостаточная информированность порождает неуверенность, пассивность, противодействие. Отсутствие информационной открытости в деятельности органов местного самоуправления является не только причиной искажения официальной информации, но и препятствием для успешной реализации принимаемых законов.

Информационный ресурс имеет сегодня в сфере муниципального управления не меньшую важность, чем материальные, трудовые, энергетические, финансовые и другие ресурсы. В общем смысле под информацией понимается любое сообщение, содержащее какие-либо сведения о предметах, явлениях, событиях и т.д. В конечном счете, от эффективности информационных процессов зависит эффективность работы местной администрации в целом [1].

Механизм прямой и обратной связи между органами власти и населением может осуществляться посредством письменных обращений населения в органы местного самоуправления, личного приема населения во властных структурах, организации широкомасштабных встреч представителей власти с населением, проведения референдумов, социологических опросов по вопросам развития муниципального образования, периодической отчетности органов власти о проделанном через СМИ, пропаганды гражданской активности, возможности участия каждого в управлении муниципалитетом, регионом, государством, связи с общественностью.

К достоинствам перечисленных методов относится возможность проведения в реальном времени мониторинга общественного мнения по актуальным вопросам, приобретение управленцами опыта общения и взаимодействия с населением, а гражданами – опыта воздействия на представителей власти для постановки и решения своих проблем [2].

В целях проведения информационной политики, обеспечения доступа граждан к официальной информации органов власти, организации освещения в средствах массовой информации деятельности админист-

рации, обеспечения открытости и гласности ее работы, в администрации города Барнаула был создан комитет информационной политики. Комитет состоит из двух подразделений: пресс-центр и отдел информатизации.

Ведущие специалисты пресс-центра занимаются подготовкой и проведением выпусков программы «Разговор с властью», участвуют в подготовке и проведении «Часа прямого провода» с руководителями структурных подразделений администрации города, ежедневно проводится сбор информационной сводки из служб и структурных подразделений администрации города и районов.

Специалисты проводят ежедневный мониторинг СМИ. Технология мониторинга и подготовки на его основе информационно-аналитических материалов включает в себя несколько этапов: запись телевизионных и радиопрограмм, первичная обработка сюжета при занесении в базу данных, обработка сюжетов для формирования базы критических материалов, подготовка обзора «Критические материалы в СМИ».

Главные специалисты пресс-центра организуют выступления руководителей структурных подразделений администрации города в СМИ, готовят материалы к выступлению главы города на телевидении. При проведении заседаний коллегии, пресс-конференций, других мероприятий администрации города, специалисты информируют представителей радио, телевидения, редакции СМИ о предстоящем событии, а за день до этого обзванивают представителей СМИ с целью напоминания и получения информации о количестве присутствующих. Специалистами ведется работа с предприятиями и организациями по размещению информации на официальном сайте г. Барнаула, информационное обеспечение новостной ленты сайта, распоряжений главы города, подлежащих опубликованию в СМИ.

Муниципальное образование должно иметь свое информационное пространство. Если посмотреть на информационные агентства, то «Амител», «Атмосфера» часто демонстрируют нейтральное «информационное поведение», тогда как «Банфакс» занимает, по мнению некоторых исследователей, чаще всего позицию администрации города. Администрация г. Барнаула активно взаимодействует с Интернет-ресурсами, печатными СМИ, радио и телевидением. Ежеженедельно (каждый понедельник) проводятся пресс-конференции, посвященные определенному вопросу либо событию. Состав представителей СМИ зависит от актуальности темы, степени проявленного к ней интереса. Исходя из степени сложности восприятия темы, представителям СМИ

может предоставляться раздаточный материал. Это могут быть различные листовки, буклеты, фотографии и др.

Ежедневно пресс-центром администрации г. Барнаула, а также пресс-секретарями районных администраций предоставляются информационные материалы для СМИ: пресс-релизы, анонсы, объявления.

Правовые акты главы администрации нормативного характера, затрагивающие права и свободы человека и гражданина, подлежат обязательному опубликованию в печати. Газета «Вечерний Барнаул» по итогам конкурса, проводимого между редакциями печатных средств массовой информации, является официальным изданием администрации г. Барнаула. С редакцией газеты был заключен договор о порядке и условиях опубликования официальных сведений в срок на 4 года.

Ускорение и удешевление процесса информационного обмена, упрощение доступа к информации и ее доставка способствует эффективности деятельности органов местного самоуправления. В администрации г. Барнаула создан официальный сайт, который ориентирован как на население города, так и на внешних пользователей.

На примере деятельности администрации г. Барнаула целесообразно выделить следующие формы информационного обеспечения населения о деятельности органов местного самоуправления: личные приемы главы администрации, его заместителей, депутатов городской Думы, руководителей структурных подразделений с жителями города, «Прямая линия» с главой администрации, его заместителями, руководителями структурных подразделений, «Час прямого провода», выходы в трудовые коллективы, работа с обращениями граждан, информационные стенды, деятельность Общественно-консультационного центра администрации г. Барнаула, «единый информационный день», взаимодействие с информационными ресурсами города. Наряду с вышеперечисленными, автор считает необходимым рассмотреть формы информационного обеспечения населения, на уровне районных администраций, входящих в структуру администрации г. Барнаула: День открытых дверей, День администрации, выездные приемы граждан главами администраций районов, заместителями глав районных администраций, собрания по месту жительства.

Несмотря на большой объем работы пресс-центра в области информационного обеспечения деятельности органов местного самоуправления г. Барнаула, существует ряд проблем. Недостаточно развиты каналы обратной связи органа власти с населением, отсутствие единой информационной базы, с помощью которой каждый житель смог бы ознакомиться с нормативными правовыми актами, которые значимы для населения. Часто население не знает свои непосредствен-

ные права, которые дают возможность участвовать в местном самоуправлении. Нередки случаи, когда население не располагает информацией о том, к кому и когда можно обратиться с той или иной проблемой. Часть населения муниципального образования, в силу политической неграмотности и слабой информированности в области законодательства местного самоуправления, не может осознать значимость преобразований в области муниципального управления, структурных преобразований. Недостаточная активность населения при осуществлении местного самоуправления. Так, на собраниях по месту жительства, которые проводятся руководителями структурных подразделений, присутствует менее от общего числа жителей.

В целях повышения уровня информационного обеспечения населения о деятельности органов местного самоуправления г. Барнаула необходимо проводить следующие мероприятия: увеличить объемы информирования населения о проводимых мероприятиях: днях открытых дверей, днях администраций, выездных приемах глав администраций, заместителей глав администраций, руководителей структурных подразделений, часах прямого провода, прямых линиях; опубликовывать информацию о проводимых администрацией мероприятиях в многотиражных газетах, например «Читай Город». Газеты распространяются бесплатно и являются доступными для каждого жителя; выпускать информационные буклеты со справочной информацией об органах местного самоуправления (с адресами, телефонами справочных служб, подразделений, которые ведут работу с обращениями граждан); повышать уровень доверия к первым лицам органов власти путем увеличения числа выходов в трудовые коллективы, встреч с населением по поводу выполнения наказов, высказанных жителями в период предвыборной компании; как можно чаще проводить опросы населения о характере принимаемых решений, приоритетах деятельности органов местного самоуправления.

Одной из задач органов местного самоуправления является информационное обеспечение населения о проделанной работе в целях повышения открытости власти. Совершенствование информационной системы муниципального образования является важнейшим направлением совершенствования процесса муниципального управления.

Литература

1. Система муниципального управления / под редакцией В.Б. Зотова. СПб., 2005. С. 407.
2. Иванов П.Ф., Малышев С.И. Об информационном взаимодействии органов управления с населением: методы, проблемы, перспективы, практика // Научно-техническая информация. № 6. 2005. С. 13.

3. Об основах местного самоуправления в Алтайском крае: Закон Алтайского края от 05.12.1995 № 29-ЗС, в ред. Закона Алтайского края от 09.11.2004 № 35-ЗС // Сборник законодательства Алтайского края. 1995. №17; 2000. №46, 48, 55, 56.

4. О регламенте работы администрации г. Барнаула // Постановление от 10.11. 2004 г. № 3538.

В.М. Сопко

Восприятие бренда Сочи-2014 в России и за рубежом

Бренд – это набор ассоциаций, возникающих в сознании у потребителей, эти ассоциации добавляют воспринимаемую ценность товару или услуге. Они должны быть уникальными (исключительность), сильными (заметность) и позитивными (желанность). В маркетинговом смысле заявку «Сочи-2014» можно рассматривать как процесс построения нового бренда, причем эта задача должна быть решена в максимально сжатые сроки. Воздействие на целевую аудиторию происходит при помощи визуальных и вербальных атрибутов. Визуальные атрибуты являются частью творческого решения, воплощенного в графическом символе. Ориентация в современной рекламе на зрительную память концентрирует внимание на символе – носителе скрытого смысла. Отличие брендинга от рекламы заключается в том, что он нацелен не на простое информирование, а на формирование лояльности – долгосрочного благожелательного отношения к конкретному бренду. Становление региона в качестве сильного бренда – объективное условие и логический результат его процветания.

Бренд Сочи–2014 был проанализирован по следующим визуальным и вербальным критериям: заявленные ценности, эмблема, слоган, промо-ролик, гимн и символ.

Перед российскими специалистами в области имиджа встало сразу 2 задачи:

- скорректировать существующий у большинства россиян образ Сочи–2014 как исключительно летнего курорта;

- повышать общий уровень осведомленности о Сочи на Западе. Пришлось буквально наносить город с названием Sochi на карту мира. Вопрос «Знаете ли Вы, что Сочи находится на одной широте с французской Ниццей?» был одним из самых актуальных для целевой аудитории Европы.

Основные ценности нового бренда «Сочи–2014»: активный, удивляющий, настоящий. Актуальность данных заявленных ценностей присутствует как для России, так и для иностранного сообщества, следовательно, можно дать положительную оценку работе специалистов по продвижению бренда Сочи–2014.

Эмблема «Сочи–2014» решает сразу две задачи. С одной стороны, Олимпийское движение стоит на пороге цифровой революции. Частичка «.ru» в эмблеме говорит миру о том, что Сочи – это город в России. Критика эмблемы чаще появляется в Интернет-ресурсах, и эта тема наиболее обсуждаема на официальных и неофициальных форумах о Сочи–2014. Финансирование эмблемы не является закрытой информацией. Главной проблемой российские специалисты в брендинге считают затрату огромных материальных ресурсов и «излишнюю» простоту. Респонденты, высказавшиеся об эмблеме, явно выражают отрицательное восприятие.

Председатель Координационной комиссии МОК, трехкратный олимпийский чемпион, Жан-Клод Килли отметил: «Новая эмблема и бренд олицетворяют существенный прогресс, который демонстрирует проект «Сочи–2014».

В России обращаются к людям с девизом «Вместе мы победим!», международная кампания проходит под слоганом «Gateway to the Future». Этот слоган подчеркивает значение Игр для становления новой России и их беспрецедентного наследия для всего мирового сообщества. Слоган продвигают активно, на многочисленных открытках, в рекламах, растяжках, фоном же представляют уникальную природу Кавказских гор, Красной поляны и города Сочи.

Промо-ролик Олимпийских игр 2014 г. в Сочи с Натальей Водяновой первыми смогли оценить зрители церемонии закрытия XXI Зимних Олимпийских игр 2010 г. в Ванкувере. По словам организаторов шоу, в котором супер-модель также принимала непосредственное участие, Наташа — символ русской красоты, как внутренней, так и внешней. В целом, ролик был направлен на западного зрителя. Он во многом соприкасается со стереотипами о России. Задача была поставлена не ломать стереотипы в Европе и Северной Америке, а рекламировать Сочи–2014 наиболее эффективно.

Ролик о России, как стране будущей Олимпиады, демонстрирует символы страны, о которых знает весь мир: русский балет, конная тройка, памятник «Рабочий и колхозница», шапка-ушанка и другие.

В Интернет-ресурсах данный ролик был оценен негативно. Многие респонденты отрицательно восприняли представленные символы России, как страны с коммунистическим прошлым, а также стереотипы, абстрактный стиль и малую душевность ролика.

Важнейшим моментом национального продвижения стала запись Гимна заявочной кампании. При необходимости направить воздействие на разные целевые аудитории одновременно, было принято решение использовать нестандартный ход и пригласить исполнителей, лю-

бимых разными поколениями россиян и работающих в разных музыкальных жанрах. На съёмочной площадке одновременно появились София Ротару и Дима Билан, Валерия и Юлия Савичева, группа Банда и так далее. Этот ход был воспринят крайне неоднозначно и не оказал ожидаемого воздействия на российскую аудиторию.

В Сочи выбрали символ Олимпиады 2014 года. Им стал зелёный дельфин на лыжах. За символ XXII зимних Олимпийских игр можно было проголосовать на всех избирательных участках Сочи (официально изображение называется не символом, а талисманом). Вместе с приглашением на участие в выборах президента каждый из жителей Сочи получил отрывной лотерейный купон с четырьмя картинками: Дед Мороз с олимпийским огнём в руках, белый медведь с хула-хупом на талии, снежинка на лыжах и дельфин-лыжник в колпаке Санта-Клауса.

«Российских болельщиков и спортсменов не смущает, что дельфины далеки от зимних видов спорта, главное то, что эти симпатичные млекопитающие самым тесным образом связаны с Черноморским побережьем, нашими городами-курортами Сочи, Анапа, Геленджик, где выступают в роли первоклассных артистов», – уточнили сотрудники мэрии. Символ Олимпиады в Сочи был положительно воспринят целевой аудиторией на Западе и вызвал симпатию со стороны российского общества.

Настоящий талисман Игр будет выбран общенародным голосованием за два года до Олимпиады. Поэтому практического значения, кроме повышения явки на выборы президента страны, альтернативные выборы не имели. Но они вызвали скандал. Следователи заявили, что эта схема противоречит закону «О выборах президента», в соответствии с которым в период избирательной кампании не допускается проведение лотерей, в которых выигрыш призов или участие в розыгрыше каким-либо образом связаны с выборами президента. Данная информация не попала в зарубежные СМИ, однако в России была воспринята с непониманием.

Новый бренд «Сочи–2014» является воплощением приверженности системе идей, выраженной пятью Олимпийскими кольцами, и стратегическому видению «Сочи–2014»: инновационные Олимпийские и Паралимпийские зимние Игры, которые выразят характер новой России и принесут позитивные и устойчивые изменения в стране.

Подводя итог анализу бренда Сочи–2014, можно говорить о том, что продвижение бренда оказывает положительное влияние на существенную часть целевой аудитории. В основном, все методы продвижения направлены на западное общество, для привлечения инвестиций, туристов, на формирование представления о Сочи, как об уникальном

регионе, поддержание стереотипов о России и при этом движение к прогрессу и практичности. В России же не все визуальные и вербальные атрибуты были восприняты положительно, но в обществе присутствует понимание, какое влияние окажет проведение Игр в Сочи. Прежде всего, это даст мощный импульс для развития юга России, диверсификации российской экономики, усилению позиций российского спорта и росту престижа России на международной арене, а также проект должен оставить беспрецедентное наследие многим поколениям спортсменов в стране.

Литература

1. Галицких О. Имиджем Сочи-2014 занялись 40 международных экспертов. URL: <http://www.rg.ru/2006/07/26/sochi-2014.html>
2. Маркетинговая стратегия заявочной кампании «Сочи–2014». URL: <http://www.advertology.ru/article49094.htm>
3. Официальный сайт Сочи–2014. URL: www.sochi2014.com
4. Новостной ресурс и форум: <http://www.adme.ru/olimpiada/natalya-vodyanova-stala-licom-sochi-2014-116505/>
5. Имидж России: мониторинг информационного пространства. URL: <http://imageofrussia.info/content/view/26/30/>
6. Новостной ресурс. URL: <http://www.smi.ru/09/12/01/909726582.html>
7. Фонд «Общественное Мнение». URL: <http://bd.fom.ru/report/map/d075122>

С.Н. Третьякова

Положительные образы Российской империи в британской прессе

Эпоха Александра III менее всего подходила для формирования положительного образа России на международной арене – курс охранительства и политические репрессии, ужесточение цензуры, волна еврейских погромов, русификация национальных окраин, продвижение России в Средней Азии. Но именно в этот период в Англии появляются публикации в защиту России. Речь идет об Уильяме Томасе Стэде (1849-1912), известном британском журналисте и издателе. В 1870-х гг., будучи редактором газеты «Northern Echo», он заявил о себе, выступая в защиту славянских народов во время балканского кризиса. Затем переезжает в Лондон, где начинает работать в газете «Pall Mall Gazette», а с 1890 г. издает популярный в англоязычном мире ежемесячный журнал «The Review of Reviews». Стэд внес большой вклад в развитие британской журналистики, ввел в практику интервью, разо-

блечения и сенсации. Кроме того, он был страстным пацифистом и увлекался спиритизмом [1].

Стэд был едва ли не единственным русофилом среди видных деятелей британской журналистики [2]. На его особое отношение к России, без сомнения, повлияла близкая дружба с Ольгой Алексеевной Новиковой, которая в течение длительного времени проживала в Лондоне. В ее салоне можно было встретить У. Гладстона, лорда Напира, Ч. Вильерса, историков Т. Карлейля, А. Кинглека, Дж. Фруда и др. Во время балканских событий 1870-х годов Новикова развернула в Англии активную публицистическую деятельность в защиту славян и политики России. Одни называли ее «неофициальным послом», а другие считали «агентом русского правительства». Новикова считала, что главным препятствием к взаимопониманию между Англией и Россией было отсутствие понимания политических взглядов друг друга. Она утверждала, что надо считаться с особенностями каждой страны и заявляла: «будь я англичанкой, я, вероятно, была бы либералкой, будь я американкой, я, несомненно, была бы республиканкой, но как русская я верю в самодержавие». Если величие и слава Британской империи основаны на началах либерализма, то величие и слава Российской империи неразрывно связаны с самодержавием. Именно благодаря самодержавию происходит прогресс русской цивилизации [3].

В 1888 г. Стэд приезжает в Россию. Он был обеспокоен назревaniem опасности новой войны в Европе, а в английском обществе преобладало убеждение, что именно русский царь представляет угрозу миру. По мнению Стэда, в руках России находился баланс сил Европы, и от нее зависело, «сохранится ли мир или вспыхнет огонь мировой войны». Журналист отправился в Петербург, чтобы «из первых рук» узнать о политике императора в целом и об отношениях между двумя империями в частности. Хотя автор и посвятил несколько глав своего повествования внутреннему развитию России, но главный интерес для Стэда представлял курс ее внешней политики.

Стэд получает аудиенцию у Александра III. Это был первый случай, когда русский царь принял представителя иностранной прессы, да к тому же говорил с ним о политике. Итогом поездки стала серия статей и книга под звучным названием «Правда о России», в которой автор, имевший на родине репутацию радикального и скандального журналиста, «нарисовал» довольно привлекательный образ русского царя. Стэд охарактеризовал Александра как честного, справедливого, уравновешенного, добросовестного, уверенного и убежденного в своих действиях человека, который напомнил ему английского джентльмена. Говоря о личной жизни императора, журналист сделал акцент на его

преданности жене и детям, отмечая, что он самый любящий отец, товарищ и друг своих мальчиков. «И это человек, которого наши газеты наперегонки друг с другом представляли воплощением всех пороков».

Особенно высоко журналист оценил роль Александра в международной политике, назвав его «хранителем мира» на европейском континенте. Его цель «быть не великим монархом, но быть монархом великого народа, чье правление не запятнано ни одной войной». С момента вступления на трон, «его голос, его влияние, его власть постоянно были направлены на предотвращение войны». Затем следует авторский вывод, что для хороших отношений между Англией и Россией и для мира в мире «просто неопределимо важно, чтобы монарх, обладающий твердостью и самообладанием, направлял политику России. Если бы только такая же сильная рука и холодная голова направляла политику Англии, *entente* между двумя империями было бы не желаемым, а совершившимся фактом» [4].

Помимо фигуры российского императора Стэд посвятил отдельные разделы своей книги и другим заинтересовавшим его личностям – писателю Л.Н. Толстому (журналист провел неделю в Ясной Поляне), генералу Н.П. Игнатьеву («отцу Сен-Стефанского мира»), главе Синода К.П. Победоносцеву и его религиозной политике.

Стэд понимал, что он провел в России всего два месяца, не знал языка. Как англичанину, радикалу и неконформисту ему трудно было смотреть на вопросы «глазами москвитов, которые верят в царя и греческую православную государственную церковь». Он признается в искренней любви к русскому народу, но эта пристрастность не закрывает глаза на их недостатки. Все правительства несовершенны, уверен автор, и русское в том числе, но такое правление соответствует русскому народу так же, как английскому народу – администрация лорда Солсбери. Вслед за Новиковой, он повторяет, что ни Петербург, ни Москва, ни другие города не являются Россией. Сто миллионов поданных Александра III, которые живут в деревне, это и есть настоящая Россия.

Но если для Новиковой, родившейся в аристократической московской семье, естественно было выступать в британской прессе на стороне российского самодержавия, то восторженные отзывы радикала Стэда вызвали недоумение и даже подозрение. Этим, наверное, и можно объяснить, что появились публикации с резко негативной характеристикой российского императора. Особенно ярким был памфлет, написанный Э.Дж. Диллоном [5], который высмеял патриотизм русского императора и его весьма скромные умственные способности и гатчинское затворничество, вызванное трусостью Александра, досталось и

семье императора. Ч. Лоу, правда уже в посмертной биографии Александра III, отказывает ему в славе «миротворца», называя «царем-панславистом» и «царем-гонителем» [6]. Стэда даже обвиняли в том, что он превратился (не бесплатно) из радикального журналиста в «адвоката деспота». Однако, похоже, что его это ничуть не смущало.

Неоднозначно книга была воспринята и в России, очень не нравилось ее название. Отмечалось, что «случайные сведения и заметки, собранные во время непродолжительного путешествия по чужой стране, без знания ее языка, едва ли совпадают с «правдою» о данном государстве и во всяком случае не могут претендовать на верное изображение действительности». Однако все-таки было замечено, что автор «судит о многих предметах довольно основательно; он убедился в безусловном миролюбии русского общества и правительства, и это свое твердое убеждение он старается передать своим соотечественникам. Он отмечает симпатичные стороны характера в русском народе, опровергает ложные представления, существующие на этот счет в Англии, и отстаивает мысль о взаимном сближении между русскими и англичанами в делах политики и торговли» [7]. Заметим, что книга вызвала бурное негодование и Новиковой из-за главы о религиозных преследованиях, и она написала статью с резкой критикой этой части книги Стэда.

И в последующем Стэд продолжил выступать на стороне России, куда приезжал еще несколько раз, встречался с Николаем II. По его собственному признанию, он много лет был адвокатом политики российских правителей в английской прессе, что, несомненно, было связано и с его пацифистскими взглядами. Он активно участвовал в подготовке мирной конференции, был членом британской делегации в Гааге в 1899 г. Одно из предложений, которое высказывал Стэд, состояло в том, чтобы местом проведения конференции избрать Петербург, другое – о создании Соединенных Штатов Европы, но в России последнее посчитали прожектом. В новой книге Стэд вновь не преминул дать положительные характеристики российским правителям, подчеркивая их роль в поддержании мира в Европе и показывая, что эта традиция зародилась достаточно давно. Николая II он называет «императором мира», Александра III – «дарителем мира», Николай I многие годы был признан главным судьей континента, Александр I после «длительной борьбы» с Наполеоном в последующие годы был «страстно предан миру». Метод «Священного Союза» может быть, и был ошибочен, но никто не может сомневаться в искренности императора Александра и его страстном желании завершить войну [8]. Стэд замечает, что именно Россия, а не Англия, первой предложила провести

мирную конференцию. Он также напомнил своим соотечественникам и такой исторический факт, что русский царь-деспот оказался лучшим другом свободы, когда поддержал дело освобождения в Америке, в то время как в свободной Англии высшие классы открыто поддерживали власть рабства.

Отметим, что и до Стэда ряд британских авторов «стремился в своих суждениях о царизме избежать полемических преувеличений и предвзятости» [9], однако его отзывы о российских императорах и многих государственных деятелях отличаются явной симпатией к ним. В Англии, в которой всегда было модно ругать Россию и критиковать ее порядки, Стэд, вслед за О.А. Новиковой, выступил в защиту российской политики и ее правителей. В тоже время надо отметить, что в России отношение к Стэду было очень неоднозначным, критическое отношение к фигуре британского журналиста характерно и для ряда современных отечественных исследователей, особенно к его деятельности во время первой российской революции (когда он пытался примирить русских либералов с властью).

Более того, появление положительных образов не изменило и, видимо, не могло изменить сложившуюся традицию восприятия России в Британии, ибо слишком разными были политические традиции двух стран.

Литература

1. Личность Стэда продолжает привлекать к себе интерес, ему посвящено большое количество англоязычных работ и сайт «The W.T. Stead Resource Site». URL: <http://www.attackingthedevil.co.uk>.

2. Зашихин А.Н. Британская Rossica второй половины XIX – начала XX в. Архангельск, 1995. С. 52.

3. Novikova O. Russia and England from 1876 to 1880. L., 1880. P. 223-224.

4. Stead W. Truth about Russia. L., 1888. P. 121-129.

5. Диллон Э. Александр III // Александр Третий: Воспоминания. Дневники. Письма. СПб., 2001. С. 261-270.

6. Lowe Ch. Alexander III of Russia. L., 1895.

7. Вестник Европы. 1899. Кн. 3. С. 420-424.

8. Stead W.T. The United States of Europe on the Eve of Parliament of Peace. NY., 1899. P. 347.

9. Зашихин А.Н. Указ. соч. С. 106.

М.А. Шевякова

**Образ России в британской прессе в период президентства
В.В. Путина (по материалам газеты «The Guardian»)**

Для проведения контент-анализа мы выбрали «качественную» (публикующую серьезную по содержанию информацию) британскую газету «The Guardian». Выбор данного издания обусловлен тем, что эта качественная газета является собственностью целого траста, а не отдельного собственника, и поэтому имеет репутацию независимой газеты.

Выделяя смысловые единицы, основное внимание мы уделяли их «оценочным» разновидностям, так или иначе характеризующим Россию. Таким образом, нами была выявлена большая часть встречающихся в тексте газеты смысловых конструкторов, касающихся образа России.

Газету мы анализировали «событийно» (а не «сплошным потоком»). Нами было выделено 4 события, произошедших в период президентства В.В. Путина (а именно, с ноября 1999 по март 2007 года), с нашей точки зрения, игравших важнейшую роль в динамике внешнеполитического образа России: вторая Чеченская кампания (период конца 1999 – начала 2000 гг.), захват школы в Беслане (сентябрь 2004 г.), саммит G8 в Санкт-Петербурге (июль 2006 г.) и речь В.В. Путина в Мюнхене (февраль 2007 г.). Также мы проанализировали лето 2005 г. как период относительно благополучного для России времени и с политической, и с экономической точки зрения.

Все категории анализа мы разделили на несколько «тем» в соответствии с рубриками газеты: мировые новости (World news – далее WN), бизнес (Business – B), политика (Politics – P) и прочее (Others – O).

Практически все обозреватели сходятся во мнении, что Россия становится полноценным игроком на мировой арене. Но если в 2000 г. Россия, по их мнению, только начинает обретать силу (Russia must engage with the world beyond its borders – WN, 28.01.2000; establishing Russia as a fully committed player in international forums such as the G8 – WN, 28.01.2000), то начиная примерно с 2005 г. авторы признают ее международный авторитет (Fresh from its triumph at the G8 summit in St Petersburg, Russia probably has the closest relations of any of the G8 powers with Syria and Iran – P, 29.08.2005; Russia, which has demanded a «central role» for the UN in the crisis – P, 29.08.2005; Turkey and Russia becoming leading and allied Eurasian powers – O, 27.07.2006).

Достаточно часто в материалах газеты «The Guardian» прослеживалась параллель «Россия-Запад». Газета придерживается мнения о

том, что Западу необходимо развивать партнерские отношения с Россией: Russia and the west have everything to gain from good relations – WN, 27.02.2007; Russia has ceased to be an opponent of the West – WN, 28.01.2000; the advantages to Russia of being open to the west – WN, 28.01.2000; it would be best dealt with by cooperative military arrangements between the west and Russia – P, 24.02.2007. Более того, с 2005 г. авторы статей начинают признавать тот факт, что на протяжении многих лет Россия воспринималась через призму былых стереотипов (The west may yet come to regret its bullying of Russia – WN, 27.02.2007; For too long western media reporting of Russian politics has relied on the same tired clichés – WN, 27.02.2007), что, на наш взгляд, является настоящим прорывом в отношениях России и Запада. Звучат идеи о том, что не только Запад нужен России, но и Россия нужна Западу – some western policy-makers view Moscow in condescending terms – as though Moscow needs the west more than vice versa – O, 30.06.2005.

Опираясь на материалы «The Guardian», отношения между Россией и США на протяжении исследуемого периода можно охарактеризовать как враждебные. Основные конфликтные ситуации между ними связаны с вопросами геополитического влияния на постсоветском пространстве и Ближнем Востоке: Russia being set aside in favour of US (разработка нефтяных месторождений Ирака) – WN, 28.07.2004; Russia would also be dismayed were Ukraine to join Nato – WN, 27.10.2004; high-calorie battle between two former cold war superpowers – the US and Russia (об Украине) – WN, 27.10.2004; The US is also expected to increase its military presence in Azerbaijan, which will further rile Moscow – B, 26.05.2005. Несмотря на традиционную схожесть позиций Великобритании и США, «The Guardian» считает, что именно США являются проводником антироссийских настроений на международной арене, делая все, чтобы максимально ослабить Россию – America is trying to reduce Russian influence in eastern Europe to nothing – P, 24.02.2007; there are people in the west (though more in Washington than Europe) who have spent recent years trying to weaken Russia – O, 27.07.2006.

Отношения между Россией и ЕС в целом на протяжении всего периода остаются достаточно напряженными. Если сначала это было связано с агрессивной, по мнению ЕС, политикой России в Чечне, чрезмерным укреплением вертикали власти (Europe's darkest corner (о России, заголовки) – WN, 30.08.2004; the European commission finally despaired of the Russian president – WN, 30.09.2004), то позднее антироссийские настроения возникают в связи с т.н. «газовыми войнами» 2005 г., породившими многочисленные обвинения России в «энергетическом шантаже».

Первые упоминания об этом феномене появились на страницах «The Guardian» в 2005 г. (Germany has no desire to pick a fight with the Kremlin over its ally, given Berlin's dependence on Russian energy – WN, 31.08.2005). Но особо острая дискуссия разгорелась в 2006 г. Причем употребляемые в этой связи конструкты очень похожи: Russia is determined to use its mineral assets as a political weapon to intimidate neighbours – WN, 23.12.2006; raised fears about the Kremlin using the country's natural resources as a political weapon – В, 30.12.2006 или Russia's dealings with its southern neighbour have heightened fears that it is wielding its formidable energy reserves as a political tool to cow erstwhile allies – WN, 23.12.2006; Russia was backsliding on democracy and using oil and gas supplies as «tools of intimidation or blackmail» against its neighbours – WN, 28.06.2006.

Можно сделать вывод, что «газовые войны» серьезно испортили международный имидж России, и даже триумфальный саммит G8 в Санкт-Петербурге не смог полностью развеять негативное впечатление от действий России: Russia still has work to do to reassure Europe after gas supplies were cut in January – WN, 26.05.2006. Более того, по мнению авторов статей, «нравоучения» ЕС по поводу российской энергетической политики лишь еще больше раздражают Россию и никак не способствуют улучшению взаимопонимания (Russia, annoyed by the EU's demands that it grant outsiders access to its gas pipelines, and stung by lectures on human rights, has become increasingly anti-European – О, 27.07.2006).

Рассматривая взаимоотношения между Россией и Европой, многие обозреватели задаются вопросом, является ли Россия частью Европы? С одной стороны, позиция России по некоторым вопросам схожа с позицией ЕС (Russia is restricting gambling to designated zones from 2009. ... – as does most of Europe. – Р, 31.01.2007). С другой стороны, во многом Россия и ЕС диаметрально противоположны (Unlike countries in western Europe, Russia has had few problems in meeting Kyoto's criteria on greenhouse gas emissions – О, 27.01.2007). Показательно, что оба конструкта принадлежат одному периоду.

В итоге, однозначного ответа авторы статей не дают, считая, что Россия пока сама не определилась со своей внешнеполитической ориентацией: Russia is uncertain of its European identity – О, 27.07.2006 = Russia, trapped in an eternal identity crisis between east and west – WN, 31.08.2006 = Russia has struggled throughout its history to locate its identity between Europe and the Orient – WN, 31.08.2006.

В заключение хотелось бы рассмотреть динамику изменения оценки России. На протяжении 1999–2006 г. преобладают отрицательные

оценки России. Если в случае Чеченской войны это вполне закономерно, то ситуация по Беслану наталкивает нас на интересный вывод – британцы не сочувствуют России в этой трагедии, считая, что в произошедшем полностью виновата она сама. Что касается лета 2005 г. как относительно спокойного периода, то здесь «The Guardian» относится к России нейтрально-негативно. Следовательно, для изменения образа государства в лучшую сторону позиции пассивного наблюдателя явно недостаточно, даже несмотря на стабильную внутреннюю обстановку.

При этом складывается стойкое впечатление, что отношение журналистов к России скорее предвзятое, нежели объективное, поскольку статьи изобилуют штампами и стереотипами времен «холодной войны» (заголовок «Europe's darkest corner» – 30.08.2004; «quasi-Russian slide back into authoritarianism and Soviet control» – 27.10.2004).

Тенденция к позитивизации образа России наблюдается с июля 2006 г. после проведения саммита G8 в Санкт-Петербурге. Более того, на протяжении июля-августа 2006 г. не было вообще ни одной отрицательной оценки, что является несомненным успехом российской внешней политики. Та же самая ситуация наблюдается в феврале 2007 г. после речи В.В. Путина в Мюнхене. Если в декабре-январе количество негативных оценок превышает число взвешенных и нейтральных, то в течение февраля-марта они отсутствуют вообще.

Также необходимо отметить еще одну важную особенность восприятия российской действительности: в большинстве публикаций о России в 1999-2007 гг. главная роль отводится президенту В.В. Путину. Фактически, президент отождествляется с Россией. Следовательно, формирование образа «новой» России на мировой арене происходило через призму образа президента и его деятельности.

Обсуждение в Интернете

volodymir_k

3 Май, 2010 11:25 (UTC)

По-моему, Гардиан это мелкотиражный неуважаемый таблоид. Почему выбрано именно это СМИ, а не The Times / BBC whatever?

bacchusv

3 Май, 2010 13:17 (UTC)

Взять одну (!) газету с очевидными и признанными левыми убеждениями, взять освещение пяти недолгих периодов и назвать это «образом в британской прессе» - это сильно.

bacchusv

3 Май, 2010 13:18 (UTC)

С мелкотиражностью и неуважением вы загнули. Главная газета умеренно-левых сил, лейбористов в частности.

(Анонимно)

3 Май, 2010 17:10 (UTC)

Дело в том, что в конце названия темы стояло «на примере газеты The Guardian». Очевидно, название полностью просто не поместилось.

nikipavl

3 Май, 2010 16:55 (UTC)

Вот там <http://blogpr.ru/node/2671> тоже вяло обсуждается. Соглашусь, что и нечего...

Секция 3. ВОСПРИЯТИЕ СТРАН ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ (ВЕЛИКОБРИТАНИИ, ГЕРМАНИИ, ИТАЛИИ, ФРАНЦИИ И ДР.) В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ, В СССР И В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Т.В. Евдокимова

Рейхсканцлеры Веймарской республики глазами сотрудников Полпредства РСФСР-СССР в Германии

Общий анализ деятельности рейхсканцлеров Веймарской Германии как политиков и личностей до сих пор не являлся объектом специальных исследований российских историков, за исключением работы А.И. Патрушева [1], где рейхсканцлеры Веймарской Германии включены в общий контекст изложения характеристики канцлеров Германии в целом. Политические информационные письма сотрудников Полпредства РСФСР-СССР в Германии, хранящиеся в Архиве внешней политики РФ (АВП РФ), являются важным источником для анализа Веймарской Германии, как первого опыта германской демократии в целом, и правящей политической элиты в частности. Данная статья предлагает взгляд на рейхсканцлеров Германии полномочного представителя РФ в Германии (1921–1930 гг.) на дипломатическом уровне Н.Н. Крестинского, советника полномочного представительства (1921–1929 гг.), С.И. Бродовского, уполномоченного НКВД РСФСР (1919–1921), В.Л. Коппа. Речь пойдет, главным образом, о тех германских политиках, которые возглавляли кабинеты с 1921 по 1930 гг. Это был тот период германо-российских отношений, на развитие которых во многом повлияли итоги Первой мировой войны, когда Россия и Германия, оказавшись вне рамок Версальской системы, начали проводить активный курс на сближение двух государств (с различным общественно-политическим строем) в таких сферах, как экономическая и военная. Но в области идейно-политической Веймарская республика и Советская Россия противостояли друг другу.

Идеологическая составляющая в налаживании личных контактов с целью развития германо-советских отношений в Веймарский период проявилась, прежде всего, в том, что, следуя принципу решительного размежевания с реформистами в рабочем движении, советское руководство в области внутренней и внешней политики предпочитало иметь дело с представителями любых партий, а также беспартийными, но только не с социал-демократами. Это нашло отражение и в документах

полномочного представительства, где прямо указывалось, что «наиболее враждебны СССР руководители социал-демократов» [2].

В рассматриваемых хронологических рамках у власти находилось единственное правительство во главе с социал-демократом Г. Мюллером (1928–1930). Когда же в 1930 г. его сменило правительство во главе с представителем Партии центра (ПЦ) Генрихом Брюнингом, Бродовский категорично заявил: «Для нас, – писал он, – смена правительства может быть выгодной, потому что чисто буржуазное правительство всегда отличается большим гражданским мужеством, чем полусоциал-демократическое. Весь наш опыт, равно как и опыт германской политики по отношению к Западу, доказывает это... Лишь настоящие хозяева положения имеют смелость брать на себя ответственность» [3]. Крестинский считал, например, Г. Брюнинга – возглавившего впоследствии (1930–1932 гг.) «президентские кабинеты», существование которых завершилось приходом А. Гитлера к власти, – «более надежным и желательным для советской стороны контрагентом», чем социал-демократического канцлера Германа Мюллера, на том основании, что последний «подписал Версальский договор, подписал после того, как Шейдеман и Брокдорф–Ранцау отказались это сделать». По мнению Крестинского, если Г. Мюллер принял условия, предъявляемые Антантой, то поэтому, делает вывод Крестинский, «ясно, что даром на какое-либо сближение с нами социал-демократы не пойдут» [4].

Среди социал-демократических лидеров наиболее уничижительная характеристика давалась социал-демократу Густаву Адольфу Бауэру, побывавшему на разных министерских постах, в том числе и рейхсканцлера. Уполномоченный НКВД РСФСР Виктор Леонтьевич Копп, не стесняясь в выражениях, написал: «Бауэр – бывший рейхсканцлер – полное ничтожество» [5]. Следует отметить, что Копп всегда отличался категоричными оценками, но, тем не менее, в его словах была доля истины: этот тот самый канцлер Германии, о котором в самой Германии написана одна-единственная монография, считающаяся спорной [6], а в нашей историографии эту личность вообще никто не изучал. Причиной этого является финансовая афера Бармата. Уникальность писем Крестинского в том, что он дает описание процесса Бармата, который стал процессом и над СДПГ, получившей название «партии друзей Бармата» [7]. К данной информации Крестинского следует добавить, что третейский суд оправдал Бауэра, но на бывшем рейхсканцлере осталось клеймо нечистоплотного политика.

Среди представителей правящей политической элиты Веймарской Германии Крестинский выделял некоторых рейхсканцлеров, готовых к сотрудничеству с русскими и относящихся без особых политических

пристрастий к новой власти в России. Прежде всего, это – Густав Штреземан, председатель Германской народной партии (ГНП), сторонник т.н. «Realpolitik». Он был «первым членом рейхстага, который решился переступить порог страшного большевистского посольства, несмотря на всякие предубеждения против этого с разных сторон» [8]. Штреземан достаточно трезво смотрел на страну Советов, на специфику ее внешней политики. Документы подтверждают тот факт, что именно Штреземан ясно видел противоречивость советской внешней политики. Он призывал Крестинского «строго отделять внешнюю политику от внутренней», подчеркивая, что «независимо от моего отношения к советскому строю, я считаю возможным и желательным тесный союз с Россией, так как внутреннее устройство России есть дело самого русского народа. Точно также и Россия должна относиться к германским внутренним делам...» [9]. В ноябре 1924 г. Штреземан, уже будучи министром иностранных дел, выразил Крестинскому протест против опубликования воззвания к гамбургскому пролетариату и общего воззвания III Интернационала, за подписью Г.Е. Зиновьева, а также «Нового обращения к ЦК КПГ», подписанного И.В. Сталиным. По мнению Штреземана, советскому государственному и партийному руководству необходимо осознавать ответственность за слова «германский пролетариат скажет свое слово не на выборах» [10].

Особо следует выделить характеристику беспартийных рейхсканцлеров, к которым относился Вильгельм Куно, возглавивший правительство в конце 1922 года. Он, по мнению Крестинского, был в правительстве «единственным человеком, расположенным к нам» [11]. «Куно начал прямо с того, что он уже имеет опыт совместной с нами хозяйственной работы в Дерутре» (германо-русское транспортное акционерное общество в Гамбурге) [12]. «Куно в качестве руководителя Гамбург-Америка–линия первый из немцев подписал с нами договор об организации смешанного общества, и до самого последнего времени является членом наблюдательного совета Дерутра... – он не является одним из наших контрагентов в Дерулуфге...» (смешанное российско-германское общество воздушных перевозок) [13]. И далее: «Из всех возможных сейчас канцлеров Куно является для нас наиболее благоприятным, так как мы уже имеем с ним хорошие отношения и нужно будет только сохранить и укрепить их». Но оказалось, что Куно – предприниматель и Куно – рейхсканцлер – совершенно разные вещи: он являлся скорее управленцем, чем политиком.

К этой же категории беспартийных относился и рейхсканцлер Ганс Люттер, кабинет которого называли кабинетом «фахлейте», то есть «специалистов». Характеристики типа – «Люттер человек самостоя-

тельный, с характером и будет сам настоящим канцлером...» [14] – сменяются, в конце концов, другими оценками Крестинского: «Лютер, однако, как показывает опыт, годится в рейхсканцлеры только при правительстве из чиновников» [15]. Он оказался специалистом в финансовых вопросах, прежде всего, в процессе реформирования марки, но слабым как политик. В доказательство большинство германских исследователей приводят факт достаточно «глупой» причины его отставки с поста рейхсканцлера, связанной с дискуссией о флаге. Письма же Крестинского интересны тем, что дают интересную информацию о причине ухода Лютера со своего поста: высказывается мнение, что он не хочет отрезать себе путей к политической деятельности, не хочет быть свергнутым по такому вопросу, который его политически компрометировал и предпочитает уйти из-за столкновения по небольшому вопросу, сохранив симпатии и правых, и левых [16]. Данное суждение Крестинского заставляет сомневаться в неполитичности Лютера.

Наибольшее же внимание в письмах полпредов уделялось рейхсканцлеру от Партии Центра Йозефу Вирту. Дело было не столько в его партийной принадлежности, так как, например, по отношению к рейхсканцлеру В. Марксу, также представителю ПЦ, особого доверия не было, а в социальном происхождении Вирта из низов, в его симпатиях к Советской России, что и вылилось в заключение Рапалльского договора 1922 г. и проведение Рапалльской политики. В свое время Копп дал ему следующую характеристику: «Вирт – человек твердой руки, самостоятельно вмешивающийся во внешнюю политику через голову Аусамта» (внешнеполитическая имперская служба) [17]. Политические информационные письма полпредов интересны не характеристикой его деятельности на посту рейхсканцлера, а его экономической деятельностью, связанной с лесными концессиями [18], которые он рассматривал «с политической точки зрения» [19]. Предприятие оказалось убыточным, и Вирт имел много неприятностей в России [20].

Таким образом, политические информационные письма сотрудников советского полпредства в Германии позволяют глубже изучить и проанализировать роль и значение личностно-психологического фактора в развитии Веймарской демократии. Однако работа с такого рода документами требует учитывать идейно-политическую составляющую рассматриваемых оценок и их субъективность.

Литература

1. Патрушев А.И. Германские канцлеры от Бисмарка до Меркель. М., 2009.

2. Архив внешней политики Российской Федерации (далее - АВП РФ). Ф. 165. Оп. 10. П. 151. Д. 341. Л. 118.
3. Там же. Л. 91-90.
4. АВП РФ. Ф. 165. Оп. 7. П. 144. Д. 280. Л. 81.
5. АВП РФ. Ф. 082. Оп. 4. П. 4. Д. 8. Л. 64.
6. Rintelen K. Ein undemokratischer Demokrat: Gustav Bauer. Gewerkschaftsführer – Freund Friedrich Eberts – Reichskanzler. Eine politische Biographie/ K.Rintelen. Frankfurt am Main, 1993.
7. АВП РФ. Ф. 0165. Оп. 4. П. 117. Д. 101. Л. 147.
8. АВП РФ. Ф. 0165. Оп. 1. П. 101. Д. 3. Л. 14.
9. Там же. Л. 15.
10. АВП РФ. Ф. 0165. Оп. 4. П. 117. Д. 101. Л. 1.
11. АВП РФ. Ф. 0165. Оп. 1. П. 101. Д. 4. Л. 16.
12. Там же. Л. 6.
13. Там же. Л. 12.
14. АВП РФ. Ф. 0165. Оп. 4. П. 117. Д. 101. Л. 136.
15. АВП РФ. Ф. 165. Оп. 6. П. 131. Д. 184. Л. 150.
16. Там же. Л. 39.
17. АВП РФ. Ф. 082. Оп. 4. П. 4. Д. 8. Л. 64.
18. АВП РФ. Ф. 0165. Оп. 1. П. 101. Д. 3. Л. 13.
19. АВП РФ. Ф. 0165. Оп. 4. П. 117. Д. 101. Л. 95.
20. АВП РФ. Ф. 165. Оп. 6. П. 131. Д. 184. Л. 70, 74.

А.В. Ильин

Внешнеполитический выбор и советская пропаганда в 1939 году

1939 год стал пределом обострения политической ситуации в Европе. Усиление Германии, ее продвижение в Центральной Европе создавали необходимость ответных действий со стороны других европейских держав. В конце 1938 г. таковыми являлись Великобритания, Франция и СССР.

Начиная с 1933 г. советское правительство не меняло своего отношения к нацистской Германии. Любые нарушения Гитлером Версальского договора, связанные как с внешней, так и с внутренней политикой, встречали оживленный отпор в Москве. Советско-германские отношения находили вполне адекватное отражение в прессе и других инструментах советской пропаганды. Образу Германии, сформированному в данный период (1933–1938) были присущи следующие основные черты:

1. Террор против евреев.
2. Жесткое подавление инакомыслия.
3. Разоблачения германских шпионов в других государствах.

4. Ответственность за политику Третьего Рейха возлагалась исключительно на высшее нацистское руководство, в то время как простой народ наделялся чертами «угнетенного пролетариата».

5. Экономические трудности Германии, связанные в первую очередь с милитаризацией экономики. Тяжелое положение рабочих.

Художественные фильмы рассматриваемого периода также имели большое значение для организации пропаганды среди советских граждан. Особую роль в этом деле сыграл фильм С. Эйзенштейна «Александр Невский» (1938).

Если говорить о сложившихся на тот момент тенденциях, то образ фашистской Германии был негативен, а советско-германские отношения носили характер конфронтации. Поскольку германская экспансия ставила под угрозу безопасность западных границ СССР, геополитическая логика все отчетливее диктовала советскому руководству необходимость поиска надежного союзника на Западе.

В Великобритании реакцией на политический нажим Гитлера явилась политика умиротворения агрессора. Ее идеологом был британский премьер-министр Н. Чемберлен. Апогеем умиротворения стал Мюнхен. Разумеется, в советской прессе постоянно печатались обличительные статьи о капитулянтской политике «мюнхенцев». Признание Великобританией и Францией правительства Франко в Испании только подлило масла в огонь. Образ Великобритании данного периода также оказался весьма негативным, хотя имелись и позитивные моменты. Вот его основные черты:

1. Правительство проводит политику сговора с агрессором. Английская политика лжива и вероломна, международные договоры, гарантии и обязательства не соблюдаются.

2. Среди английской оппозиции имеются здравомыслящие политики, которые настроены на сближение с Советским Союзом.

3. Великобритания, как и любая капиталистическая страна, испытывает серьезные экономические затруднения.

4. Положение английских рабочих остается тяжелым.

Ситуация в Европе стремительно менялась. Деятельность советской пропаганды в отношении Германии весной 1939 г. вполне можно было охарактеризовать как предвоенную психологическую мобилизацию. Вместе с тем, близкие по духу настроения в Англии и СССР способствовали началу очередного периода сближения в двухсторонних отношениях. Однако консервативное сопротивление Чемберлена по-прежнему оставалось проблемой. Упорное нежелание сотрудничать с Советским Союзом, приверженность политике умиротворения, граничащая с безразличием, неизменно делали Чемберлена и его сторон-

ников объектами жесткой критики и даже насмешек со стороны советских СМИ.

В советской официальной печати часто публиковались мнения английских оппозиционных политиков – У. Черчилля, А. Идена и др. Обычно они соответствовали политическим запросам советского руководства – критика в адрес Чемберлена, высказывания в поддержку коллективной безопасности, требования остановить германскую экспансию. В общих чертах, желаемый для СССР образ Великобритании предусматривал наличие правительства, настроенного на создание тройственного союза и прекращение сотрудничества с державами Оси.

Действительно, в те дни политическая пропаганда шла рука об руку с реальной политикой Советского Союза. 17 апреля нарком иностранных дел СССР М. Литвинов вручил послу Великобритании в СССР У. Сидсу проект тройственного договора. Советское предложение в определенной степени заинтересовало английских политиков. Казалось, Литвинов был как никогда близок к реализации своего главного проекта. Однако в этот самый момент Сталин берет внешнюю политику в свои руки. Еврей Литвинов, «главное предубеждение Гитлера», был снят со своего поста. На его место был назначен полностью подконтрольный Сталину В.М. Молотов. Теперь германское правительство перестало называть свою политику антибольшевистской.

С этого момента наблюдается все большая зависимость советской идеологии и пропаганды от направления внешнеполитического вектора. Впервые позицию советского правительства по вопросам внешней политики Молотов открыто изложил на сессии Верховного Совета СССР 31 мая. Он обвинил Великобританию и Францию в неконструктивной позиции в вопросе о гарантиях СССР и подталкивании агрессии на Восток. В то же время Германия предложила Советскому Союзу начать переговоры по экономическим проблемам, и Молотов выразил надежду на их успешное завершение.

В изменившейся ситуации советское правительство продемонстрировало готовность вести игру с обеими конфликтующими сторонами, выжидая от них более выгодных предложений. Новая линия в европейской политике Сталина быстро нашла одобрение в статье члена Политбюро, секретаря ЦК ВКП(б) А. Жданова, опубликованной в газете «Правда» в конце июня. Советское руководство заявляло о готовности сохранить нейтралитет в войне. В результате, из советских СМИ практически исчезли антигерманские публикации, имевшие место на протяжении последних нескольких лет. Безусловно, наблюдался определенный поворот в советской идеологии, однако на фоне традицион-

ного антизападного настроения сталинской пропаганды он был малозаметен для советского общественного мнения.

В целях предотвращения международной изоляции СССР Сталин пошел на заключение пакта о ненападении с Германией. Внешнеполитический выбор был сделан. Отныне советская пропаганда действовала уже в духе дружественных отношений с Третьим Рейхом. Вся ответственность за провал Тройственных переговоров была возложена на Англию и Францию. И здесь возникает главный вопрос исследования. Был ли выбор советского руководства предопределен близостью коммунистического и нацистского тоталитарных режимов, враждебным настроением советской идеологии по отношению к западным капиталистическим державам, советским общественным мнением? Или это — всего лишь результат геополитического прагматизма Сталина?

С одной стороны, тесное сближение Великобритании и Советского Союза было в принципе невозможно по причине резкого идеологического и политического контраста. К 1939 г. в сознании советских граждан четко сформировалось представление о западных демократиях как о поджигателях войны, стремившихся направить германскую агрессию против СССР. Подобные представления имели в своей основе вполне реальные факты. Великобритания действительно вела тайные переговоры с Гитлером за спиной у СССР с мая до конца августа 1939 г. Поэтому пакт Молотова-Риббентропа мог рассматриваться как пощечина западным державам за их «грязные махинации». Кроме того, Германия всерьез рассматривалась как союзница СССР в борьбе с ненавистным мировым капитализмом.

Следует также отметить, что и высшее советское руководство также испытывало явный недостаток в объективной информации, отражающей реальное положение дел за границей. Тотальная идеологизация всех сфер советского общества сделала получение информации подобного рода практически невозможным. При этом сам Сталин и его окружение не имели достаточного образования и мотивации для непосредственного взаимодействия с иностранными государствами. Таким образом, стереотипное восприятие Запада было характерно даже для тех, от кого непосредственно зависел процесс формирования имиджа западных держав.

И все-таки решающим фактором, повлиявшим на выбор Сталина, стала именно ситуация, сложившаяся на политической арене в августе 1939 г. Гитлеровская Германия, долгое время изображавшаяся советской пропагандой как враждебное государство, не могла быть ближе советским гражданам по духу, чем Великобритания, даже несмотря на внешнее сходство двух режимов. Таким образом, в случае идейной

равноудаленности двух сильнейших европейских держав выбор приобрел чисто политический характер.

Кроме того, советская идеология и пропаганда никогда не предвосхищали политических решения советского руководства, являясь лишь их обоснованием. Общественное мнение и внешнеполитические стереотипы вряд ли могли изменить внешнеполитические интересы Сталина, которые, на наш взгляд, всегда являлись движущей силой в его политике. Невозможность договориться с Великобританией и Францией не оставляли Сталину выбора. Поэтому пакт Молотова-Риббентропа – это исключительно геополитическое решение Сталина.

Литература

1. Большевик. Политико-экономический двухнедельник ЦК ВКП(б). 1939. №1–16.
2. Глушков А.Е. История международных отношений в Европе и Америке (1918–1945 гг.): учебное пособие. Барнаул, 2008.
3. Голубев А.В. Запад глазами советского общества: (Основные тенденции формирования внешнеполитических стереотипов в 30-х годах) // Отечественная история. 1996. № 1. С. 104–120.
4. Документы и материалы кануна Второй мировой войны: в 2 т. М., 1981. Т. 2.
5. История дипломатии / Сост. И.И. Минц, А.М. Панкратов, В.П. Потемкин и др.; Под ред. В.П. Потемкина. М.; Л. Т. 3: Дипломатия в период подготовки Второй мировой войны (1919–1939 гг.). 1945.
6. Марголит Е.Я. Страна – двойник: Германия в советских фильмах межвоенного времени // Родина. 2002. № 10. С. 68–71.
7. Невежин В.А. Синдром наступательной войны. Советская пропаганда в преддверии «священных боев», 1939–1941 гг. М., 1997.
8. Правда. Орган Центрального Комитета и МК ВКП(б).
9. Системная история международных отношений: в 2-х тт. под ред. А.Д. Богатурова. М., 2007. Т. 1–2.

В.А. Козлов

«Испанская партия» конца XV – XVI вв. глазами русских дореволюционных историков

Здесь рассматриваются вопросы, связанные с представлениями российских дореволюционных историков об «испанском факторе» в судьбоносную для Европы эпоху рождения Новой истории, начала ее глобализации. В эпоху становления отечественной профессиональной школы западноевропейской и всемирной истории основным источником сведений для россиян стали труды преимущественно либеральных итальянских, немецких, голландских и британских ученых. В боль-

шинстве они замыкались на характеристике Испании Габсбургов как «жандарма» Западной Европы, при этом всемерно подчеркивали реакционность, религиозную нетерпимость, жестокость, жадность, высокомерие и праздность испанцев как в пределах Европы, так и на просторах Нового Света.

Память об обидах, нанесенных чужестранцами соотечественникам или единоверцам, способна на долгие столетия служить эмоциональной закваской даже для стремящихся возвыситься над былыми схватками исследователей. «Анти-испанский» крен в трудах тогдашних континентальных историков был порожден прошлым реальным или мнимым, могуществом Испании, упорными усилиями ее правителей сохранить целостность европейского католического мира, пресечь тенденции к национально-политической и религиозной обособленности. Проблема единства и многообразия в Европе не снята и сейчас. Ее глубина должна бы предостеречь от излишней категоричности. По большому счету, только абсолютно убежденные в отсутствии исторических альтернатив люди могут безапелляционно считать формирование государств-наций прогрессом, а противодействующие им усилия – достойной исключительно осуждения феодальной реакцией. Именно к этому подводят (независимо от намерений их автора) рассуждения С.Г. Лозинского об имперской, «интернационалистской» и «полуфритредерской», политике Карла V в коллективном сочинении, выпущенным знаменитым издательством Сытина, что характерно – за несколько лет до начала Первой мировой войны [1].

А в той литературе, которая была доступна самым первым русским исследователям истории Запада, еще стучал «пепел Клааса» для голландцев, тлеет костер Джордано Бруно для итальянцев, а протестантская часть Германии по прежнему связывала Контрреформацию и религиозно-политические побоища на своей территории почти исключительно с происками испанских и римских «папистов». Что же касается большей части британской научной, публицистической и художественной литературы, то можно смело сказать, что даже в XIX веке она сохраняла запах победы над Великой Армадой. А чуть позже взлелеянный миф об особом испанском зверстве служил индульгенцией для английской экспансии в чужие «угодья». Немногочисленным и малоизвестным в Европе историкам в переживавшей уже несколько веков удручающую стагнацию Испании хоть как-то нейтрализовать этот обличительный уклон было не под силу.

Неудивительно поэтому, что русские историки не сумели избежать многих штампов, наложенных на Испанию и ее монархов западноевропейскими мэтрами. Достоин же похвалы то, что они смягчили и

откорректировали ряд навязываемых представлений для российских читателей, снижая градус осуждения, уделяя больше места позитиву, меняя ракурс анализа и т.п. Н.И. Кареев, к примеру, изящно возразил немецким историкам, ставившим в вину императору-испанцу то, что, воспротивившись Реформации, он не понял «духа времени», требовавшего немецкого единения. Кареев напомнил, что владения Габсбургов Германией не ограничивались и «дух времени» для всей Европы нельзя сводить к идеям немецких патриотов [2].

Думается, что заметный иммунитет русских историков к «анти-испанизму» во многом является заслугой великих испанских литераторов, особенно Сервантеса, чье творчество, будучи явлением всемирного масштаба, давало вместе с тем представление не только об Испании Торквемады, а о стране, ставшей матерью Дон Кихота, пусть и не слишком ласковой к своему сыну. О том, в каких красках представляли для русских интеллигентов Испания и испанцы, свидетельствует драматическая поэзия Пушкина. Его бесстрашный, эгоистический и ветреный Дон Гуан во многом является противоположностью верного и бескорыстного (при этом не менее гордого и отважного) Дон Кихота, а вместе они составили такой «бренд» притягательности, который и не позволял прекрасно образованным русским историкам утратить симпатии к испанцам. Разумеется, Сервантеса, и Лопе де Вега знали не только в России, но не следует забывать о той исключительной роли в формировании исходных представлений, которую только в нашей стране традиционно исполняла высокая литература.

Другим обстоятельством, обусловившим сопротивляемость отечественных ученых к «анти-испанизму», видимо, следует считать в разной мере скрытую или даже открытую недоброжелательность по отношению к России, щедрость черных тонов для отображения российской истории, наполнявших все те же сочинения. Это не могло не вызывать защитной реакции, приобретавшей весьма разные формы. Н.Я. Данилевский был среди немногих историков, жестко отвечавших Западу той же монетой. Отмечая грубость и алчность конкистадоров, он, тем не менее, полагал, что работорговля и опиумные войны явно не возвышают над испанцами более респектабельных на первый взгляд (англо-франко-голландских) представителей западноевропейской цивилизации. В рамках своей славянофильской культурно-исторической концепции он считал предрасположенность к насилию важнейшим атрибутом всего романо-германского типа [3].

Но и склонявшийся к идеалам конституционной монархии британского образца Т.Н. Грановский, основоположник европейского направления в российском историческом знании, тоже имел сомнения в

непогрешимости либерального «мэйнстрима». Отмечая легкость, с которой английские монархи обходили базовые пункты «Великой Хартии», он в итоге пришел к выводу, что конституция английского народа существовала долгое время только на словах [4]. Т.е. реальность времени отнюдь не соответствовала картине, рисованной в традициях тогдашней английской историографии, в которой Альбион выступает как Остров Свободы, резко выделяющийся на фоне континентального, в особенности испанского деспотизма, не говоря уж о «московско-татарском».

В целом же следует признать, что российские историки довольно редко подвергали прямому и детальному сопоставлению Испании и Россию (за исключением частого противопоставления форм и методов испанского завоевания Америки и российской колонизации Сибири). Слишком далекими и несхожими представлялись эти две империи. Между тем именно в исторической географии можно было выйти на новые плоскости анализа. Если исходить из того, что самые отдаленные друг от друга, не морские, в принципе, державы Европы объединяло как раз то, что они становились передовыми заставами европейско-христианского мира, при всех его конфессиональных различиях. Стояние на Угре в 1480 г. знаменовало для Руси окончательное освобождение от Орды, а ликвидация в 1492 г. мусульманской Гранады – завершение Реконкисты для Испании. Что общего и специфичного в Реконките и «собирании русских земель»? Никак нельзя сказать, что здесь уже все расставлено «по полкам». Определенная синхронность в выходе на пик своего могущества ко второй половине XVI в. и втягивание обеих держав в изнурительные войны в Нидерландах и в Ливонии, утрата ряда позиций в начале следующего столетия – все это также осталось за рамками изысканий.

Национально-либеральное измерение исторического процесса, господствовавшее в XIX в. как на Западе, так и в России, не позволило убедительно обосновать причинность первоначальной окраски Америки в цвета кастильского флага, в полной мере обнажить подоплеку испанского пионерства в деле Великих географических открытий. Но и предложенная К. Марксом схема капиталистического генезиса, через призму его собственной интерпретации постулата «первоначального накопления» не снимала вопрос: где логика в том, что эпоху капитализма открывают Португалия и Испания, едва ли не наименее капитализированные страны на европейском Западе? Слишком жестко в ортодоксальной марксистской теории развитие капитализма в Европе завязано на Британии. Наличие проблемы фактически признал Р.Ю. Виппер: «У них дома не было ни избытка населения, ни чрезмер-

но большого производства товаров, и они, собственно, не нуждались в колониях» [5].

Конечно, прав В.К. Пискорский, связавший всю свою научную деятельность с изучением истории пиренейских стран, в том, что «стремление Карла к установлению всемирной монархии обошлось испанскому народу слишком дорого, как и вообще вся та блестящая мировая роль, которая выпала на долю его» [6]. Однако отношение к этой роли у многих историков отдает неоправданной иронией в силу явно гипертрофированного упора на описание политической и хозяйственной несостоятельности испано-имперских властей. Отнюдь не следует забывать, что американское золото и серебро пошли не только на подавление мятежей в Европе, на мотовство испанской аристократии и обогащение капиталистических кругов, но и на борьбу с Османской империей, неумолимо нависшей тогда над христианской Европой.

В противостоянии туркам испанские императоры, в отличие от своих ближних и дальних соседей, никогда не вступали в сговор с «полумесяцем» и сыграли ключевую роль в отражении первой, самой опасной волны турецкого натиска. Средства же на это изыскивались не в Амстердаме, Париже или Лондоне, а прежде всего на земле Кастилии и Арагона, что, разумеется, тоже не способствовало их хозяйственному подъему.

Литература

1. Книга для чтения по истории Нового времени: Т.1. М., 1910. С. 286-294.
2. Кареев Н.И. История Западной Европы в Новое время. Петроград, 1915. С. 44-45.
3. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М. 1991. С. 173-187.
4. Грановский Т.Н. Лекции по истории позднего Средневековья. М., 1971. С. 140.
5. Виппер Р. Новая история. 1500 – 1917. М., 1918. С. 9.
6. Пискорский В.К. История Испании и Португалии. СПб, 1907. С. 129.

Л.Е. Козлов

Образ Германии в Приморском крае: экономические связи как основа формирования

Германия, как и большинство великих держав, озабочена состоянием своего имиджа на мировой арене. С целью его улучшения она широко использует традиционные средства культурной дипломатии, как-то: образовательные и научные обмены, дни культуры, поддержка преподавания государственного языка за рубежом и т.п. Исторически

значимая роль Германии в развитии мировой культуры, экономики и политики обусловила наличие ярких, устойчивых стереотипов. При этом укрепление положительных и ослабление отрицательных стереотипов зачастую является результатом политических действий, на первый взгляд, совершенно далеких от сферы культурной дипломатии. Здесь рассматриваются процесс, инструментарий и эффективность формирования положительных для Германии стереотипов в Приморском крае. Предлагаемые выводы базируются на личных – в основном, включенных – наблюдениях автора.

Германская дипломатия в Дальневосточном федеральном округе работает наиболее активно, по сравнению с другими странами Европейского Союза, присутствие которых здесь носит эпизодический характер. Но и в случае Германии формальная деятельность выглядит скромно на фоне Японии, Китая и Южной Кореи, которые непосредственно соседствуют с данным регионом России. Центральным мероприятием немецкой дипломатии являются Дни немецкой культуры, проводящиеся каждую осень по всей территории России, в том числе в Приморском крае. Проходит оно обычно в течение недели и курируется сотрудниками посольства Германии в Москве. Также на Дальнем Востоке (в Хабаровске) работает лектор Германской службы академических обменов (DAAD), проводящий официальный экзамен на знание немецкого языка (TestDaF), но примеры участия студентов и преподавателей дальневосточных вузов в ее программах остаются единичными. Преподавание немецкого языка на Дальнем Востоке едва ли имеет перспективу: как второй по популярности иностранный язык в школах и вузах его давно вытеснили японский и китайский. Специальные школы, где бы немецкий язык преподавался углубленно, отсутствуют. Профессиональная мотивация в изучении немецкого языка находится на минимальном уровне, потому что возможность применения этих знаний ограничивается нерегулярными техническими и туристическими переводами. Впрочем, проблема сокращения пространства немецкого языка существует во всем мире. Она обусловлена объективными причинами и давно осознана компетентными специалистами. Ее воздействие на международный имидж Германии оказалось далеко не таким значительным, как это можно было предполагать.

Официальные действия германского посольства и DAAD в Приморском крае обязательно подкрепляются «народной дипломатией», опирающейся на европейские традиции гражданского общества и гражданской активности. Мероприятия общественных организаций и поддерживаемых крупным бизнесом фондов, как правило, приурочены к тем же Дням немецкой культуры. Большая часть содержательного

наполнения этих Дней была бы невозможной без инициативы конкретных персон. В Приморском крае таковыми являются Петер Шварц, несколько лет проработавший лектором фонда Боша в университетах Владивостока, и Манфред Брокман, пастор местной лютеранской церкви. Усилиями Петера Шварца была в течение нескольких лет организована совместная постановка Дальневосточной академии искусств и оперы Штутгарта «Волшебная флейта». В лютеранской церкви регулярно проходят концерты органной музыки и философские конференции. Целевая аудитория таких мероприятий на порядок шире, чем число изучающих немецкий язык. Оба оперных представления собирали полный зал филармонии Владивостока, а сообщения об этом событии опубликовали все ведущие средства массовой информации Приморья.

Но главный эффект в формировании положительного имиджа Германии, на наш взгляд, достигается посредством экономических связей, точнее, германского экспорта в Приморский край. Одним из типичных международных стереотипов в отношении Германии, обычно подтверждаемых практикой, является высокое качество производимой там продукции. Ее потребление в Приморском крае происходит по двум основным каналам.

Во-первых, многие местные предприятия (в основном, транспортные и производственные) закупают в Германии промышленное оборудование. Германия остается на лидирующих позициях в данном сегменте мировой экономики, несмотря на возросшую конкуренцию со стороны восточноазиатских компаний. Уровень развития инженерной мысли не позволяет азиатским конкурентам идти в одну ногу с немецкими компаниями. Промышленный шпионаж здесь не помогает: кража технологии, копирование и внедрение в поточное производство требуют столько времени, что порождают, по крайней мере, пятилетнее отставание. Приморье непосредственно граничит с Китаем, чьи компании широко применяют рыночную стратегию копирования и демпинга. Но приморские предприятия накопили длительный, положительный опыт работы с немецкой техникой (причем производства ГДР, которое несколько уступало западногерманским аналогам), а в некоторых местах купленная в советский период техника еще находится в эксплуатации, поэтому даже десятикратная разница в стоимости между германскими и китайскими предложениями не отпугивает покупателей, ориентированных на качество. За последние годы в прессе появлялась информация о закупках оборудования для пищевой промышленности, морского порта, полиграфии, деревообработки, литейного дела.

Германская продукция привлекает местные предприятия по следующим причинам. Практически всегда она воплощает передовые инженерные решения мирового уровня. Исполнение машин отличается особой точностью и тщательностью; в этом аспекте с ней может сравниться лишь японская техника. Немецкие поставщики совершенно не заинтересованы в том, чтобы быстрее сбыть товар и скрыться от покупателя. Каждая поставка сопровождается исчерпывающей помощью в пуско-наладочных работах, поэтому германское оборудование принимается в эксплуатацию быстрее и работает впоследствии надежнее, чем его конкуренты, что, в свою очередь, благотворно влияет на ритмичность производственного процесса клиента. Кроме того, германская рабочая сила по своей подготовке превышает восточноазиатский уровень; обычный слесарь или электрик со средним специальным образованием в достаточной мере владеет английским языком и компьютерными навыками, чтобы проводить пуско-наладочные работы без непосредственного участия дорогостоящих инженеров и переводчиков редкой квалификации. Все это позволяет Германии сохранять небольшую, но устойчивую долю на местном рынке, опираясь на очень лояльных потребителей. Данную нишу не сможет занять ни одна из стран, привлекающих покупателей за счет цены.

Во-вторых, на приморском рынке довольно широко, с учетом дальности расстояний, представлены германские товары народного потребления. Разница между ними и азиатскими аналогами не столь высока, как в случае промышленного оборудования, но стереотип о немецком качестве безотказно действует на все категории потребителей. Рекламой германских товаров занимаются, прежде всего, местные розничные продавцы (например, обуви, кухни, мебели). Во Владивостоке нередко можно наблюдать вывески на немецком языке; в некоторых из них намеренно использованы специфические элементы алфавита (умлауты и буква «эс-цет»), акцентирующие «немецкость» ассортимента. Во Владивостоке работает сразу два пивных ресторана в немецком стиле, оформленных весьма аутентично и качественно. В 2007 году на окраине города открылся дилерский салон «Мерседес». Московское представительство «Даймлера» вначале скептически оценивало приморский рынок, на котором абсолютно доминируют японские автомобили. Однако будущий дилер был так заинтересован в открытии, что обратился через его голову в центральный офис корпорации. Хотя автомобили «Мерседес», конечно, не стали во Владивостоке массовым продуктом, но экзотикой на местных улицах их уже назвать нельзя.

Эти и другие примеры «немецкого следа» в повседневной жизни Приморского края свидетельствуют о том, что работа правительства в

сфере экономического регулирования обязательно идет на пользу имиджу руководимого им государства. Меры, имеющие целью укрепление позиций национального производителя на мировом рынке (особенно, за счет высокотехнологичной и пользующейся массовым спросом продукции), дают устойчивый и широкий эффект для формирования положительного образа страны за рубежом. Возможно даже, что такие меры оказывают более сильный эффект, чем прямые действия агитационно-пропагандистского характера. Положительные стереотипы о Германии не заканчивают своего действия, если германское правительство приостанавливает активную имиджевую политику.

Взаимосвязь между экономическим регулированием (например, развитием внутренней конкуренции, требовательного спроса, мобильности рабочей силы и т.п.) и международным имиджем руководство России, как представляется, не прослеживает в полной мере. Поэтому культурная дипломатия России может стимулировать интерес зарубежной аудитории к нашей стране, но он будет кратковременным и неустойчивым.

Н.Ю. Кузьминых

Имиджевая политика Латвии в отношении Европы и России: трудности и перспективы

Существует много определений понятий «имидж» в зависимости от сферы применения – имидж в отношении торговой марки товара, как рекламный образ и как совокупность черт и характеристик товара/явления, которое приписывает ему человек. Нас будет интересовать именно третье определение, так как речь пойдет о продвижении имиджа Латвии в Европе и о возможности подобной практики в отношении России. Также важно учитывать, что применение понятия «имидж» по отношению к стране включает в себя то, как страна будет восприниматься как жителями других стран, так и другими государствами в целом. Некоторые имиджмейкеры, специализирующиеся в сфере политического консультирования, не без оснований разводят понятия «имидж» и «образ», хотя последнее и является дословным переводом английского *image* на русский язык. Подобный подход хотя и не является бесспорным в теоретическом плане, имеет тем не менее важное практическое значение, поскольку позволяет очертить рамки целенаправленной деятельности по формированию личного имиджа, а также имиджа организации, товарного брэнда или целой страны.

При определении имиджевой стратегии Латвии специалисты учитывали такие факторы, как сильное расхождение между реальным положением дел и представлениями о Латвии в Европе. Так, наибольшие расхождения с реальностью проявлялись в таких компонентах, как

представление об уровне преступности, уровне жизни, загрязнении окружающей среды, коррупции, инфраструктуры, архитектуры и удобств. Учитывая потенциально большую роль туризма в будущей экономике страны, было принято решение разработать четкую стратегию продвижения имиджа Латвии на европейской арене. Предполагается позиционировать продвижение Латвии по следующим ключевым направлениям-образам:

1. Часть Европы с наилучшим доступом к России. Наиболее важно как для туристов, которые по пути в Россию могут посетить транзитом и Латвию. Также актуально для бизнесменов при транспортировке и выборе направлений поставок товаров в Россию и из России.

2. Краеугольный камень Балтии (Балтики). В основном затрагивает сам имидж страны, ее положение среди своих соседей – центр Прибалтики, ее сердце, является географически оправданным.

3. Латвия как экологически чистая ниша в Балтии. Данный аспект является наиболее актуальным для современной Латвии, так как он влияет как на приток туристов, желающих отдохнуть в Европе (средний класс с ограниченным бюджетом при выборе места отдыха) в экологически чистом и красивом месте, так и для развенчания мифа о загрязненности Прибалтики в целом. Расхождение между взглядами европейцев на Латвию и реальным положением дел является наибольшим как раз в отношении экологии региона.

4. Крестьянские ценности и крестьянская ментальность в постиндустриальную эпоху «Новый рассвет». Представляется наиболее интересным, потому что данное направление отсылает нас как к экологии Латвии (обширные и красивые сельскохозяйственные угодья), так и в большей степени к ее истории. Преемственность поколений, опыт предков в любви к своей земле – вещи, которые, несомненно, вызывают уважение и привлекают внимание в нашу постиндустриальную (а где-то еще индустриальную) эпоху.

Одним из главных предубеждений в отношении стран бывшего Советского блока, вошедших в единую Европу, было частично оправданное утверждение об их недоразвитости. Многие наблюдатели предрекали, что государства Восточной Европы будут тянуть Евросоюз вниз, получая финансовую помощь и ослабляя финансовую систему ЕС. Имиджевая стратегия Латвии направлена в том числе и на развенчание подобных стереотипов, и здесь она идет рука об руку с действиями Министерства экономики. Таким образом, неверно утверждать, что одной имиджевой стратегией можно добиться значительных результатов. Тем не менее, если она подтверждена реальными делами и

грамотной работой имиджмейкеров, то можно рассчитывать на положительную отдачу.

Что же касается России, то все вышесказанное не имеет к ней прямого отношения, так как подобная стратегия направлена в первую очередь на страны Европы, и тому есть несколько причин. Для начала рассмотрим, какие образы приходят в голову российскому человеку при упоминании Латвии. Представляется уместным разделить их на 2 группы: положительно-нейтральные и отрицательные. Примечательно, что согласно опросам ВЦИОМ, а также независимым опросам общественного мнения, в положительно-нейтральном сегменте преобладают товары потребления. К положительно-нейтральным относятся:

1. Фестивали в Юрмале, начиная с юмористических и заканчивая песенными.

2. Шпроты как главный символ Латвии (положительно-нейтральный), возникающий в сознании российских людей в первую очередь.

3. Рижский бальзам как одна из наиболее «эксклюзивных» и желанных вещей времен Советского Союза.

К негативным образам можно отнести:

1. Представление о Латвии как о стране торжествующего неонацизма с маршами бывших ССовцев, ликвидацией памятников советским воинам, переписыванием истории войны.

2. Представление о «дискриминации» русскоязычного населения, так широко тиражируемое российскими СМИ наравне с действиями неонацистских группировок.
3. Два вышеописанных аспекта в сознании многих материализуются в Василия Кононова как средоточие «несправедливости и агрессии» властей Латвии по отношению к бывшим солдатам советской армии.

Стоит отметить, что, если положительно-нейтральные образы были созданы еще в период СССР, то негативные – исключительно во времена новой России и независимой Латвии. Причиной тому может служить как факт нахождения Латвии в составе СССР во времена создания положительных образов, так и напряженные отношения между Россией и Латвией после 1991 г. с последующим созданием негативных образов. Характерным можно считать тот факт, что подобный набор негативных образов в основном возникает в сознании людей, ни разу в Латвии не побывавших и доверяющих официальной российской пропаганде. Мнения же и впечатления туристов, побывавших в этой стране Прибалтики, скорее соответствуют европейским. Российская власть в принципе не заинтересована в формировании позитивного образа Латвии у российского общества, учитывая как ее полную неза-

висимость от Кремля (в отличие от многих других бывших республик СССР, для которых Москва иногда закрывает глаза на неприглядные поступки) и занимаемую правительством Латвии жесткую позицию по отношению к Москве. Нет и ответного движения – Латвия, ориентированная в основном на Европу, не считает необходимым проводить какую-либо целенаправленную политику в отношении России. Значительная часть правящей элиты до сих пор считает Россию потенциальным врагом и не видит краткосрочной перспективы в развитии отношений с ней.

Согласно опросу, проведенному центром Юрия Левады в 2007 г., почти каждый второй опрошенный россиянин (46%) считает врагом Грузию, 36% – Латвию, 35% – США, 32% – Литву. В то, что Латвия и Литва не хотят России ничего плохого, верят 2% респондентов. Согласно исследованию ВЦИОМ 2005 г. упоминание о Латвии вызывает положительные чувства у россиян реже отрицательных (+16% и –41%). Жители Латвии при упоминании России, напротив, положительные эмоции ощущают чаще отрицательных (+50% и –20%). 39% россиян и 28% жителей Латвии отмечают, что не испытывают при упоминании другой страны никаких чувств. Латвия в 1940 году стала составной частью СССР. Каждый второй (47%) респондент в Латвии считает, что это было нападение СССР на Латвию, каждый четвертый (24%) – добровольное решение самих граждан Латвии. Среди российских респондентов две точки зрения (насильственное присоединение или добровольное решение Латвии) находят равное число сторонников – по 36%. Немалая часть опрошенных (27% в России и 22% в Латвии) затрудняется охарактеризовать это присоединение. Таким образом можно сказать, что настроение общества обеих стран является более либеральным и терпимым друг к другу, чем официальная риторика.

Наиболее свободной от идеологии является бизнес-элита обеих стран. Так, проводившиеся экономические форумы с участием бизнесменов как России, так и Латвии, способствовали выработке общей стратегии дальнейшего сотрудничества и заключению взаимовыгодных контрактов. Как бы там ни было, негативные образы друг друга (Латвии в России и России в Латвии) препятствуют налаживанию связей в образовании, культуре, правовых вопросах. Навязывая обществу мысль о «дискриминации» русскоязычного населения Латвии, Кремль в то же время закрывает глаза на реальные ущемления прав русских в Казахстане, Киргизии и других среднеазиатских республиках, формально считающихся «дружескими».

В подобных условиях Латвии не имеет смысла проводить какую-либо осознанную имидж-политику в отношении России. Не говоря уже

о том, что такой возможности попросту нет. Ориентированность на Европу таких сфер, как туризм, экономика, культурные связи могут обеспечить потребности Латвии по государственному и международному развитию на годы вперед. Шансы на успешную реализацию имидж-политики Латвии по отношению к Европе представляются высокими, но требующими определенного количества времени на то, чтобы указанные 4 образа заработали в полную силу.

О.Ч. Реут

Баренцев Евро-Арктический регион: динамика российского восприятия

Международная субрегиональная организация Баренцев Евро-Арктический регион (БЕАР) была создана 11 января 1993 года подписанием Киркенесской декларации министрами иностранных дел шести стран: Норвегии, России, Финляндии, Швеции, Дании, Исландии и представителем Комиссии Европейского союза. Цель формирования региона заключалась в организации устойчивого сотрудничества и в установлении стабильности путем непосредственного снижения военной напряженности и усиления факторов социально-экономической взаимозависимости.

Российское восприятие БЕАРа носит динамический, эволюционный характер, хотя эта динамика выражена по-разному и порой весьма противоречиво. Без сомнений, политические трансформации БЕАРовского дискурса невозможно рассматривать в отрыве от смены и европейского, и арктического направлений российской внешней политики. Менялись дискурсивные стратегии, дискурсивному форматированию подвергалось содержательное измерение взаимовыгодной основы региональной кооперации, по-разному проявлялись дискурсивные конфликты.

Середина и вторая половина 1990-х годов ознаменовались отказом официальной Москвы от либерального характера внешнеполитического целеполагания.

Североевропейские страны во многом по инерции в качестве смыслового стержня региональной кооперации рассматривали призыв к массивному содействию трансформации восточного партнера по БЕАРу в «нормальное современное государство», с демократической формой правления, рыночной экономикой и главенством конституционных норм. При этом предлагалось запастись «стратегическим терпением» и сделать ставку на внутренние реформаторские силы в России, представители которых поддержали участие сопредельных регионов российского Северо-Запада в международных территориально-ориентированных форматах.

Однако уже во второй половине 1990-х годов начинают проявляться отсутствие ощутимых успехов в строительстве рыночной экономики, сложности российского демократического транзита и продолжение военно-стратегического противостояния в Арктике. Стратегия вовлечения российских регионов во внутерриториальные кооперационные процессы не приносит чувствительных положительных результатов. Более того, становится очевидным, что при декларировании разделяемых для всего региона обеспокоенностей, проблем и вызовов никогда не ставилась задача снижения уровня диспропорций и дисбаланса социально-экономического развития российских и североευропейских территорий.

Как бы это ни выглядело противоречивым, но своеобразная «конечная цель» создания любого транснационального образования заключается в отказе от него – через постепенное сближение и, в определенной степени, «срастание» частей приграничных сообществ. В том случае, если подобное сближение, а в долгосрочной перспективе и «срастание» априорно невозможно, характер трансграничного взаимодействия именно через институты международной субрегиональной организации не может быть в полной мере конструктивным и эффективным. Именно в этом случае граница, разделяющая партнеров по региону, выступает осью асимметрии, устанавливающей объективные препятствия на пути взаимовыгодной кооперации и интеграции, а сама территориальная структура становится своеобразным «полем разряжения» имеющихся напряжений, что и приводит, в конечном счете, к конфликту и усилению асимметрии.

Первым серьезным конфликтом подобного рода, пожалуй, можно было бы назвать ситуацию, связанную с деятельностью международного экологического объединения «Беллуна». Особенно в процессе подготовки и публичного обсуждения открытого доклада 1996 года по проблеме природоохранных рисков, возникающих при утилизации атомных подводных лодок, выведенных из действующего состава российского военно-морского флота, и при сооружении и технической реконструкции объектов временного хранения радиоактивных отходов. Как известно, сотрудник объединения А. Никитин, бывший офицер Северного флота, был обвинен в шпионаже и в течение нескольких лет находился в положении подсудимого, доказывающего свою полную невиновность.

Случай с «Беллуной» ознаменовал начало изменений в отношении партнеров по Баренцеву сотрудничеству. Североевропейским странам становилось очевидным слишком медленное продвижение и России, и ее регионов на пути к демократии. Большие финансовые потоки, направленные через Баренцеву программу на поддержку российских реформ, не получили серьезной отдачи. Дополнительно наметился ряд

серьезных внешнеполитических разногласий между Россией и странами Северной Европы.

Для стран региона они, прежде всего, касались вопросов расширения Североатлантического блока на восток и возможного исполнения международными субрегиональными организациями функций по обеспечению «мягкой» безопасности [1]. Превращение стран Балтии в составную часть крупнейшей военно-политической структуры довольно остро поставило задачу выработки обновленного обоснования нечленства Финляндии и Швеции в блоке НАТО. Тем более в ситуации, когда стало очевидным, что Европейский союз предоставляет возможность северовропейцам действовать самостоятельно в случае конфликтов малой и средней интенсивности, а также при миротворческих и гуманитарных акциях.

В «отдельно стоящих» российско-норвежских отношениях наиболее проблемными областями выступали вопросы разграничения спорных морских пространств в Баренцевом море и Северном Ледовитом океане, уточнения границ континентального шельфа за пределами двухсот морских миль и экономических зон между двумя странами, включая пространство вокруг Шпицбергена. Это, в свою очередь, создавало практически непреодолимые препятствия для эффективного долгосрочного сотрудничества нефтегазовых компаний двух стран по освоению месторождений в Баренцевом море.

Заметное влияние на общий фон российско-датских и российско-шведских отношений оказали действия официальных Копенгагена и Стокгольма по предоставлению статуса беженцев ряду активистов северокавказского подполья. Более того, в октябре 2002 года Министерством иностранных дел Дании не было удовлетворено требование Москвы о запрете проведения Всемирного чеченского конгресса [2]. Стоит отметить, что подобная охранительная риторика проявляется вплоть до настоящего времени. Примером этому может служить заявление российской стороны от 9 марта 2010 года по результатам московского раунда официальных переговоров президента Д. Медведева с Премьер-министром Швеции Ф. Рейнфельдтом [3].

Августовский (1998 г.) финансово-экономический кризис способствовал переходу к своеобразной «политике невмешательства», порой еще называемой экспертами-международниками «вежливым пренебрежением». В условиях предельно низкого уровня интеграции в мировую и региональную экономические системы кризисные явления рассматривались как «суверенная» проблема России. Дефицит федерального бюджета, неплатежи и бартер, необоснованные заимствования за границей, неконтролируемые внутригосударственные долговые обязательства

представляли лишь сугубо теоретический интерес для иностранных партнеров. По большому счету БЕАРовская региональная экономика не была способна воспринять кризис российского финансового рынка как свой собственный. Ни один из созданных институтов субрегионального сотрудничества не доказал и не показал способность к эффективным решениям по сохранению иммунитета всего региона к «частному» национальному кризису.

Показательно, что уже глобальный финансово-экономический кризис 2008–2009 гг. лишь подтвердил взаимную нечувствительность субрегиональных экономик к «обратной стороне глобализации». При этом БЕАРовские институциональные системы оказались абсолютно «невысываемыми» в глобальные матрицы вызовов и возможностей, предоставляемых глобализирующимся экономическим пространством.

Однако десять лет подобной политики вызвали к жизни новые оценки и относительно новую риторику, основной лейтмотив которой был связан с постулированием тезиса, что Россия будет двигаться в направлении полуавторитарной, милитаристской и империалистической державы, враждебно настроенной по отношению к своим северным соседям.

Появление и утверждение подобных смысловых маркеров подтверждалось последовательным разворачиванием во многом знаковых событий. Август 2000 г. Катастрофа атомной подводной лодки «Курск». Остро выявлена проблема соотношения национальных интересов и наднациональных интеграционных проектов. До сих пор открыт вопрос об определении реального баланса «мягких» и «жестких» форм безопасности при аварии подобного рода. Октябрь 2005 г. Драма с преследованием норвежскими кораблями береговой охраны рыболовного траулера «Электрон». Вновь актуален сложнейший вопрос комплексного решения задачи разграничения спорных акваторий Баренцева моря. По сути дела, это – проблема правового фиксирования и оформления суверенитетов и установления контроля над потенциально значительными природными ресурсами. Август 2007 г. Начало активной фазы спора об арктическом шельфе, вполне справедливо называемом «последним имперским разделом». Россия, как известно, стремится доказать, что шельф, на который она претендует, выступает продолжением Сибирской континентальной платформы.

Стоит отметить в заключение, что российское восприятие БЕАРа продолжает разделяться на два лагеря, один из которых условно можно назвать консервативным, а другой – либеральным. При этом оба лагеря являются источниками формирования двух дискурсивных стратегий,

каждая из которых по-разному позиционирует БЕАР по отношению к России.

Так, в рамках консервативной парадигмы концепция периферии проявляется сквозь призму таких категорий, как баланс сил, безопасность, национально-суверенные интересы, эгоизм и прагматизм. Данная дискурсивная стратегия готова признавать за БЕАРОм роль слабого партнера, не наделенного при этом тем же набором характеристик, что и отдельные страны Северной Европы. Именно отсюда и исходит намерение официальной Москвы развивать двусторонние межгосударственные отношения, а не стремиться форсировать процессы углубления многосторонних интеграционно-кооперационных форматов. В свою очередь, либеральная стратегия более склонна видеть в БЕАРе не объект, а субъект в системе современных международных отношений.

Несмотря на эти теоретические дифференциации и контрасты, обе стратегии, однако, сходны в том, что на их основе формируются модели межгосударственных и международных взаимодействий. В этом смысле любой подобный дискурс носит адресный характер. Он является коммуникационно «привязанным» к определенному адресату, смена которого может, соответственно, привести к изменению системы критериев, на основе которых оценивается эффективность практических результатов участия России и ее территорий в международной субрегиональной кооперации. Другими словами, российское восприятие БЕАРа – многомерный дискурсивный феномен, на который стоит смотреть под разными углами зрения, каждый из которых высвечивает какую-то особую грань восприятия постоянно формирующейся и изменяющейся действительности.

Литература

1. Reut O. The Baltic and Barents Regions in Changing Europe: New Priorities for Security. EFP Working Paper 2. Centre for European Security Studies, Groningen, 2000.

2. Сегодня в Копенгагене открылся «Всемирный чеченский конгресс», 28 октября 2002 г. URL: www.newsru.com/world/28oct2002/kongress.html.

3. Дмитрий Медведев провел переговоры с Премьер-министром Швеции Фредриком Рейнфельдтом, 9 марта 2010 г. URL: www.kremlin.ru/news/7060.

М.А. Широкова
Славянофилы об отличиях западноевропейского
просвещения от просвещения в России

Славянофильская концепция исторического развития России и Европы, как и учение классиков славянофильства в целом, имела явную социально-политическую направленность, которая с особой силой выразилась в антитезе «Восток – Запад». Значение понятия «Восток» в славянофильском употреблении исчерпывающе точно объяснил Ю.Ф. Самарин: «Это значит: не Китай, не Исламизм, не Татары, а мир Славяно-православный, нам единоплеменный и единоверный, вызванный к сознанию своей силы явлением Русского государства. В отличие от него Запад значит мир Романо-Германский или Католическо-Протестантский» [1].

В основании любой культурно-цивилизационной общности, по мысли славянофилов, лежит характер вероисповедания, который и определяет все стороны материальной и духовной жизни народа. В работах родоначальников славянофильства А.С. Хомякова, И.В. Киреевского, К.С. Аксакова, Ю.Ф. Самарина настойчиво проводилась мысль о принципиальном превосходстве «славяно-православных» (или – еще точнее – русских) «первичных начал» перед западными. Но подчеркнем: речь идет о принципиальном, а не о конкретно-историческом содержании этих начал и, значит, о возможном в будущем, а не об уже имеющемся как данность превосходстве России над Западом. По воспоминаниям А. Григорьева, Хомяков «говорил часто, что Англия – лучшее из *существующих* государств, а Россия – лучшее из возможных, но вслед за тем со злою и грустною ирониею прибавлял всегда, что, может быть, она так и останется лучшим из *возможных*» [2]. Поэтому распространенное в литературе утверждение о том, что у славянофилов «возникло противопоставление *реальной* Западной Европы, где недостатки выдвигались на первый план, и *идеальной* России» [3] следовало бы уточнить. Идеальной, по мысли славянофилов, Россия была «в возможности», тогда как Запад, считали они, такими возможностями уже не обладал [4].

Славянофилы осмысливали наиболее существенные стороны духовной жизни Европы и России, используя термин «просвещение». Именно раннему славянофильству принадлежит заслуга нового смыслового наполнения этого термина. Дело в том, что со времен Петра I под «просвещением» в России понимали преимущественно просвещение европейское, противопоставляя его доморощенному варварству и необразованности. Интересно пишет об этом современный философ Ф.И. Гиренок: «Просвещение предполагает, что есть знающие и не-

знающие, и знающие просвещают незнающих на том основании, что они много сами думали. Вот этим самодуманием Новое время обрезало свою связь с первобытной мудростью» [5], которой живет дух народа, а значит – и сам народ. Славянофилы взялись восстановить эту связь. И только благодаря им в контекст отечественной философской мысли были введены понятия «древнерусское просвещение», «просвещение России», «просвещение народа» (то есть, просвещение, уже являющееся духовным достоянием России и русского народа). Европейское же просвещение постепенно утрачивает свои привилегии и становится лишь одной из многих исторических форм просвещения. Термину «просвещение» того времени в значительной степени соответствует современное понятие «духовная культура». Но, пожалуй, вполне допустимо и более широкое его толкование. К.М. Антонов отмечает, что славянофилы заложили основы понимания просвещения как «любого единства образа жизни и духовной культуры, характеризующего какую-либо историческую общность» [6].

Глава славянофильского кружка А.С. Хомяков стремился обозначить отличие истинного просвещения (истоки которого сохранились в России) от ложного, одностороннего (преобладающего на Западе). Для этого по отношению к последнему философ довольно часто употребляет термин «образованность». Под «образованностью» Хомяков понимает простое «расширение умственного богатства, просвещение же истинное, сверх знания, включает в себе развитие начал нравственных и духовных...». В этой связи мыслитель делает вывод, что «многие люди, лишенные... знания научного, но глубоко проникнутые нравственным светом, ближе к полному просвещению, чем многознающие, но лишенные силы духовной» [7].

Ситуацию в послепетровской вестернизированной России Хомяков характеризует следующим образом: «Тяжело налегло на нас просвещение или, лучше сказать, знание (ибо просвещение имеет высшее значение), которое приняли мы извне. Много подавлено под ним (разумеется, подавлено на время) семян истинного просвещения, добра и жизни». «Книжные», мертвые, чужие знания подавили знание свое, живое, которое из-за этого не может расти и развиваться. Родоначальник славянофильства сетует: «Жизнь-то у нас наша, да ум в ней привозной» [8].

Впрочем, Хомяков вовсе не отрицает необходимости использования достижений европейской «образованности». Славянофильский философ надеялся, что «именно соединение западной «образованности» с русским неразвитым «просвещением» даст возможность пре-

одолеть кризис мировой цивилизации и возродить новую культуру» [9], в чем и заключается великая историческая миссия России.

Из славянофильских авторов особенно много занимался темой европейского и русского просвещения И.В. Киреевский. Отношение европейского просвещения к просвещению России, по Киреевскому – это отношение духовной культуры Запада и Востока во всемирно-исторических масштабах. Мысль славянофилов постоянно стремится от хаоса – к гармонии, от раздвоения – к цельности, поэтому желанным для Киреевского является восстановление «сочувственной взаимосвязи» «образованностей» Запада и Востока, разрушенной, по его мнению, рационализмом. Моментом, обозначившим разрыв Востока и Запада, бывших некогда благодаря христианству единым целым, стало отпадение «латинства» (католицизма) от «вселенской церкви». С тех пор «мир Славяно-православный» и «мир Романо-Германский или Католическо-Протестантский» пошли каждый своим путем, но ни тот, ни другой не могут достичь социального и нравственного идеала. Ф.И. Гиренок пишет по этому поводу: «На Западе остался ум и образованность. На Востоке – чувство и вера. Западу было плохо без чистоты христианского учения. Востоку – без образованности Запада». Киреевский с сожалением констатировал: «Что должно было совершаться совокупными усилиями Востока и Запада, то уже сделалось не под силу одному Востоку, который таким образом был обречен только на сохранение Божественной истины в ее чистоте и святости, не имея возможности воплотить ее во внешней образованности народов». Запад всю свою энергию направил на «земные цели», на развитие материальной цивилизации, а Восток, сохраняя истину христианства, «затворился в монастырях» [10].

Таким образом, главный тезис славянофилов заключался в следующем: культура России принципиально отлична от культуры Европы, потому что отличны их вероисповедания, хотя исток у них и общий. Начала как западной, так и русской образованности до сих пор оставались односторонними, но в будущем необходимо примирить обе образованности, создать так называемое «всечеловеческое просвещение», органически включающее в себя и самые основы христианства, сохраненные в православии, и все подлинные ценности Запада, вписанные в новый социально-политический и духовный контекст.

Литература

1. Самарин Ю.Ф. Сочинения. Т. 1. М., 1877. С. 98.
2. Григорьев А. Развитие идеи народности в нашей литературе со смерти Пушкина // Григорьев А. Собр. соч. Т. 1. СПб., 1876. С. 485.

3. Егоров Б.Ф. Поэзия А.С. Хомякова // Хомяков А.С. Стихотворения и драмы. Л., 1969. С. 28.
4. Шапошников Л.Е. Философия истории ранних славянофилов // Философские науки. 1985. № 1. С. 99-107.
5. Гиренок Ф.И. Патология русского ума. Картография дословности. М., 1998. С. 360.
6. Антонов К.М. Философия И.В. Киреевского: антропологический аспект. М., 2006. С. 25.
7. Ранние славянофилы. Сборник статей. Сост. Н.Л. Бродский. М., 1910. С. 62.
8. Хомяков А.С. О старом и новом. М., 1988. С. 112, 56.
9. Холодный В.И. А.С. Хомяков и современность: зарождение и перспективы соборной феноменологии. М., 2004. С. 133.
10. Киреевский И.В. Избранные статьи. М., 1984. С. 105, 253, 255.

Стенограмма обсуждения докладов¹

Чернышов Ю.Г. Уважаемые коллеги! Мы открываем нашу очередную ежегодную конференцию, которая продолжает традицию, начатую еще в 1996 году. Слово для приветствия предоставляется Евгении Валентиновне Демчик, декану исторического факультета АлтГУ – того факультета, на базе которого всегда и развивалась эта традиция.

Демчик Е.В. Добрый день, уважаемые коллеги! Я рада приветствовать здесь людей, заинтересованных в поддержании демократических традиций, проведении научных дискуссий. Вот эта фотогалерея демонстрирует, что, начиная, как Юрий Георгиевич уже сказал, с 1996 г., поддерживается эта традиция. Действительно, были очень разные времена и разное финансирование, но сегодня, по-моему, аншлаг. Если еще один человек придет, то ему некуда будет сесть. Несмотря на разные обстоятельства, на загруженность, на разные планы и т.д., есть очень большой интерес к тем проблемам, которые сегодня будут обсуждаться. Это очевидно. И не случайно предварительная подготовка, которая велась к данной конференции, вызвала интерес и в других регионах. Тридцать весьма интересных докладов представлено для обсуждения. Мне кажется, уникальность тех мероприятий, в которых мы сегодня участвуем, и в предыдущих, заключается в том, что основу дискуссии составляет взгляд, с одной стороны, междисциплинарный, потому что здесь есть и политологи, и историки, и искусствоведы, и политики, представители администрации и т.д., то есть разный спектр представлен. С другой стороны, всех нас объединяет желание выслушать противоположную сторону. Это то, что составляет основу цивилизованной дискуссии, как она должна вестись, на основе демократических традиций и продолжая эти традиции.

Мне кажется, тема, которая вынесена сегодня на обсуждение - «Современная Россия и мир: альтернативы развития (Россия и Западная Европа: влияние образов на двусторонние отношения)» - весьма показательна. Именно эти проблемы сегодня актуальны. Они обсуждаются на разных уровнях: даже президенты и премьер-министры многих стран участвуют так или иначе в обсуждении той проблемы, которой посвящена данная конференция.

Вам от души желаю творческих дискуссий, обмена мнениями, впечатлениями. А ещё у меня есть такое пожелание, чтобы каждый из вас

¹ Приводится в сокращенном виде. Вступительное слово председателя оргкомитета см. в начале сборника.

рано или поздно имел возможность составить собственное впечатление о зарубежных странах, о которых мы сегодня теоретически будем рассуждать на нашей конференции. Всего Вам доброго!

I секция

Доклад Аршинцевой О.А.

Доклад Курныкина О.Ю.

Доклад Чуваткина Д.Н.

Устюгов А.Н. Меня затронуло сообщение Олега Юрьевича о восприятии исламского мира Западом. Затронуло в том смысле, что я разделил всё сообщение на два аспекта. С одной стороны, я воспринимал это как влияние исламского фундаментализма, как фактора, мешающего развитию исламского мира. С другой стороны, у меня возникает в этой связи вопрос, а так ли это? Или это просто восприятие мусульманского мира? И Олег Юрьевич приводил пример, когда Мурат Хофман, германский посол, принял ислам. Я тоже хотел привести пример, что азербайджанец Ирзабеков, будучи мусульманином, принял православие, и сейчас его книга о современном православии «Тайна русского слова или заметки нерусского человека» пользуется огромным успехом в православном мире. Это такая иллюстрация.

Возвращаясь к проблеме, хотел задать вопрос. В Вашем сообщении это было отражение исламского фундаментализма или более широкое восприятие Запада?

Кругова Н.И. У меня возникли вопросы, суждения по всем трём докладам.

По поводу первого доклада. Об идее о том, что Россия будет формировать свой собственный политический путь, политический облик. У нас, как только возникает вопрос о том, что мы пойдем своим путем, сразу возникают представления о консерватизме, что мы отворачиваемся от Запада, не хотим принимать эту либеральную модель. К сожалению, в устах наших политиков это так и звучит. Насколько я себе представляю, ни один из западных политических философов, политологических экспертов не представляет себе, что Россия будет воспринимать западный путь развития. Что в таком случае можно понимать под неолиберальной моделью развития? И какова возможность неолиберальной модели и возможность России создать свой вариант неолиберальной модели?

Монина Л.В. Насчет самостоятельного пути или самобытного пути России, о котором заявляют наши эксперты. Я хотела бы здесь уточнить, что понимается под «самобытностью». У того же А.Д. Богатурова «самобытность» трактуется следующим образом: речь идет о трезвой оценке возможностей современной России. Ни о какой

самобытности и о том, что Россия пойдет своим путем, в традиционном понимании, речь не идет. Он трезво оценивает возможности России. Он считает Россию слабым государством и продолжающим слабеть по многим параметрам. Считает, что Россия должна трезво оценивать возможности современной России, никаких переоценок там не должно быть, надо на основании этих реальных оценок выстраивать свою политику. Россия должна занять собственную нишу, осознать, что она не может прыгнуть выше своей головы. И у Богатурова нет никаких, на мой взгляд, оценок, что Россия «встает с колен» и т.д. Он просто считает, что Россия в военном, экономическом, геополитическом отношении должна проводить соответствующую политику трезво. Исходя из этого, выстраивать свою внешнюю политику. То есть, у него достаточно прагматичный подход к оценке внешней политики.

Аршинцева О.А. Дополнение по поводу термина, поскольку там звучал термин «неолиберальная модель». Айкенбери пользуется не только этим термином, определяя разницу между американским и европейским вариантами. Он говорит о том, что европейскую модель можно определить с большим акцентом на социальную демократию. Вопрос в терминах, которые в последнее время в оживившихся идеологических дискуссиях употребляет даже весьма продвинутый эксперт, как Бог на душу положит. Терминология – это вопрос обсуждения, а не оценок.

Кругова Н.И. Доклад Олега Юрьевича вызвал у меня несколько вопросов. Первый вопрос про сформированный у мусульманских народов комплекс жертвы, и о том, что причины отставания они традиционно ищут вовне. Насколько мусульманский мир, простых мусульман, вообще интересуется проблема отставания? Для мусульманского мира Запад не является критерием развития. Какое отставание? Эта заявка, как мне кажется, исходит из западного стиля мышления, который нам и позволяет не совсем адекватно воспринимать сам этот мусульманский мир.

И по поводу ещё одного высказанного Вами тезиса, что в мусульманском мире не сложилось западоведение. Оно и не могло там сложиться. Потому что наука как таковая, частью которой является и востоковедение – это есть продукт западной цивилизации. На Востоке другие традиции познания. В этом смысле Вы высоко оцениваете возможности складывающегося течения в науке, которое создается выходцами с Востока, оказавшимися на Западе? С чем Вы связываете эти надежды? В сущности, это просто ещё один вариант западной науки. Все-таки, если говорить о реальных победах Запада в мировом масштабе – что не подлежит сомнению, я думаю, так это научное про-

странство. Наиболее свободно оно реализуется представителями Востока, оказавшимися на Западе. Вопрос сводится к следующему. Как Вы считаете, что-то хорошее можно ожидать от развития научных тенденций в странах, которые входили в состав Советского Союза? Ведь там были созданы мощные научные институты, центры, университеты в период советской власти. И после развала Советского Союза, у нас было много сообщений, что эта научная элита оказалась там невостребованной, и нужно было отказываться от собственных научных тенденций, переходить на сторону власти и т.д. Что-нибудь там происходит, на Ваш взгляд, можно ли там чего-то ожидать?

Кругова Н.И. Вопрос Дмитрию Николаевичу Чуваткину. У меня вопрос возник в связи с началом Вашего выступления, когда Вы говорили о внешнеполитических, военно-политических целях, которые ставит перед собой военное руководство, как я понимаю. У Вас прозвучала такая цель: предотвращение появления режимов в соседних странах, опасных для России. Неужели Россия может ставить на самом деле такую цель? Каким образом Россия может не допустить появления таких режимов? Военным путем предотвратить?

Аршинцева О.А. Вопрос Дмитрию Николаевичу. Вопрос достаточно конкретный, связанный с Вашим взглядом на некую корреляцию, присутствует ли она, и если, да, то, коротко, в чем выражается, между концепциями национальной безопасности РФ? Как известно, они претерпели довольно заметную качественную эволюцию и содержательно, в первую очередь. Можно ли говорить о том, что военная доктрина эволюционировала синхронно, параллельно, коррелировалась с концепцией национальной безопасности? И связанный с этим вопрос. У Вас звучали тезисы об относительности силы. Насколько этот тезис подтверждается современной практикой в отношении военной силы? То есть, она относительна? И если говорить о границах военной силы, например, Соединенных Штатов, есть ли реальные ограничители или она может оцениваться как абсолютная?

Бармин В.А.: Вопрос к Курныкину О.Ю. Скажите, термин «отставание» универсален в применении? «Отставание» звучит очень странно, когда мы говорим об исламском мире. Потому что есть Пакистан с ядерным вооружением, есть не бедная Саудовская Аравия и т.д. С другой стороны, сам исламский мир – это многоцветный ковер, и в отношении к Западу там огромный разброс мнений.

Вопрос к Чуваткину Дмитрию Николаевичу. Скажите, пожалуйста, наша военная стратегия, о чем говорила Ольга Алексеевна, она вообще учитывает соотношение сил каким-то образом? Потому что два американских авианосца перекрывают весь военно-морской флот России.

Военный бюджет Турции чуть не равен бюджету РФ. То есть, когда мы говорим, сопоставляем, противопоставляем, сравниваем, это учитывается или нет, потому что это принципиально важно с точки зрения того, что происходит в мире.

Козулин В.Н. Олег Юрьевич, в какой мере эти стереотипы Запада в отношении мусульманского мира, на Ваш взгляд, характерны для России? Как Россию воспринимают в мусульманском мире? Как Запад или что-то особое?

Горбелева Е.А. Вопрос к Курныкину О.Ю. В конце выступления Вы говорили о том, что все-таки стоит надеяться, что христианский и мусульманский миры поймут друг друга с течением времени, придут к какому-то консенсусу и будут мирно уживаться друг с другом. В свете последних событий, которые произошли в Америке накануне 11 сентября этого года, когда несколько пасторов на всю страну заявили, что хотят сжечь Коран. При этом позиция американского правительства не была четко сформулирована и носила лишь рекомендательный характер. Я хотела спросить, как можно расценивать это событие и стоит ли считать его провокацией?

Ответы

Курныкин О.Ю. Я сразу хочу сказать, что мое сообщение было в некотором роде провокационным, и я своей цели добился – вопросов много.

Я, когда работал над этим текстом, осознавал, что не смогу в полной мере осветить заявленную проблематику. Поэтому концентрировался в основном на освещении стереотипного восприятия мусульманами Запада. Вообще, стереотипы – это удивительная вещь. Они обладают способностью самоутверждаться, когда их проговариваешь. Я даже опасался, что своим выступлением буду способствовать ещё большему утверждению этих стереотипов не только в мусульманском, но и в нашем обществе. О чем идет речь? Речь идет о том, что я здесь говорил о восприятии Запада в массовом сознании арабомусульманского сообщества. Массовое сознание всегда стремится к упрощенному мировосприятию. Оно не терпит каких-то сложных конструкций. Чем проще та или иная идея, тем быстрее она проникает в глубинные слои общества. Поэтому речь в данном случае, я ещё раз повторяю, лишь о массовом сознании, которое склонно к упрощенному восприятию. Конечно, в своем выступлении я не мог осветить полный спектр представлений мусульман в отношении Запада.

Что касается проблемы отставания. Действительно, непростая проблема. Проблема критериев, оценок, ценностей, на которых построено то или иное общество. Это все понятно. Вместе с тем, мне кажется,

все-таки мы должны несколько «приземлять» этот вопрос. Можно много рассуждать о духовных ценностях, но есть вещи, которые очевидны. Если человек беден, то при всей своей духовности он осознает свою бедность своего обыденного существования (если это не осознанный выбор аскета). Он пытается вырваться из определенного круга тех жизненных обстоятельств, в которых находится. И когда мусульмане сравнивают свою жизнь с жизнью в западноевропейских странах, то проблема отставания становится очевидной, и это находит отражение в том, что миллионы из них стремятся мигрировать, прежде всего, на Запад. Проблема исторического отставания мусульманского мира не нова. Она начала осмысливаться, проговариваться ещё турецкими реформаторами XIX века. На протяжении последних двух столетий, по меньшей мере, мусульманский мир видит, что Запад, при всей его «религиозной неправоте», скажем так, идет вперед. Пусть это будет лишь сфера материальная, военно-техническая. При этом мусульмане убеждены в религиозном превосходстве ислама. В этом как раз и заключается источник внутреннего дискомфорта для мусульман. Полагая, что их религия самая совершенная, они видят, что другие регионы мира за пределами исламского ареала живут лучше, материально богаче. Теперь уже не только Запад, но и конфуцианский Дальний Восток опережает мусульманский мир.

Я сознательно оставил в стороне вопрос о многообразии мусульманского мира, о культурно-религиозном своеобразии арабского ислама, тюркского ислама, есть индонезийский или малайский варианты, ислам Индостана. Понятно, что разные мусульманские страны по-разному продвинулись в своем развитии, что в монархиях Персидского залива, по сути, воссозданы реалии «1001 ночи». С другой стороны, является ли эта модель, которая воссоздана в нефтедобывающих арабских монархиях, примером для других стран мира? То, что создано в странах Персидского залива – это нефтедоллары и труд гастарбайтеров (пакистанцев, индийцев), которые воссоздают эту сказочную красоту. Эта модель просто не может воспроизводиться в других условиях. У большинства мусульман наблюдается внутреннее ощущение неустойчивости, дисгармонии. Это как раз и порождает исламский радикализм. Думаю, что проблема отставания реальна для большей части населения мусульманского мира при всем многообразии этого мусульманского сообщества.

Что касается России. Россия воспринимается в исламском мире в зависимости от ее позиции по конкретным, существенным для мусульман вопросам. С обеих сторон здесь проявляется прагматический подход. Россия пытается сыграть на противоречиях между Западом и

мусульманским миром. Мусульманский мир, в свою очередь, использует Россию в своих интересах. Я не уверен, что Россия в долгосрочном плане приобретет очки в этой игре. Мне кажется, что игра России по иранскому вопросу – не самая мудрая политика. Россия вряд ли сумеет стать стратегическим партнером для мусульманского мира (хотя в отношении отдельных мусульманских стран это возможно, исходя из прагматических взаимных интересов, достаточно упомянуть постсоветскую Центральную Азию), но она может сохранять с ним добрые отношения. К этому и надо стремиться.

Что касается сжигания Корана в Соединенных Штатах. Конечно, это провокация. Это был не самый умный шаг. Я как раз говорил о том, что роль символических жестов в ситуациях, чувствительных для религиозного сознания, крайне важна. Здесь нет необходимости давать пространные комментарии, но это пример того, как немногие не очень мудрые люди способны нанести большой ущерб.

По поводу научных центров в странах Центральной Азии. Я не большой эксперт в этом вопросе и не могу детально отслеживать эту ситуацию, но по каким-то отдельным контактам и впечатлениям о поездках в регион можно составить какие-то представления по затронутому вопросу. После раздробления некогда единого советского образовательного пространства в центральноазиатских республиках произошло снижение и качества образования, и научных исследований. Эти страны переживали этап становления суверенной государственности, и перед историками была поставлена совершенно конкретная политическая задача – воссоздание национальной истории в интересах становления национального государства. Это был болезненный процесс со своими крайностями. Конструирование «национальной истории» могло происходить лишь в условиях «отталкивания» от России. Поэтому антироссийская тематика и проблематика стала весьма явственно ощущаться в работах многих местных историков и даже в учебниках для средней и высшей школы. Но этот период, как представляется, подходит к концу, и сейчас там ощущается заинтересованность в сотрудничестве с российскими историками. Думается, что именно в воссоздании единого образовательного и научного пространства сейчас заинтересованы все стороны.

Аршинцева О.А. Можно короткую реплику. Я сняла внешнее впечатление на 40-летию Института всеобщей истории. Там было много представителей из бывших советских республик и не только азиатских. Что там отнести за счет правил протокола? Во всяком случае, возникало ощущение, что они очень искренне говорили о том, что у

нас есть опыт сотрудничества, и его надо развивать. Впечатление было достаточно оптимистичное, на уровне субъективного взгляда на вещи.

Чуваткин Д.Н. По первому вопросу соглашусь, что выглядит немножко угрожающе, но ни в коем случае, конечно, не с применением военной силы решать. В большей степени это касается угроз таких, как националистические настроения, ксенофобия, массовая миграция и т.д. Наверное, я убрал бы вообще «развитие агрессивных политических режимов», заменил на «угрозу от транснациональной организованной преступности вблизи границ РФ».

Что касается вопроса о стратегии национальной безопасности до 2020 г. В ней достаточно широко обозначены все угрозы и вызовы, которые стоят перед страной. Но, в то же время, нет четкой фиксации категорий «друг» и «враг» в лице конкретных государств. У нас определяются какие-то «критерии риска», которые потом могут перерасти в военную опасность и в непосредственную военную угрозу. Если проанализировать высказывания российской и западной прессы о стратегии национальной безопасности до 2020 г., то, конечно, мнения расходятся. Одни российские политологи считают, что это очередная смена документа, а другие видят угрозу США и НАТО.

Вопрос о военно-промышленном комплексе. Об этом даже страшно говорить, потому что ситуация с неудачами серии запуска ракет, и, в целом, с военно-промышленным комплексом — это отдельная тема для разговора. Скажу из опыта работы с военными людьми, что у многих курсантов, с которыми я работаю, совершенно отсутствует нравственно-патриотическое воспитание. Они рождены в начале 90-х гг. и получается, что это — люди без Родины, как мы их называем. У них не привиты чувства ни патриотизма, ни страдания за свою Родину. По большому счету, любой военный человек должен быть готов к войне. Сейчас такой готовности спасать, в случае необходимости, Родину, у многих курсантов нет. По сути, это большая проблема, не говоря уже о вооружении. Всё настолько устаревшее, что говорить о гарантии безопасности сложно.

Сейчас началась кампания придания нового облика вооруженным силам, но это, конечно, не решит всех проблем. Серьезная проблема и в реорганизации армии изнутри, потому что никто не осведомлен. Никакого плана развития вооруженных сил даже на полгода нет. Все-таки я надеюсь, что мы сможем противостоять возможному агрессору не столько за счет ядерного оружия, которое у нас есть, но и за счет новых видов вооружений.

Дитц А.Х. Я хочу сказать, что тема самой конференции интересная и очень актуальная. Действительно, настало время разобраться в

том, что собой представляет наша Россия, какие у нее реальные пути, чтобы выбраться из этого застоя, в котором она находится не одно десятилетие. Как мир на это реагирует, какие взаимоотношения с Западом, мусульманским миром и т.д.?

Первые три сообщения были очень интересны, но у меня как у прагматика есть собственные взгляды, которые, с точки зрения научного подхода, несколько упрощенные.

Взять взаимоотношения, допустим, между Россией и США. Здесь, на мой взгляд, проблема была, есть и будет ещё долгие годы. Как бы эксперты ни оценивали взаимоотношения между этими двумя странами, я думаю, большинство из них скорее зарабатывают деньги. Из мнений тех экспертов, которых сегодня обсуждали, я ничего научного не вынес. США, на мой взгляд, как были на протяжении нескольких веков агрессорами, так и в XXI в. остаются. Там меняются президенты, меняется политическая элита, но в целом политика, особенно внешняя, остается на прежнем уровне. У меня по отношению к политической элите США критическое отношение, начиная с периода последнего десятилетия. Разгромили Югославию, и никакой ответственности не понесли. Захватили Ирак, и не смогли доказать, что они правы. Пришел новый президент, были надежды на изменение, но, наблюдая за его деятельностью, не вижу, чтобы Америка повернулась лицом к России. Она по-прежнему отстаивает свое право на первенство в мире. США в глазах России вызывают тревогу и опасение.

Россия в глазах США как ласковая собачка. Не будь сегодня у России огромных запасов природных ресурсов, которыми мы торгуем налево и направо, проблем бы у нас было больше.

Больше мне понравилось выступление Олега Юрьевича. Я хочу подчеркнуть, что мусульмане сами виноваты в том, что они отстают, что они беднее других. У них это заложено в Коране, в их религии. Потому что женщины у них, как правило, не работают. У них много детей. Это создает проблемы бедности. То, что радикальное течение ислама стремится к мировому господству, это отрицать нельзя. И сегодня Европа пожинает плоды засилья мусульманских народов, которые переселились в Европу. Надо менять им свое отношение к внутренним проблемам.

Что касается выступления Дмитрия Николаевича. Безусловно, мы проигрываем США и НАТО в военном плане. Мы должны постоянно искать такое взаимодействие, чтобышний раз не напрягать ни США, ни НАТО. Это создает определенные трудности и для страны, и для народа, в целом. Военные бюджеты наши не сравнимы, и сколько

бы мы ни проводили учений, вряд ли они пригодятся в современной войне.

Курныкин О.Ю. По поводу того, что мусульмане сами виноваты в своей бедности. Коран не помешал арабам создать блестящую цивилизацию времен Арабского Халифата тогда, когда Европа была нищей и бедной. Поэтому в реальности это сложнее.

II секция

Доклад Бетмакаева А.М.

Монина Л.В. У меня сложилось впечатление, что в Холодной войне в сфере культуры участвовали две стороны: Европа, в широком смысле, и Америка; и что американцам пришлось завоевывать европейцев, европейские умы. Здесь нет идеологической подоплеки?

Бетмакаев А.М. Завоевать влияние экономическое и политическое оказывалось проще, чем сломать предубеждения. У многих ученых, которые уехали в Америку в 30-е гг. и которые участвовали в различных научных американских проектах, было очень серьезное предубеждение против американцев. Они считали, что американская наука никакая. Их встретили с распростертыми объятиями, устроили им очень красивую и комфортную жизнь, и изменили им представления, что Америка – это часть европейской цивилизации. И уже потом эти новые американские ученые сыграли роль в науке, то есть, по сути, произошел реэкспорт европейских идей.

Американцы очень опытно сыграли еще на одном поле. Вы, наверное, обращали внимание, что сталинский художественный стиль – это классицизм. То есть классицизм – это хорошо (музыка, архитектура и т.д.). Американцы как раз сыграли там, где мы могли бы быть первыми – авангардизм 20-х гг. У нас были гонения на авангардистов. Американцы специально выделяли деньги на развитие авангардного искусства. Так получилось, что для Европы американская живопись во второй половине XX в. стала определяющей.

Курныкин О.Ю. В докладе Вы упомянули «джазовую дипломатию» американцев. Можно ли говорить о том, что в Советском Союзе была своя «балетная дипломатия» и насколько эффективно использовалось это культурное наступление?

Бетмакаев А.М.: Это хороший вопрос, потому что я вспоминаю, что была не только «балетная дипломатия», но сюда надо включить исполнителей, например, Кубанский народный хор и т.д. Опять же акцент делался на народное искусство, классическое искусство. Мы никогда не экспортировали наших эстрадных исполнителей. А если говорить о наших балетных исполнителях, то некоторые просто бежали на Запад.

Чуваткин Д.Н. Алексей Михайлович, а телевидение наше в том формате, в котором оно сейчас существует, позволяет сделать вывод о том, что перевес оказался на стороне Соединенных Штатов?

Бетмакаев А.М.: Президент у нас какую музыку слушает? Хотя Deep Purple – это, конечно, английская группа.

Гончаренко А.И. Спасибо за Ваше интересное выступление. В связи с этим мнение. Видимо, не только в период Холодной войны использовалась культура как оружие, если так можно выразиться. Сюда можно отнести и научные достижения, и космонавтику, и спорт. Можно сказать, что период Холодной войны – это была война умов, искусства, мускулов, то есть по всем фронтам шла борьба. Каково Ваше мнение, Советский Союз проиграл на всех направлениях?

Бетмакаев А.М.: Смотря как оценивать. Если оценивать с точки зрения какой-то мифологии, то какие ценности сохранил Советский Союз? Сильные его позиции в каких ценностях были? Сами как думаете? Если эти ценности и сейчас сохранили свое значение для нас, то тогда ещё Советский Союз остается с этими ценностями. Если только массовое сознание. У вас нет ощущения, что мы выиграли войну две недели назад? В следующем году мы опять полетим в космос. То есть, отсутствие новых мифов и возвращение к старым.

Устюгов А.Н. У меня мнение, одновременно вопрос и размышление о термине «культурная Холодная война». Если мы обращаемся к войне, то это сопровождается определенным насилием и влиянием. Что касается культурного начала, то оно созидательное, а не разрушительное, не воинственное. В данном случае речь, может быть, идет о влиянии, о культурном влиянии, а не о войне? Что касается войны, то это набор идеологических стандартов, идеологических клише, в конце концов, какая-то провокационная, информационная война. Что касается Ваших примеров, «джазовой дипломатии», Кубанского народного хора и др. – это не война, а влияние. С культурой нельзя воевать.

Бетмакаев А.М.: Это и есть завоевание.

Курныкин О.Ю. Гастроли наших артистов на Запад всегда готовились как военные операции.

Бетмакаев А.М. Да, действительно, там всегда был сотрудник органов, который обеспечивал идеологическое прикрытие.

Гончаренко А.И. Те лица из плеяды артистов, которые оставались на Западе, они расценивались как военная добыча или как?

Бетмакаев А.М. Пропагандистки, конечно, как военная добыча.

Кругова Н.И.: Когда мы говорим о культурной Холодной войне, всегда нужно разграничивать саму культуру как особое пространство, и пропаганду и идеологию. Конечно, пропагандисты не упускали слу-

чая, они следили за этим. Но нельзя этих людей, которые там оставались, называть марионетками, которых легко можно было куда-то заманить.

Ещё я хочу привести пример из своей жизни по поводу культурной войны. Я знаю одну женщину, ей сейчас 84 года. В войну она была подростком. Она осталась сиротой, и рано пошла работать на военный завод. Все эти трудности она пережила. После войны, как я её уже помню – это 50-е, 60-е гг. – она работала в обкоме партии. Была очень правильная, никогда ни в чем не сомневалась. Она считала, что выше американского кино нет ничего. Когда война закончилась, были трофейные фильмы. Она собирала все материалы об американских кино-артистах и была высочайшего мнения об этих фильмах без какой-либо идеологической подоплеки. Причем, на самом деле, были прекрасные фильмы. Я думаю, что через эти фильмы реализовывались какие-то её мечты, ожидание свободы, что было недоступно в войну.

Доклад Козулина В.Н.

Гончаренко А.И. На Ваш взгляд, спустя столетие, если бы Джером опять попал в Россию, он поменял бы свой взгляд на Россию и русских?

И второй вопрос. Как Вы думаете, это наша колея и все, или есть возможность из этой колеи выскочить?

Козулин В.Н. Что касается первого вопроса, то, наверное, многие иностранцы, которые бывают в России, точно так же её описывают. Очень много похожих оценок, что касается коррупции и т.д.

Что касается колеи, то это философский вопрос. Я бы хотел быть оптимистом в этом отношении. Я не считаю, что все предначертано как в судьбе одного конкретного человека, так и в судьбе стран и народов. У России всегда были такие развилки в истории, когда она могла выбрать либо одно направление, либо другое. Очень часто она шла по неправильному направлению, с точки зрения, например, либералов. С другой стороны, мне кажется, что не все потеряно сейчас для России. Все же мы идем по пути развития гражданского общества, потому что объективно в XXI в. гораздо меньше возможностей для создания и удержания таких режимов, какие были в николаевской России, России времен Николая II, которую описывал Джером. Конечно, сейчас не то время, и нельзя сгущать краски, нельзя драматизировать ситуацию, несмотря на то, что много сохраняется негативного, например, коррупцию мы изжить так и не можем. Мне кажется, что общество должно быть более активным, тогда мы сможем поднять и изменить ситуацию в России.

Устюгов А.Н. Кроме России и Англии очерки Джерома где-то ещё издавались?

Козулин В.Н. Да, конечно, во всех странах. Я читал энциклопедические статьи о нем, он был не самым, может быть, выдающимся писателем, но, тем не менее, его издают до сих пор большими тиражами в разных странах мира. Он очень читаемый автор. Но любили его больше всего в России.

Горбелева Е.А. Вы много говорили о Джероме К. Джероме, как он писал о России. У меня такой вопрос. Я не услышала в Вашем докладе, как Джером К. Джером отзывался о российских царях того времени, о российской власти, поскольку очень часто первые лица государства олицетворяют и образ страны.

Козулин В.Н. Никак не отзывался он о русских царях, его, наверное, это мало интересовало. Он встречался с русскими людьми, с царем он не встречался, в планы его это не входило. Он был совершенно демократическим человеком, далеким от двора, от всех церемоний и т.д. Он единственно упоминает о Петре I, что тот зря создал Петербург на болоте. Больше никакого царя он не упоминает.

Доклад Митяевой Ю.А.

Доклад Вакаловой А.Ю.

Доклад Кротова А.В.

Кругова Н.И. Сначала по выступлению Александра Викторовича. У меня один комментарий и вопрос. Вы упомянули о том, что среди факторов, которые могут способствовать созданию положительного имиджа, есть языковая и этническая близость. На чем Вы основываетесь? Дальше Вы приводите китайскую пословицу. На самом деле, есть такая наука – биоэтика – там отмечается, что у нас на уровне инстинкта существует настороженность по отношению к близким нам, допустим, в этническом плане, и напряженность. Я читала не раз, что, на взгляд европейца, очень большой толерантностью отличаются японцы, что они так доброжелательны к европейцам, что они совершенно не отличаются ксенофобией и т.д. А ведь очень не любят китайцы и японцы друг друга. Они толерантны к европейцам, потому что нет опасности поглощения. А настороженное отношение к русским наблюдается на Украине, например. Потому что слишком близки. Большой русский этнос может угрожать Украине поглощением. Вообще о том, что этническая близость – это положительный фактор, этот тезис должен быть поставлен под вопрос.

По поводу Армении. Вы говорите, что Вас удивляет, что там было более недоброжелательное отношение, чем можно было ожидать. Не следует ли это связывать с присутствием наших войск в Армении, ко-

которые там в связи с Карабахом? Эти сведения у меня, конечно, частного порядка, но мне приходилось слышать, что наши военные там так себя ведут: они осознают необходимость своего присутствия и что бы они там ни делали (в ресторане столы перевернут, витрины разобьют), им все прощается, лишь бы они не уходили. Откуда там может быть положительный имидж России?

Еще я хотела бы обратиться к Вакаловой А.Ю. Вы упомянули в своем выступлении, что пользовались текстами, уже переведенными на русский язык, так как не очень доверяете себе. Это совершенно не принято в науке – пользоваться переведенными текстами. Вы говорите, чтобы не допустить погрешности и оплошности. Пользуясь переводом, Вы уже обрекаете себя на то, что кто-то уже сделал какую-то погрешность, и Вы за нее не отвечаете. Если пользуетесь оригиналом, Вы добиваетесь наиболее адекватного восприятия.

Аршинцева О.А. Вопрос к Вакаловой А.Ю. Влияние французского контекста. Когда представители молодого поколения арабских общин начали жечь автомобили, как-то это скорректировало восприятие французских СМИ?

Комментарий по поводу последнего выступления (Кротова А.В.), сопряженный с вопросом. Конечно, хотелось бы уточнить понятие «Западная Европа», поскольку Вы специалист-географ. Если говорить об эволюции этого понятия, то на протяжении даже последних десятилетий, конечно, эта эволюция очевидна. Потому что Западная и Восточная Европы в рамках биполярной системы – это одно геополитическое определение, географическое и региональное – это другое и т.д.

Комментарий короткий. Конечно, не атрибуты, а духовная наполненность дает содержание образу. Можно сколь угодно красных дорожек расстелить, но если представить уровень мирового кинематографа, который так блестяще представлен в Каннах, то никакого символического значения это иметь не будет.

Курныкин О.Ю. Возвращаясь к французскому контексту этих событий. Мне приходилось встречать мнение о том, что французские СМИ с большей пристрастностью отнеслись к чеченским событиям, чем в других европейских странах, и что это связано с неизжитым до сих пор во французском сознании алжирским синдромом. Проводится ли какая-то параллель во французских СМИ между событиями в Алжире в свое время и в Чечне, и проявляется ли это каким-то образом в оценках того, что происходило в России в действиях России в Чечне?

Гончаренко А.И. Вопрос к Вакаловой А.Ю. Я согласен с тем, что преподносить мнение уже переведенного материала – это не совсем

правильно. Хотелось бы услышать мнения французов, а не тех, кто переводил. Это один момент.

Второй момент. У меня сложилось такое впечатление, что у Вас обида на французские СМИ, что они очернили Россию и Путина, что они не правильно поняли политику Владимира Владимировича и очернили нашего небожителя.

Что касается Юлии Андреевны, может, я ошибаюсь, но я не соглашусь с тем, что Вы сказали о том, что, прежде чем заниматься имиджем, нужно сначала удовлетворить социальные запросы населения, а потом думать об имидже. Эти все вещи должны идти параллельно. Это нужно понимать и, к сожалению, не всегда есть специалисты в тех или иных областях. С виноградом это было, конечно, что-то похлеще, чем у Никиты Сергеевича с кукурузой. Что, Алтайский край собирается тягаться на тех рынках, где другие страны веками торгуют вином и т.д.? У меня такое ощущение, что ребятам просто хочется куда-то съездить. Может, этот пример и требует какого-то научного изыскания с позиций людей, занимающихся историей, но, мне кажется, это мимолетное действие, которое и не требовало серьезного изыскания.

Интересно, как всегда, выступал Александр Викторович. Все старания ученых о том, чтобы как-то Россию позиционировать, как ту невесту, более приукрашенной, перед западным миром, рушатся о то, что сваты в лице правителей рушат все своими действиями.

Горбелева Е.А. Вопрос к Вакаловой А.Ю. Хотелось бы узнать, как Вы разделяете официальные или неофициальные СМИ, региональные или федеральные издания?

Второй вопрос. На протяжении 2000-2007 гг. менялось представление французских СМИ о чеченской войне или они просто осуждают и все?

Чуваткин Д.Н. У меня свой взгляд на чеченские конфликты, в большей степени, с профессиональной точки зрения, чем с научной, потому что в свое время принимал участие в спецоперациях, в освобождении заложников в Норд-осте и др. Для меня все эти конфликты характеризуются только как контртеррористическая операция или установление конституционного порядка, а не как ни война. Согласен, конечно, с тем, что в начале 90-х гг. очень серьезная ответственность лежала на руководстве страны, потому что никто не был готов и даже не знал, что делать с этим режимом Дудаева. И сама по себе та операция, которая проводилась в начале 1991 г., подразумевала просто свержение этого режима, но никак не затягивание войны. Тем более, что не готово было к такому повороту событий руководство страны, и воен-

ные тоже были не готовы. Поэтому получилась у нас такая парадоксальная ситуация: завязывание войны, незнание, в каких направлениях её вести и т.д.

Последующая, как чеченцы сами выразились, «позорная капитуляция войск». После этой капитуляции, как мы знаем, установились шариатские суды в Республике, людей расстреливали за какие-то незначительные преступления. Все это транслировалось. То есть, я не считаю, что все-таки, как утверждают французы, необходимо было вести политический диалог с Чеченской Республикой.

Есть определенная информация из Федеральной службы безопасности о том, как рассматривалась Чеченская Республика после того, когда она отошла бы от России. Чечня, Дагестан, потом Халифат должен был там создаться, то есть возникал центр подготовки радикальных исламистов. Серьезный вопрос и, конечно, можно понять французские СМИ, которые спихивают неудачи почему-то на Путина, а не на неудачи Ельцина. По крайней мере, то, как сейчас живет и выглядит Чеченская Республика, намного отличается от той проблемы, которая стоит в Дагестане. Я считаю, что там какими-то усилиями порядок конституционный наведен, потому что и войска уже выводят, и нет необходимости участия внутренних войск в обеспечении безопасности на территории Чеченской Республики. То есть они теперь справляются сами.

Митяева Ю.А. Отвечая на Ваш вопрос по поводу задач имиджа. В первую очередь, это так, как видит краевая власть эти задачи. Им нужно казаться хорошими перед федеральным центром, прежде всего. Юрий Георгиевич не раз говорил нам эту фразу, что «надо быть, а не казаться». И быть надо, в первую очередь, не для федерального центра, а для населения.

Вакалова А.Ю. Еще раз уверяю Вас в том, что язык мой - враг мой. Насчет перевода небольшой комментарий. Я боюсь, что мы друг друга неправильно поняли. Для составления общей статистики, конечно, был использован французский материал. Абсолютно все статьи были прочитаны мной на французском языке, потому что я не для того год учила французский, чтобы читать переводы. Переводы я делала, в том числе, и сама. Но, на мой взгляд, мой уровень знания языка не позволяет делать это профессионально, поэтому я делала переводы с помощью моего учителя французского языка. В списке литературы, которой прилагается к данной работе, французские источники. Но дело в том, что те примеры, которые я приводила, были взяты с официальных переводов. Этот перевод был принят не только человеком, который переводил, но и редактором того издания, где этот перевод составлял-

ся. Несомненно, у меня существуют два издания – русский и французский текст, и перед тем, как взять официально принятый перевод, который публиковался, я его сравнивала с французским оригиналом. Примеры из этих переводов я использовала в главе второй данной работы. Там шло изучение чеченского конфликта как политического нарратива. Я надеюсь, что мы все друг друга поняли.

Хочу перейти к следующему вопросу по поводу литературы. Мной были использованы статьи и источники 2007 г. Почему? Потому что, к сожалению, оригиналы французских изданий достать нельзя, и подшивки специальной у нас нет. Я пользовалась архивом изданий, которые хранятся на сайтах. Но, к сожалению, на сайтах архивы сохранены только с 2000-х гг. Поэтому получился такой своеобразный период – с 2000 по 2007 гг.

По поводу отношения к конфликту на протяжении этого периода. Я бы не сказала, что отношение менялось, потому что, если следить за периодом публикаций, можно заметить всплеск и спады публикаций на данную тему. Всплески, как правило, характеризуются каким-нибудь терактом, который происходил на территории России или какими-то военными действиями на территории Чечни. Спады характеризуются небольшим «нервным периодом времени».

Что касается моей обиды на французских журналистов за то, что они так несправедливо пытаются очернить господина Путина. Я думаю, что здесь каждый услышал то, что хотел услышать. Я смотрела Вашу газету. Я понимаю, что Вы относитесь к оппозиции и услышали мой такой недовольный тон. Как человек, который стремится к объективности, я не могу себе позволить отдавать предпочтение какой-то стороне, в том числе и обижаться на французских журналистов я не имею права. Я говорю о том, что пишется в газетах, как представляется Путин в этих статьях, как выглядит Россия и т.д. Если Россия выглядит не в очень добром светлом состоянии, мне, конечно, как гражданину данной страны, немного обидно, но я не могу сказать, что я категорически против. На самом деле, журналисты, так же как и любой человек, имеют право на свое мнение. Французские журналисты стремятся к объективности, но существует вопрос, как мы воспринимаем эту объективность. Французы воспринимают Россию через призму очень многих своих догадок, домыслов. Это и политическая ситуация внутри страны, и внешняя политическая ситуация, стереотипы и т.д. Через все эти слои пока информация пройдет, она преобразовывается, и соответственно, человек, который пишет статью, вносит уже преобразованную точку зрения.

Касательно отношения Франции к России в связи с данными конфликтами. Я думаю, что это стоит рассматривать, исходя из конфликта, который у нас произошел в 2008 г. Франция имеет историческую подоплеку отношений с людьми другой религии – арабы во Франции. Арабы во Франции составляют 10% населения. В свою очередь, эта огромная сила давит на правительство. Естественно, если рассматривать это в контексте 2008 г., отнеся сюда же вторую чеченскую войну, то Франция относится к действиям России более сдержанно, потому что она сама находится в таком же положении. От Франции пытается отделиться один регион уже на протяжении многих лет, происходят вспышки, народные восстания, и если Вы когда-нибудь интересовались городом Парижем, то знаете, что в Париже есть район, где живут только арабы. Французы туда практически не заходят, они боятся. Арабское население для Франции – это пороховая бочка, так же как Кавказ, Чечня – пороховая бочка для России. Поэтому здесь идет определенное соприкосновение интересов, и Франция относится с пониманием. Мы все помним, как в 2008 г. нас осуждали, но во Франции особых резких заявлений со стороны правительства было меньше.

Касательно того, что пишут во Франции о Норд-осте и Беслане. Как я уже говорила, это своеобразная точка зрения французских журналистов. Временами я могу с этим соглашаться, могу не соглашаться. Это мое личное мнение. Я соглашусь с человеком, прокомментировавшим сложившуюся ситуацию. Я согласна с этими положениями. Сначала для России это было в новинку – захваты заложников, но во Франции это восприняли так, а не иначе. Критиковать за это французских журналистов мы не имеем права, так же как и они нас.

Кротов А.В. Спасибо за вопросы. По первому вопросу и по первому комментарию. В 2002 г. я защитил диссертацию по сепаратизму, как раз пытался проанализировать эти биологические вещи, близость и дальность народов. Я не увидел хороших работ в биологии, по которым я точно мог бы утверждать, что близкие народы каким-то образом друг друга не любят. Мои личные впечатления по Белоруссии, по Украине: я не видел на Украине нелюбовь к русским. Я Украину всю проехал. Если мы анализируем СМИ и высказывания отдельных людей и некоторые бизнес-интересы, то здесь некоторое напряжение есть.

По Армении. Я специально отметил, что в Армении нас не любят, как вы говорите, за плохое поведение. Но, прежде всего, надо отметить, что благодаря этим офицерам Армения вообще существует. В конфликте вокруг Нагорного Карабаха Россия выступила на стороне Армении. Если бы Россия не поддержала Армению, то она просто бы

не выжила. Я еще добавлю географические моменты. Армения еще почему такие результаты дала, потому что в советский период времени практически во всех столицах союзных республик русских был достаточно большой процент. В Ереване в начале 90-х гг. было всего 0,5% русских, в отличие от других республик. Это особенности. Когда говорят про менталитет и национальные особенности, здесь некоторые факторы рассматриваются отдельными народами через собственные конструкции. Армения выбивается из общей картины в данном случае.

Вопрос по Западной Европе. Да, Западная Европа – это кусочек до Германии, если мы говорим о 80-х гг. XX в. Потом Западная Европа расширяется до современного Европейского Союза. На сегодняшний день к Западной Европе, я думаю, можно отнести Польшу и даже Прибалтику, потому что Прибалтика вошла даже в НАТО. В докладе я говорил еще о Белоруссии, Украине и Грузии, которые стремятся попасть в Европейский Союз. В данном контексте, я не заострял на этом внимание.

III секция

Доклад Козлова В.А.

Доклад Горбелевой Е.А.

Доклад Ильина А.В.

Доклад Кагировой Г.В.

Доклад Широковой М.А.

Гончаренко А.И. На Ваш взгляд, какова роль современных славянофилов, западников в формировании политического курса в России? И подвопрос. Есть господин Сурков, зам. руководителя администрации, на Ваш взгляд, можно ли его отнести к славянофилам?

Широкова М.А. Я изучаю классическое славянофильство, его зарождение в первой половине XIX в., но этот дискурс продолжается и этот спор, очевидно, пока существует Россия, будет продолжаться. Аудитория всегда делится на западников и почвенников. Это характерная особенность нашего сознания. В какой степени это влияет на современный политический курс? Мне кажется, что больше используется патриотическая риторика, но вряд ли это влияет. А то, что тема востребована, да, безусловно.

Рубцов П.В. Конкретизирую предшествующий вопрос. Не кажется ли Вам, что, начиная со славянофилов, у нас продолжается одна и та же совершенно глупая тенденция брать западный термин и наполнять его российским содержанием? Сейчас модернизация у нас. Мы ничего не понимаем в модернизации, но, тем не менее, этот термин используем. У всего просвещенного мира этот термин значит свое. Это значит движение в какую-то правильную сторону. У нас этот термин исполь-

зуется для того, чтобы обосновать свои какие-то пропагандистские штучки. То же самое и славянофилы. Пользуясь западной терминологией («просвещение»), пытались в нее внести некое содержание, которое не соответствует ни российской действительности, ни западной действительности. Не кажется ли Вам, что продолжение этой самой тенденции наличествует в современности?

Широкова М.А. Я не считаю, что эта тенденция глупая, потому что язык науки – это универсальный язык и терминология может использоваться вполне. В тот период, который я изучаю, происходило только становление этого научного дискурса в русском обществе. Я считаю, что славянофилы здесь внесли большой вклад. Наоборот, если бы мы пытались заменить все европейские термины своими, то это был бы какой-то странный партикуляризм в науке. Потом, я не считаю, что просвещение, как его понимали славянофилы, это совершенно другое, чем то, как его понимали на Западе. У них вполне были и прогрессистские настроения, и желание использовать достижения западного просвещения. При этом хотелось добавить что-то свое. Это просвещение дополнило бы, сделало бы его гармоничным и цельным.

Степанова О.В. Я считаю, что классическое славянофильство и западничество – две стороны одной медали. Один и тот же объект они изучали с разными методиками. Можно ли отметить рациональное зерно в этом подходе славянофилов? То, что они заметили реально неглубокое, поверхностное освоение Российской Империей западных идей, может быть, их какое-то искажение через насильственные методы Петра I или впоследствии, когда Екатерина общалась с представителями просвещения, но все это было на поверхностном уровне. То есть, обращение к народной духовности у славянофилов – это есть осознание, что западное просвещение нами освоилось только тонко и поверхностно. В этом, действительно, есть прозрение. Я считаю, что славянофилы, наверное, не отвергали ни прогресса, ни рационального зерна в западных идеях, просто они понимали, что в данном случае эти идеи усваиваются тонкой прослойкой общества и, может быть, являются чуждыми для целого организма всего народа.

Насчет сегодняшних идей славянофилов и западников в политической жизни. Я думаю, что государственная власть у нас жонглирует: то сближаемся мы с Западом, то, наоборот, продвигаем свои суверенные идеи, только исходя из своих интересов. А к идеям философов XIX в. это, наверное, не имеет отношения.

Широкова М.А. В целом, я согласна с высказанным мнением. У славянофилов есть такой мотив, что только поверхностное, некритическое усвоение европейского просвещения у нас произошло, и это тоже

вредно. Но больше всего их интересует, что образованные слои русского общества оторвались от своего народного просвещения, знание о котором нужно вернуть, восстановить. А европейское просвещение в России может быть использовано, даже, может быть, лучше, как они считали, чем на самом Западе, который растерял свои идеалы, и таким образом, стал недостойным их.

Курныкин О.Ю. Вообще, трудно удержаться, чтобы не включить-ся в разговор о славянофилах и западниках – это любимая забава российских интеллигентов, как известно. Вообще, разговоры о спорах между западниками и славянофилами оставляют тягостное ощущение исторической безвыходности. Этим спорам почти 200 лет. У меня такой вопрос. Известны ли примеры из российской истории этих почти двух столетий, когда, следуя рекомендациям и идеям славянофилов, Россия чего-то добивалась для себя полезного?

Широкова М.А. Как проект тактики, действительно, славянофильство не состоялось и это признано всеми исследователями, что русское западничество на практике оказалось более востребованным, более эффективным. Но я считаю, что если оценивать эффективность по тому, какое влияние на практику оказало западничество, то здесь славянофильство недооценено, и в целом, славянофильский модернизационный проект. Не случайно, в настоящее время к русской идее так же часто обращаются, может быть даже из-за того, что она не скомпрометировала себя какими-то практическими ошибками. Поэтому у идей своя жизнь и своя логика развития, я здесь в большей степени оптимист и не думаю, что это создает ощущение безвыходности. Сами по себе спор, дискуссия способствуют приращению знаний.

Кругова Н.И. Меня тоже затронула возникшая дискуссия. Особенно последний тезис Марины Алексеевны. Я хотела бы подчеркнуть, что у идей своя жизнь. Есть пространство политики, и есть пространство науки. Политика дергает из науки все, что ей заблагорассудится.

Что касается славянофильства, я хочу сказать, что это не только не глупо, это находится в пространстве науки. Если говорить о просвещении начала XIX в., то в Европе оно уже ушло в прошлое, и наступила эпоха Романтизма, которая вся обращалась к национальной культуре, к народному духу, национальным особенностям. В этом смысле славянофилы не только не противостояли европейской тенденции, они шли абсолютно в ногу со всеми тенденциями развития этих исторически-философских проблем. Также это развивалось и в Германии, и в Италии, и во Франции. Все обращались к проблемам национальных особенностей и все критиковали Просвещение. Почему мы обвиняем славянофилов, что они были консерваторами и критиковали Просвеще-

ние? Но в начале XIX в. после Великой Французской революции, следовать за Просвещением было бы нелепо.

По поводу поверхностного. Идеи Просвещения были поверхностными и восприняты, поняты и реализованы были в Европе тоже поверхностно. Это все равно не для всех. А мы от народа. Это просто типичная полемика. Конечно, политика все связывает в один узел.

Рубцов П.В. Дело в том, что немцы изобрели Романтизм. Они не стали пользоваться термином Просвещение для того, чтобы опровергнуть само Просвещение. В этом проблема заключается наша, с моей точки зрения, ошибка, что мы наполняем термины несвойственным им содержанием.

Вопрос Кагировой Г.В. Прозвучала фраза, что от семи до четырнадцати поколений сохраняют память. Насколько я читал работы по Метогіа, три поколения для устной исторической традиции – это предел. Три поколения сохраняют, если не записано, устные традиции. Откуда цифры – от семи до четырнадцати?

Кагирова Г.В. Я могу сказать, что от 7 – это Библия, а 14 – естественнонаучные исследования, которые говорят, что признаки сохраняются минимум до 14 поколений. Это признаки генетические. Память иногда сохраняется не из устной традиции, ещё она заложена генетически, проявляется в виде интуиции.

Гончаренко А.И. Вопрос к Горбелевой Е.А. Какой методологией Вы пользовались? Какое количество респондентов было опрошено? Изучалось ли влияние последних информационных войн на изменение восприятия Беларуси?

Ремарка о том, что 75% не имеют никакого общения с белорусами, но при этом они делали свое заключение по украинцам, но там мнение хуже. Может, это связано не с тем, что белорусы лучше украинцев, может, мы просто реже сталкиваемся с белорусами?

Горбелева Е.А. По поводу данных. Представленные мною данные, которые вы видели на слайдах, я взяла из книги З.В. Сикевич. Они проводили исследование среди русских, среди белорусов, украинцев и изучали все эти этнические стереотипы, различное восприятие и т.д.

Что касается методологии. Могу сказать про методы, которыми я пользовалась. Основные методы – историко-сравнительный анализ, метод контент-анализа и некоторые другие.

Что касается вопроса о влиянии информационных войн на восприятие. Безусловно, любые события, будь они положительные или отрицательные, как уже говорилось сегодня, являются маркерами, которые влияют на имидж страны, на образ, на восприятие народов и т.д. Они, безусловно, повлияли на восприятие этими народами друг друга, но,

мне кажется, об этом говорить ещё рано и преждевременно. Если раньше в истории существовал такой тезис, что историю описывали только спустя 50 лет, то здесь, конечно, я не призываю ждать 50 лет, но все равно, какое-то время должно пройти для того, чтобы улеглись страсти, эмоции, и можно было сделать объективные научные выводы. Кроме того, в своем докладе я не ставила целью изучения именно этой проблемы. Но в дальнейшем, конечно, я думаю, к ней вернусь.

По поводу респондентов могу сказать, что погрешность опроса небольшая – порядка 3%. По количеству респондентов точную цифру я не назову, к сожалению, но около 1000 человек было точно. Если интересуетесь более подробными данными, я могу дать ссылку.

Гончаренко Г.А. У меня вопрос к Широковой М.А. Вы говорите, что 200 лет идет соперничество между славянофилами и западниками. Я считаю, что наука должна привносить что-то новое, должны извлекаться какие-то уроки. Какой смысл заниматься одним и тем же в этом болоте, если никаких реальных результатов это не приносит?

Вопрос Кагировой Г.В. Вы сказали о том, что сейчас у нас есть возможность сравнивать, ездить, то есть русский человек изменяется. В чем реальное изменение нашего менталитета?

Широкова М.А. Я не считаю, что это хождение по кругу, и что это болото. Развитие происходит именно там, где есть борьба мнений, в том числе и развитие науки. Конкретным результатом можно считать развитие нашего самосознания, российской идентичности, понятия о том, кто мы есть. Это всегда нас интересовало, и будет интересовать. Более того, эта проблематика обсуждалась, как правильно сказала Наталья Ильинична, во всех странах. Просто у нас, наверное, беспрецедентно долго, и этому придается большое значение. Эта наша особенность умственной жизни, которую уничтожить нельзя. Это тоже надо изучать.

Кагирова Г.В. Что меняется от того, что мы узнаем мир? Меняется, прежде всего, мировоззрение, меняется отношение к другим. Насколько это практично и можно где-то применить? Само общение приводит к тому, что меняется понятие о мире. Появилось понятие толерантности. Сейчас нет такого, что мы не приемлем категорически. Мы можем посмотреть на это с другой стороны и найти точки соприкосновения.

Второе – это наличие контактов со странами, которые раньше были невозможны. Мы сейчас контактируем со странами радикального ислама, мы пытаемся и там найти какие-то точки соприкосновения. То есть, формируется ситуация принятия. То, что произошло в этом году на параде победы, когда приехали лица из Германии, Великобритании,

США, которых вообще многие в стране не хотели видеть, потому что они не пережили такого горя, какое пережили мы. Но мы увидели в этом году ту сторону положительную, что было внесено ими для этой победы. То есть, меняется реальная политика, которая приводит к изменению конкретного мировоззрения.

Чернышов Ю.Г. Вопрос Ильину А.В. Очень интересную тему вы затронули: степень адекватности действий руководства, степень его информированности. Вы говорили о том, что руководители сами не контактировали напрямую на межгосударственном уровне, и информация часто поступала отфильтрованная, идеологизированная, и это приводило к тому, что не всегда были приняты адекватные меры, были совершены ошибки и т.д. Как бы Вы оценили другую сторону, руководство фашистской Германии? Насколько оно адекватно действовало, насколько адекватная информация к ним поступала?

Ильин А.В. Руководством Германии, по сути, был один человек – Гитлер – о его адекватности не только как политика, но и как человека вообще были большие сомнения у многих.

Насчет того, какую информацию он получал. Я думаю, что информация у него была о внешнеполитической ситуации более качественная, чем у Сталина, хотя языками он тоже не слишком хорошо владел. Может быть, в Германии не было такой истории развития пропаганды, идеологизации всех сфер общества, как в Советском Союзе? В Германии это началось в 1933 г., в Советском Союзе это началось практически сразу с приходом большевиков. То есть наша партия в этом котле варилась дольше, образно говоря. Гитлер все-таки больше находился под влиянием своих собственных идей.

Аршинцева О.А. У меня сложилось впечатление, которое легло в основание удовлетворения от работы нашей секции, о том, что мы все вместе в достаточно короткий срок осуществили некий научный эксперимент в обсуждении и представлении докладов. Мы попытались провести некое, достаточно корректное сравнение состояния духовного сознания в исторической ретроспективе по разным поводам, и современного, которое подвержено жесткому влиянию медийного пространства, которое не просто апеллирует к стереотипам, но и очень технологично и интенсивно эти стереотипы формирует. Подчас, нам даже в самих себе трудно эти стереотипы выявить, отразить. Я думаю, что наша конференция скромными, но достаточно интересными усилиями продвинулась в сторону не только опознания этих стереотипов, этих технологий манипулирования нашим сознанием, но и сделала хоть и небольшой, но шаг в сторону свободы духа, в том числе, и самостоятельного мышления.

Ковальчук А.П. Я хотела бы высказаться в защиту гуманитарного образования. Когда я училась шесть лет в университете, тоже были мысли, что я изучаю, зачем, сможет ли это что-то мне дать, насколько это полезно для общества, но, когда я закончила университет и начала работать, я поняла, насколько полезны и насколько интересны мои знания. Это определенный уровень, путевка в жизнь. Образование дает стремление, кругозор, навыки, пусть не такие реальные, как медицинские или технические, но они дают возможность развиваться. Я наблюдала за докладами ваших студентов, и мне было достаточно интересно, о чем задумывается местное научное общество, какие стоят проблемы. Проблемы достаточно интересные. Большое спасибо за доклады.

Гончаренко А.И. Я не первый раз участвую в такой конференции, но хотел бы обратить внимание на несколько моментов. Дело в том, что если мы заявляем определенную тематику, определенную планку, мы должны не исходить из того, что мы физики, медики, и т.д., а исходя из того, что из этой темы мы должны вытащить рациональное зерно, какие есть альтернативы развития. Если мы делаем какие-то исследования о белорусах, украинцах, то мы должны дать достоверные знания. Вот о чем и состоялась небольшая дискуссия для того, чтобы дать знания людям.

Чернышов Ю.Г. Мне кажется, что не столь полезны те конференции, на которых «статусные» докладчики без обсуждения отчитываются для галочки, а те, где есть живой обмен мнениями и содержательная дискуссия. Мы особенно не торопились в этом году и смогли более спокойно обсудить многие проблемы. Это хорошо. Почти половину времени заняла дискуссия.

В целом, для тех, кто, действительно, являются гуманитариями по духу, по стилю, по жизни, по образованию, такие моменты, когда мы можем собраться, своего рода священнодействие. Не хватает, особенно в провинции, таких площадок, где можно хоть как-то соотносить то, к чему приходят те или иные исследователи. Я думаю, что это получилось, несмотря на то, что мы, практически, провели эту конференцию на энтузиазме. Жалко, конечно, что многие гости не смогли приехать, но у нас живет и такая традиция этой конференции, что мы даже своими силами и на энтузиазме можем организовывать интересные дискуссии. У нас было достаточно много разных интересных тем, от восприятия мусульман и до имиджа Алтайского края, были высказаны разные мнения, хотя, конечно, не стоит ставить точки по некоторым вопросам.

О том, насколько должна быть прикладной гуманитарная наука, должны ли мы взять и принять резолюцию для представителей власти,

и станут ли они сразу это выполнять. На самом деле, мне кажется, все несколько иначе. Нам важно сохранить высокий уровень гуманитарной среды, в которой можно серьезно и объективно обсуждать эти проблемы. Когда этот уровень будет высокий, люди, принимающие решения, сами сюда потянутся. Мы им навязать не можем ничего, но даже из престижности, чтобы прикрыться научным авторитетом, они будут терминологию использовать, будут хотя бы что-то учитывать. Так, собственно, и оказывается влияние интеллектуальной среды. Никогда эксперты не руководили принятием политических решений. Всегда принимающий решение считал себя лучше любого философа, любого гуманитария. Это надо учитывать.

В целом, я думаю, у нас получилось неплохое обсуждение, мы все это постараемся издать и надеемся, что наступят лучшие времена, когда мы сможем опять приглашать экспертов, оплачивать им дорогу и т.д.

На следующий год мы взяли тему «Разрешение межгосударственных конфликтов: актуальный опыт истории и современность». Почему это важно? Потому, в частности, что на наших глазах по периметру наших границ периодически возникают конфликты. К счастью, большей частью это не «горячие» конфликты, но все равно это негативный фактор во внешней политике. Полезно посмотреть и на опыт урегулирования таких конфликтов, и на то, какие решения можно порекомендовать в таких случаях. Мы приглашаем всех принять участие. Как обычно, мы планируем начать дискуссию в интернете весной.

Спасибо всем, кто принял участие!

Круглый стол по выборам президента Украины

Ю.Г. Чернышов

В чем особенности украинских выборов?

Я произнесу короткое вступительное слово для того, чтобы обозначить проблему, поставить те вопросы, которые мы хотели бы обсудить. В качестве основного выступающего у нас сегодня Сергей Владимирович Андреев, который самолично участвовал в выборах во время I тура выборов в качестве наблюдателя и привез массу интересных материалов из Украины.

Несколько слов, почему эта тема для нас важна. Сейчас, когда пошли новости о том, что состоится эта дискуссия, на Интернет-сайтах некоторые люди задаются вопросом: «Какая связь между Барнаулом и Украиной? Почему мы должны это обсуждать?».

Дискуссия у нас научная. Мы пригласили сюда членов Российской ассоциации политической науки, отделение которой существует у нас, в Алтайском крае, и объединяет более 30 ученых. Мы пригласили сюда преподавателей университета и наших студентов, которые занимаются, в частности, проблемами новейшей истории и международными отношениями.

Этот сюжет – выборы на Украине – на самом деле интересен для нас и актуален, потому что Украина занимает особое место в мире. Это страна славянская, близкая России по культурным и религиозным традициям. Долгое время она вообще входила в состав Российской Империи и Советского Союза и была частью нашей страны. Она ещё интересна тем, что сейчас она развивается в несколько ином направлении, чем наша страна. Это такая альтернатива развития, такой исторический эксперимент, если хотите. Одни это оценивают негативно, говоря, что нам надо не допустить «украинизации» России. Другие, наоборот, говорят, что это как раз тот путь, которого не хватает России. Сейчас там определённый переходный момент. Сама Украина через выборы намечает дальнейший путь развития. Эти возможные пути развития у неё достаточно хорошо прослеживаются и по её географии, и по истории.

Страна занимает важное геополитическое положение. Для России – это одно из окон в Европу. Она граничит сразу с несколькими европейскими странами. По территории это крупнейшая страна Европы, если не считать, конечно, самой России. То есть, это очень важный игрок, с которым нельзя не считаться.

Сама страна объективно разделена на две основные зоны, их специфика – в особенностях самой экономики и демографической струк-

туры. Крупная промышленность, энергетический комплекс расположены на востоке, а западные области страны во многом остаются сельскохозяйственными. То есть, эти зоны объективно разные. Влияние России в большей степени ощущается на востоке и на юге, там больший процент русского населения, большее влияние русского языка и т.д. Это всё объективные факторы, которые делят Украину на две части, почти равные. Это хорошо прослеживается по результатам голосования. На выборах 2004 г., когда соревновались Ющенко и Янукович, страна разделилась почти по этим же зонам на две части. Запад проголосовал за Ющенко, восток – за Януковича. Если помните, там было оспаривание результатов II тура. Проводили III тур, в результате которого доказали, что были злоупотребления на выборах, и президентом стал Ющенко.

Сейчас ситуация во многом повторяется. Согласно свежим результатам голосования, в 2010 г. наблюдается та же самая картина с небольшим изменением: по западным окраинам Украины некоторые регионы тоже проголосовали преимущественно за Януковича.

Интересны данные, как голосовали украинцы за рубежом. Картинка тоже очень наглядная. В Латинской Америке и Африке украинцев не очень много и голосовали, в основном, сотрудники посольств. А вот Америка, Канада интересны, и интересны, конечно, страны СНГ, где много украинцев. За Тимошенко голосует, в основном, Запад, за Януковича голосует Россия, все страны бывшего советского пространства, за исключением Грузии, которая проголосовала так же, как на Западе. В целом, по статистике, 60% зарубежных украинцев проголосовали за Тимошенко. Довольно интересные данные для размышлений. Здесь, на наш взгляд, скорее можно говорить об определенной цивилизационной ориентации, которая проявляется в голосовании за кандидатов, причем не столько даже за них самих, а за «векторы развития».

Немного об особенностях этих выборов. Сергей Владимирович расскажет подробнее, но я обратил внимание на то, что очевидцы, которые пишут сейчас в блогах свои впечатления из Киева, говорят, что там нет той эйфории, которая была в 2004 г., когда на Майдане собирались простые граждане, пели песни, так всё было мирно, никто не дрался, и был какой-то энтузиазм и надежда на то, что происходит бархатная революция, что старая власть, надоевшая, уйдет, и люди заживут хорошо. Сейчас такой эйфории нет. Сейчас много скептического и критического отношения. Новое то, что многие ключевые места в Киеве заняли крепко сколоченные ребята в физкультурных костюмах, которые приехали с востока Украины и своим видом они показывают, что не дадут снова оспорить результаты выборов, не дадут

провести новый Майдан. Это хорошая иллюстрация к тому, как делается реальная политика. То есть, голосование голосованием, но нужна ещё какая-то сила, которая бы давила на Центризбирком, на парламент и т.д. в тех или иных целях.

Ситуация, на самом деле, сложная, потому что передача власти пока под вопросом. Последнее заявление Тимошенко говорит о том, что она не намерена признавать результаты выборов, так как разрыв между кандидатами составляет всего 3 с небольшим процента, и она говорит, что это может быть результатом каких-то подтасовок и будет подавать в суд и т.д. То есть, Украине предстоит ещё долгое разбирательство по этому поводу. В связи с этим хотелось бы поставить следующие вопросы для обсуждения:

1. Была ли избирательная кампания на самом деле с большими нарушениями и есть ли основания для оспаривания результатов этих выборов? В чем особенности этой кампании?

2. Что ждать от Януковича? Какие изменения на Украине произойдут? Высказываются версии, что Янукович станет вторым Лукашенко. Что это значит? Это значит, что во внутренней политике он будет проводить более авторитарную политику, а во внешней – заигрывать с Россией, выключивать деньги, но при этом ничего в обмен не давать. Ещё высказывают мнение, что Украина, на самом деле, повторяет тот путь, который прошла Россия в своё время, и сейчас она находится в нашем 1996 г., когда были президентские выборы, но только Россия тогда продавала кандидатуру Ельцина, хотя побеждал, по некоторым данным, Зюганов, а Украина получила то, что получила. И вот, что лучше? Либо, даже если народ «не прав», дать народу убедиться в правоте своего выбора, либо элита сама решает, какой результат должен быть, и дальше идут всякие преемники, которые уже особо не зависят от волеизъявления народа?

Вот вариант российский и вариант украинский. Здесь есть свои плюсы и минусы. Я думаю, что здесь есть, что обсудить. Здесь много интересных проблем. Слово Сергею Владимировичу.

С.В. Андреев

«Украина – выбор будущего?» Итоги украинских выборов

Начну с того, как я там оказался. Я являюсь координатором Ассоциации МОР «Голос - Сибирь» в Алтайском крае, и когда международная организация ENEMO обратилась в Ассоциацию с предложением принять участие в наблюдении, было предложено и мне, а я не от-

казался. У меня был официальный статус международного наблюдателя.

Своё выступление я назвал так: «Украина – выбор будущего? Итоги украинских выборов». Везде, на каждом избирательном участке, звучал гимн на украинском языке, а люди, с которыми мы общались, разговаривали в основном на русском языке. Все иностранные фильмы, которые у них показываются, дублированы на украинском. Когда человек посмотрит фильм и его спросишь, на каком языке был фильм, то он не помнит. То есть, для них украинский язык уже тот, который они хорошо понимают, на разницу между языками особого внимания не обращают. Когда-то это было одной из точек разлома между востоком и западом, когда ввели единый государственный язык украинский. Введение украинского языка государственным не мешает говорить на том языке, на котором это делать удобнее в обыденной жизни.

И ещё один момент, который касается знания украинского языка. Во время заполнения протоколов всегда был человек, который знал украинский язык и говорил, как нужно писать. Я увидел, что люди, которые заполняют итоговый протокол, не знают украинского языка, но сдать документы нужно на украинском.

По итогам I тура 50% проголосовали за Януковича. Разница с Тимошенко составила 10,3%. По всем политтехнологическим исследованиям, 10% не преодолеваются и, скорее всего, процент выигрыша был бы около 5%. Но почему-то оказалось 3,2%. Мой вывод такой: после I тура выборов, точнее, на третий-четвертый день после опубликования итогов этих выборов, по российскому каналу прошел фильм «Украина». Фильм популистский и антиукраинский. Надо учесть, что вся Украина смотрит Первый канал, и этот фильм снова разделил Украину на две части. Даже те, кто живут на востоке, очень сильно обиделись по поводу этого фильма, потому что там сделан больший акцент на негатив, а позитива почти не было. Поэтому в этом сокращении с 10% до 3%, я считаю, большую роль сыграл этот фильм. Кроме того, стали голосовать активнее. В I туре явка избирателей составила 56,76%, а во II туре – повысилась почти на 3%.

По итогам II тура за Януковича проголосовало 48,81%, за Тимошенко - 45,61% (подсчитано 99,44% бюллетеней). Это было вчера вечером. Сегодня утром процент подсчитанных голосов не изменился. Это значит, что часть избирательных комиссий, где традиционно побеждает Янукович, задерживают со сдачей. Значит ли это, что это обман? Я считаю, нет. Мы работали на Луганщине. Луганщина и Донецк – это две области, которые дали более 70% за Януковича. Я лично посетил 13 избирательных участков и окружную комиссию. Мы находи-

лись там от момента подготовки к открытию избирательного участка, присутствовали на всех процедурах, а закончили мы день, когда вводили в компьютер данные протоколов. И вот эти результаты. Те самые замечательные, Донецк – 90% за Януковича, Ивано-Франковск – 88,89% за Тимошенко. Эта поляризация ряда территорий очень хорошо заметна. Луганская область – 88,92%. Именно там продолжается подсчет голосов. Сейчас Крым, Запорожье, Киевская, Луганская, Львовская, Одесская, Харьковская и Хмельницкая области, где не закончен подсчет голосов. Почему?

В 2004-2005 гг., когда была «оранжевая революция», именно в этих областях происходили основные фальсификации. За счет чего? За счет привоза граждан, не известно кого, с временным паспортом гражданина Украины. Проведите аналогию с нашими выборами, когда 11 октября в Москве голосовали автобусами, перевозили людей, таджиков-строителей, которые ездили по Москве и голосовали в специальных участках для не граждан.

Между I и II турами произошло изменение явки. Я посчитал важным это отметить. В I туре явка, в основном, меньше, чем когда голосовали за Раду. Во II туре всё изменилось.

Чего теперь ожидать? Казалось бы, нам выгоден Янукович. Но та самая экономика, которая находится на востоке, является конкурентом российских промышленных предприятий. Они производят кокс, железо, трубы, то есть товары, конкурирующие на российском рынке.

Несколько слов о рекламе. Я, человек, который некоторое время занимался выборами, хочу сказать, что здесь Юлия Тимошенко совершила одну серьезную ошибку. На одних листовках - добрая, красивая, сексуальная женщина, на других - суровая премьер-министр, которая «сфокусируется на главном». То есть, она размыла свой образ у избирателя.

Агитационная кампания. Листовки со всеми кандидатами висели на всех избирательных участках в день выборов. То есть, желающий мог ознакомиться со всем, что писал кандидат. Не с тем, что нашим кандидатам разрешает писать Избирательная комиссия. Они могут писать предвыборную программу, биографию, что они хотят сделать, с кем бороться и т.д. Пожалуйста, каждый может прийти, посмотреть это в день голосования.

Ещё одно отличие. У них нет жеребьевки, кто будет под каким номером в списке. Список формируется по алфавиту.

Следующее отличие избирательной кампании президента на Украине от российской, там кандидат в президенты не ограничен верхним потолком избирательного фонда. Сколько наберешь денег, столь-

ко и трать. Кто больше наберет, тот больше потратит. В самом Луганске этих баннеров, постеров и билбордов было больше, чем у нас на проспекте Ленина. Они стояли в каждом углу города, даже в частном секторе.

Например, на одном из плакатов Тимошенко была фотография, как обнимаются Ющенко с Януковичем. Понятно было, что у Ющенко процент электоральный на Западе очень маленький, и Тимошенко использовала факт того, что её соперники договорились о чем-то. Эта фотография, как в одной из американских кампаний 1996 г. по выборам мэра – «Поцелуй Буша».

Все политтехнологи и мы, как наблюдатели, отметили такой факт: когда в публичном пространстве возможность высказаться любому кандидату ничем не ограничена, ни финансами, ни временем (кампании шли круглосуточно), ни СМИ и т.д., то «черный» пиар перестает работать. Народ уже не обращает на него внимание. Там была масса объявлений по поводу, что кандидаты договорились, в частности, например, плакат, где было написано: Тимошенко + Путин = Донбасс. Каждый третий билборд в Луганске был такой, где обнимаются Янукович с Ющенко. То есть, чем открытее публичное пространство, тем меньше шансов для «черных» пиарщиков.

Ещё один интересный факт. Перед выборами, в субботу происходил митинг перед администрацией Луганской области. Движение за солидарность рабочих. Они проводили митинг по поводу переименования улицы в честь шахтера, который в 1988 г. сжег себя на этой площади, потому что зарплату не выдавали. Никакой милиции, никакого ОМОНа, митингуете – пожалуйста. Перед днем выборов – да пожалуйста. Перед администрацией – пожалуйста, никаких проблем. К выборам не имеет отношения? – Не имеет, митингуйте!

Теперь давайте посмотрим слайды о дне выборов. Избирательные урны на участках были прозрачные. Была ещё переносная урна, тоже прозрачная. Основное требование для переносной урны то, что пока она не на выносе, должна стоять перевернутой. В одном месте мы обнаружили не перевернутую и сделали замечание. Отметили это как одно из нарушений, но вы понимаете, что это не могло повлиять на волеизъявление граждан.

Перед тем, как началось голосование, в каждую урну бросается первичный протокол осмотра. В нем расписываются наблюдатели, председатель комиссии, секретарь комиссии. Это такой контрольный протокол, который должен быть в каждой урне. Если в урне такого контрольного протокола не будет, то все бюллетени, которые там будут, станут недействительными.

Как иллюстрация. После 2004 г. почти все председатели избирательных комиссий были заменены. Основной страх, который был у членов комиссий – это то, чтобы их не заподозрили в фальсификации или в ошибках, которые будут способствовать искажению волеизъявления граждан. Председатель комиссии на том участке, где присутствовали мы, сбросила в урну контрольный листок без одной подписи секретаря. Она разрыдалась.

Мы также присутствовали на процессе пересчета бюллетеней перед выдачей и участвовали в процедуре вскрытия сейфа, в котором хранились бюллетени. Подходим к сейфу, там куча подписей, печатей. Вскрыли. При нас бюллетени пересчитали и выдали членам комиссии. Членов комиссии должно было быть минимум 21, у нас был участок, где было 32 члена комиссии.

Как только открыли двери избирательного участка, зашла огромная толпа народа. Наш участок на 10 минут опоздал с открытием, пока успокаивали председателя. Запустили народ, тот начал голосовать. Процесс выдачи бюллетеней, процесс их получения не отличается от нашей процедуры.

В избирательном бюллетене было 18 кандидатов. Большинство кандидатов практически не знакомы. Любой желающий мог зарегистрироваться кандидатом. Большая часть дублеров была зарегистрирована Януковичем, начиная с Бродской. Был ещё один замечательный кандидат по фамилии Противсих, который, кстати, тоже дублер от Януковича. Избирательная комиссия вышла из ситуации. Если есть кандидат Противсих, то нельзя ставить графу «Против всех». Они написали по-другому: «если вы не нашли здесь своего кандидата». В этой графе было чуть более 1%.

Мы также присутствовали в окружной избирательной комиссии, куда приносили данные. Видели такую картинку. Заходит человек, с ним секретарь, ещё один человек. Они садятся. 32 человека. Председатель комиссии начинает показывать протокол. 32 человека посмотрели. Затем начинается сверка цифр: количество избирателей, количество бюллетеней, количество избирателей на конец избирательной кампании, выданных бюллетеней, погашенных бюллетеней и т.д. Проголосовавших за Ющенко – 0, а у председателя лист, в котором написано 4. Членов комиссии отправляют на участок искать бюллетени и пересчитывать заново. А время – третий час ночи. Если цифры не сходятся, вновь собирается комиссия и пересчитывают бюллетени.

Как проходила процедура подсчета голосов. Когда мы проводили пересчет на избирательном участке, то доставался каждый бюллетень, показывался всем членам комиссии и наблюдателям. Представляет,

как это долго. А почему так происходило? Синдром 2004 г. Сейчас там подсчет голосов шел также ответственно, я уверен. Я думаю, часть членов комиссии едут пересчитывать сейчас бюллетени, в частности, в Луганской области.

Поэтому, первый мой вывод по итогам этой кампании: сейчас украинцы выбрали своего президента. Это основное отличие от 2004 г., когда граждане считали, что их обманули. Майдан образца 2004 г. не сможет произойти сейчас, потому что ощущения, что жителей Украины обманули, нет. А это значит, что 2% разницы или 1,5% разницы, или 3,2% разницы – не важно. Народ сделал свой выбор. По моему мнению, захочет Юлия Тимошенко собрать людей, не захочет – народ не выйдет. Выйдут только, может быть, те «качки» Януковича, о которых говорили ранее. Это не будет протестом народа. Это будет одна из политтехнологических акций, которая будет призвана либо сохранить результаты выборов, либо их изменить. Третьего тура, законного, не будет. Тем более, что и сегодня утром я слышал выступление от ОБСЕ о том, что они поздравляют Украину с тем, что они совершили свободный демократический выбор. С этим заявлением я полностью согласен.

По поводу перспектив. Моё мнение – оба кандидата хуже. Был третий кандидат. Разговаривал с людьми, они говорили о том, что прошел бы Тигипко во II тур, за него бы голосовали. Но сами шли голосовать либо за Януковича, либо за Тимошенко. Поэтому эти и вышли во II тур. Но, если бы вышел во II тур Тигипко, то он бы победил. Почему? У Тигипко нет и не было лозунгов, разрывающих страну. Янукович держал пророссийский вектор, Тимошенко поддерживала «западные ценности» и т.д. У Тигипко этого не было, хотя он и был начальником штаба у Януковича в 2004 г., но после скандала ушел. Потом он работал и в правительстве, и с Януковичем, и с Тимошенко, и с Ющенко. Он является человеком с большим опытом государственного управления, работой с финансами, и человеком, у которого нет того конфликтного прошлого, какое есть у двух других кандидатов. Это первое.

Второе. В Украине очень силен парламент. Юлия Тимошенко как была премьер-министром, кандидатом в президенты, так и осталась премьер-министром с большой фракцией в Раде, кандидатом в президенты. Что сейчас должен делать Янукович для того, чтобы поменять премьера? Он должен создать коалицию. Коалиции там создаются сплошь и рядом среди людей, которые на улице, может быть, не подали бы друг другу руки, но периодически там Янукович объединяется с Ющенко, потом объединяется с Тимошенко, потом Тимошенко объе-

диняется с Ющенко против Януковича в зависимости от того, вокруг какого решения они договариваются. Например, сейчас Ющенко, уходя, принял изменения в закон о выборах в вопросе по избирательным комиссиям, когда достаточно того, чтобы присутствующие члены избирательной комиссии принимали решения большинством более 50% голосов. К чему это? А к тому, что там от каждого кандидата должно быть 50% членов комиссии. Если бы Тимошенко захотела, она бы отозвала свои 50%, что сделало бы любое решение «нелегитимным». Принято было решение, подписанное президентом Ющенко, для того, чтобы выборы состоялись без такого рода эксцессов. Я оцениваю это решение как правильное, потому что если хочешь участвовать - участвуй честно.

Почему я ещё считаю, что оба хуже? Думать о том, что Янукович будет проводить пророссийскую политику – так же наивно, как думать о том, что Лукашенко хочет объединиться с Россией. Думать о том, что он будет лоббировать интересы Газпрома или каких-то иных российских бизнес-структур – так же наивно, как думать о том, что он готов финансировать российскую экономику. Не будет он этого делать. Тем более, что после этого фильма «Украина», который прошел на украинском телевидении благодаря нашим каналам, он резко сменил риторику и стал говорить, что он за вступление в европейские институты, за то, чтобы Европа помогла справиться с коррупцией, с экономическими проблемами, помогла восстановить доверие к политическим институтам на Украине и т.д. То есть, он сразу сделал резкий шаг в сторону Запада для того, чтобы хоть как-то минимизировать тот негативный эффект, который принес, по моему мнению, российский фильм. Всю избирательную кампанию, II тур он провел на том, что «мы за западные ценности, против коррупции, за то, чтобы европейские институты помогали нам бороться с этими проблемами».

Я вообще считаю, что если бы Тимошенко пришла к власти, она бы начала создавать авторитарное государство. Простой пример. Когда мы приехали в Украину, на организационном собрании для наблюдателей мы спросили, есть ли какая-то агитационная продукция, которую можно взять у кандидатов. Руководитель Миссии сказал, что в штабе Януковича такие материалы предоставляют без проблем и в любом объеме. В штабе Тимошенко начальник сказал, что надо посоветоваться с Киевом, предложил позвонить на другой день. Когда перезвонили, было сказано, что дана команда ничего не давать. Почему? - Не понятно. Я не понимаю, почему человек говорит об открытости, о демократических ценностях, но ограничивает знакомство с агитационной литературой, если её раздают тут же, на улице?

Обсуждение

Коваленко Л.Г.: Кто, и с какой целью выпустил фильм «Украина» в такой очень важный момент и для Украины, и для России?

Андреев С.В.: У меня есть слух от людей, приближенных к Константину Эрнсту. Ему ещё перед I туром принесли этот фильм. Он посмотрел и сказал, что не надо его показывать. Поэтому перед I туром его не успели выпустить, к счастью, я думаю, для Януковича. Но после I тура ему позвонили из приемной большого начальника и сказали, чтобы этот фильм вышел. Он сказал, что выпустит. Но это слух, я повторяю. Это говорит о том, что у нас слабо понимают тот мир, в котором мы находимся, в том числе и Россию, и Украину. Больше это похоже на какую-то мелкую пакость или месть уходящему президенту Ющенко. Это моё мнение.

Вопрос из зала: Насколько я поняла, Вы бы назвали выборы на Украине демократическими. Проводя параллели с Россией, можно сделать вывод, что у нас таких выборов нет. Возможно ли создание в нашем государстве института демократических политических выборов, и какие изменения должна претерпеть наша политическая система для того, чтобы это осуществилось?

Андреев С.В.: Судя по тому, что в Украине это возможно, я считаю, что и у нас это возможно.

Что для этого нужно сделать? Вы читали доклад, который подготовил ИНСОР? В четверг он уже был выставлен в Интернете. Надо этот доклад реализовать. Для этого кое-кому придется потерять свои теплые места. Это первое.

Второе. Для того, чтобы в нашей избирательной комиссии соблюдали закон, надо одного, двух посадить за фальсификацию. Есть четкое понимание у Суркова, что начини сажать, и система рухнет. Те слёзы председателя комиссии, о которых я говорил, я не забуду никогда.

Курныкин О.Ю.: Я не являюсь экспертом ни по выборным технологиям, ни по Украине, и мои замечания не более как реплика заинтересованного наблюдателя. Хотелось бы отметить несколько моментов.

1. Обращает на себя внимание несколько парадоксальная ситуация, когда выборная кампания на Украине вызывает неизмеримо больший интерес у россиян, нежели выборы в своей стране. Выборы на Украине выполняют некие компенсаторные функции в условиях отсутствия живого политического процесса в России, если не считать таковым перепалку между господами Грызловым и Мироновым по поводу того, кто больше любит общенационального лидера. Нынеш-

ние выборы на Украине показали растущую разновекторность эволюции политических систем в наших двух странах. Если в России последовательно реализуется модель «управляемой демократии», важнейшим элементом которой являются управляемые и предсказуемые выборы, то политический процесс на Украине развивается в направлении цивилизованной политической конкуренции. В этом смысле Украина сделала еще один шаг к Европе и шаг от России.

2. Избирательная кампания этого года на Украине еще раз подтвердила наличие социокультурного раскола, изначально заложенного в конфигурации украинского государства. Причем, как известно, в некоторых политических кругах России питали надежды превратить этот социокультурный раскол в геополитический, расколов украинское государство. Однако, очевидно, эти надежды иллюзорны. Ментальное, историко-культурное, религиозное и иные различия между Востоком и Западом Украины сохраняются, но, как представляется, они постепенно сглаживаются. Не случайно два основных претендента на президентский пост активно играли на электоральном поле друг друга. Более того, нынешние выборы продемонстрировали востребованность в украинском обществе прагматичных лидеров, политически и регионально неангажированных, способных консолидировать страну. С этим связан «феномен Тигипко». Видимо, за такими лидерами будущее. Итоги выборов таят в себе предпосылки сохранения определенной неустойчивости политической системы Украины, но они же служат гарантией от монополизации власти в руках одной политической группировки и от смещения вектора политических процессов в направлении авторитаризма.

3. Обращает на себя внимание сдержанность внешних игроков в ходе украинской президентской кампании, что разительно отличает прошлые (2004 г.) и нынешние выборы. Как представляется, это связано с осознанием контрпродуктивности прямого и откровенного вмешательства извне в украинский избирательный процесс. Нынешняя избирательная кампания оказалась не столь идеологизированной, вопросы внешней политики и внешнеполитического выбора играли в ней значительно меньшую роль. Думается, это связано не только с усталостью и заметной разочарованностью украинцев от деятельности политиков, всплывших на волне «оранжевой революции». Более важной причиной является все более определенный и устойчивый дрейф Украины на Запад. Победа Януковича ничего принципиально не меняет в этом. Иначе будут расставлены акценты и нюансы в российско-украинских отношениях. Закончится бойкот украинской президентской ветви власти со стороны российского политического истеблишмента, возможно,

более комфортно, без прежнего надрыва будет осуществляться переговорный процесс. Однако прежние проблемы российско-украинских отношений останутся – проблемы украинской газотранспортной системы, цен на газ, базы Черноморского флота в Севастополе, т.е. переговорная повестка дня не изменится. Новый президент столкнется с решением задачи более искусного балансирования между Западом и Россией, сохраняя при этом европейский вектор движения.

Главный итог выборов 2010 г. на Украине заключается в том, что страна сделала важный шаг в упрочении демократических процедур, а в самом украинском обществе закрепляются политико-психологические сдвиги, отдаляющие Украину от других постсоветских государств, в которых в том или ином варианте воспроизводятся авторитарные и патерналистские политико-государственные модели.

Вопрос из зала: Прозвучала фраза, что Украина стала самостоятельным, сложившимся государством. Можно ли говорить об Украине, как о сложившемся государстве и об окончательном формировании национальной идентичности, когда страна ещё одной ногой завязла в России, другой ногой пытается догнать Запад, но, тем не менее, ещё не наступила на почву, в то же время она возвеличивает Бандеру, но национальным героем считает Шевченко? Как это можно?

Этим летом я была на Украине и ехала в метро, где висел транспарант, на котором было написано «можно», хотя по-украински пишется «можна». Это было в столице государства Киеве. О какой национальной идентичности и о каком сложившемся государстве может идти речь?

Андреев С.В. Вы знаете, мне повезло в чем? Я родился в Луганске. Когда я туда приехал, я встретился со своими родственниками впервые за 44 года. Они русские, но их дочь вышла замуж за украинца, а внучка наполовину русская, наполовину украинка. Эта семья, где говорят, в основном, на русском, но все понимают украинский. Где для них проблема? Для молодежи проблем никаких нет. После того, как был принят украинский язык как государственный, все иностранные фильмы, кроме русских, дублируются на украинский язык. Я сходил там в кино на «Аватар», с середины фильма я всё понимал. У меня уже не было дискомфорта при просмотре фильма. Это первое.

Второе. Многие с ошибками пишут на украинском, так посмотрите на наших улицах рекламу. А у нас нет двуязычия, нам своего языка хватает. А там двуязычие и есть желание, во всяком случае, у политического руководства, сделать украинский язык национальным. И нет активного протеста в народе.

Третье. Замечательно смотреть теледебаты, когда идет двуязычие. Например, ведущий задает вопрос кандидату на украинском языке, кандидат отвечает на русском. Ведущий задает на русском языке кандидату вопрос, кандидат отвечает на украинском. Канал единый, все смотрят, и все всё понимают. Для них уже доминирование украинского языка на Западе, а доминирование русского языка на Востоке не носит характер разделяющего. Например, сидит в студии журналист Киселев и задает Тимошенко вопрос на русском языке. Тимошенко, чтобы вы знали, не украинка. Она наполовину армянка, наполовину русская. Так же как и Янукович не украинец. Он наполовину русский, наполовину украинец. А Тигипко вообще в Молдавии родился. Вопрос разделения присутствует, но существовал он на протяжении истории Советского Союза, то есть в 1917, 1921, 1939, 1945 годы. Можно вернуться ещё к Речи Посполитой, где части современной Украины, Белоруссии входили в Польшу. Но происходит процесс стирания этого различия, как правильно отметил Олег Юрьевич Курныкин, и он имеет положительную динамику. Если в 2004 г. разделение Украины на Восток и Запад сделали центром политической борьбы, то в этот раз не получилось, потому что не все, говорящие на русском языке, хотят возвращаться в прошлое. Они хотят сами строить свое государство.

Овчаров Г.А.: Скажите, как очевидец происходивших событий, у Вас какое сложилось ощущение? Условно говоря, Харьков заинтересован в существовании в рамках одного государства с Ивано-Франковском? Харькову это нужно?

Андреев С.В.: Это примерно то же самое, нужно ли Горному Алтаю объединяться с Алтайским краем? Нужно или не нужно? Понятия не имею. Если это будет мешать экономическому развитию, то, наверное, не нужно. Не готов ответить по существу на Ваш вопрос.

Вопрос из зала: Геополитически России разрешили разобраться на своем заднем дворе, на Украине, я так считаю. В Европе очень большие морозы. Второго Майдана просто не нужно будет. Там заморозки будут, люди замерзнут, если не пойдет газ. В США – раздутый бюджет, военные расходы. США тоже не до Украины. Да, демократическим путем были выборы, но кто считал, откуда деньги появились у Ющенко, Тимошенко? Никому это не интересно. Нам просто разрешили разобраться на своем заднем дворе.

Далее. Вся «оранжевая» оппозиция разбита. Сегодня нет лидера. Тимошенко проиграла на выборах, она постепенно будет терять свой авторитет. Ющенко ушел. Постепенно западная часть Украины будет немножко стабилизироваться, уходить в национализм. Движение в сторону Европы очень заметное.

Даже НАТО и ОБСЕ признали выборы как демократические и порекомендовали обоим участникам признать итоги выборов. Тимошенко, естественно, будет опротестовывать все результаты выборов в суде, вплоть до Конституционного, то есть сейчас пойдут суды.

Андреев С.В.: Я когда выступал, говорил, что экономически сильный восток является конкурентом подобных предприятий в России. Основной финансист Януковича Ринат Ахметов. Как Вы думаете, он финансировал Януковича по просьбе Путина? Точно нет. Зачем ему дополнительная головная боль? Это совсем иная форма финансирования этих выборов, чем выборов 2004 г. Тогда были российские субсидии и российские политтехнологии работали на Януковича. Сейчас почему они сделали всё публичным, почему можно тратить на избирательную кампанию сколько угодно? Чтобы видно было, откуда пришли деньги. Россия деньгами не вмешивалась в эту избирательную кампанию.

Кузьминых Н.Ю.: Я согласен с Вами, что Янукович, скорее всего, не будет «плясать под дудку Кремля», будет проводить сбалансированную политику. Как Вы думаете, будет ли обида со стороны Москвы и в чём она может быть выражена?

Андреев С.В.: Послом России является человек, дискредитировавший себя в общественном мнении, это своего рода такая пощечина Украине. Будет ли обида? Это субъективный фактор, и я думаю, может быть обида со стороны наших лидеров, и она каким-то образом проявится, например, как это случилось с Великобританией. Я про «шпионские камни» и про обиду Путина на Блэра. Знаете, за что обиделся? Березовского не отдал. Из этой области вполне возможно что-нибудь.

Алимбаева А.: Вы говорили, что там очень агрессивная агитационная кампания, как граждане Украины на это реагировали? Мне кажется, чем больше дают, тем больше хочется голосовать против.

Андреев С.В.: Вот мы говорим о черном пиаре, попытках дискредитировать каким-то образом соперников, но я уже говорил, что это перестает работать. Народ начинает думать. Думать всегда тяжело. Выбирать разумом труднее, чем сердцем или эмоциями. Но при желании народ мог разобраться. Да, надоедает. А вспомните нашу избирательную кампанию, когда человека, который сует тебе листовку, хочется ударить. Но у них на выборы пришло 69% населения без подтасовок, а у нас 50%, а с подтасовками – 55%. То есть почти 70% населения добровольно пришли на выборы при температуре -20 (а на Украине это очень холодно). Потому что решалась их судьба, они принимали для себя решение, в какой стране жить завтра.

Вопрос из зала: Как Вы оцениваете состояние силовых структур Украины и возможность их вмешательства в политический процесс?

Андреев С.В.: Вмешиваться в политический процесс они не будут, потому что в силовых структурах решать, кто прав, кто виноват, не будут. Простой пример. В ходе голосования приходит человек, в его паспорте написана такая улица, а в списках избирателей изменена одна буква. Председатель комиссии отправила его в суд, который должен принять решение. Суд сидит и ждет, когда к нему придет народ. 50% отказников пошли в суд и получили разрешение участвовать в выборах. У нас бы никто не пошел, потому что наши голоса ничего не решают. А у них решал народ.

Чернышов Ю.Г. В заключение хотел бы сказать несколько слов. Если говорить о характере выборов, были ли они справедливыми, то мне кажется, что больше оснований говорить о том, что там, наверное, не было явных злоупотреблений в пользу какого-то одного кандидата, тем более, кстати говоря, что административный ресурс страны был не совсем на стороне Януковича. Какие-то погрешности, может быть, и есть, но серьезных оснований мы не видим, тем более, что наблюдатели, в том числе европейские, которые там участвовали, об этом тоже не говорят.

Поэтому, наверное, лишними являются попытки оспорить эти итоги. Скорее всего, они обречены на неудачу. Это только снизит авторитет того, кто оспаривает. Надо смириться с выбором, даже если проиграно 3%. Кстати, однозначно нельзя говорить по опыту многих выборов, что, проиграв 3%, кандидат не теряет своих позиций и может влиять на политику. Бывает всякое. Вспомните наш Алтайский край, когда проиграл 3% Коршунов, пришел Суриков и вывел всю прежнюю административную команду, привел своих. Потом те же самые 3% проиграл Суриков Евдокимову и тоже произошла радикальнейшая чистка. Это, конечно, специфическая ситуация, а в Украине уже действительно сложился консенсус, куда двигаться стране и, конечно, правы те, кто говорил, что не стоит ожидать каких-то особых подарков в ущерб Украине.

Приходя к власти, политики свои обещания избирателям часто забывают и выполняют запросы тех, кто их привел к власти. А интересы тех, кто привел к власти, сложились давно и они не совпадают с интересами российского бизнеса и российской власти. Но всё-таки некоторое улучшение отношений будет, на мой взгляд, хотя бы в том, что посол наш российский всё-таки приехал на Украину. Вы знаете, что его даже не пускали, когда поссорились настолько, что назначили, но не послали в Киев. Это уже серьезная степень ухудшения отношений.

Может быть, теперь какая-то напряженность будет снята. В этом польза есть.

Польза есть в том, что народ Украины своим голосованием сам, действительно, определил вектор движения и сам потом убедится в том, правильно это или нет, то есть, он может ещё влиять на власть. В чем-то нам надо учиться, но не стоит ни идеализировать Украину, ни нагнетать в отношении нее негатив. Там есть свои плюсы и минусы. Безусловно, минус то, что называют в России «украинизацией», то есть склоки, все время меняющиеся коалиции, бесконечные перевыборы и т.д. Вообще говоря, элемент устойчивости демократического государства проявляется и в такой изменчивости. Недавно я вычитал интересную мысль: у нас в Советском Союзе любили посмеяться над Италией, потому что там всё время менялись правительства. Говорили: «вот она, гнилая буржуазная демократия». Но сейчас Италия благополучно существует и процветает, а Советского Союза нет, он рухнул. Какая власть устойчивее? Бюрократически вертикализированная, но не опирающаяся на реальную общественную поддержку, или та, которую лихорадит иногда, но которая подпитывается снизу от непосредственного волеизъявления граждан? Здесь нельзя однозначно оценивать.

Ясно одно: нам надо теперь спокойно развивать дружеские отношения с соседним государством.

Информация об Алтайской школе политических исследований

АШПИ возникла как общественное учреждение, зарегистрированное управлением юстиции Алтайского края 9 февраля 1996 г. Статус учебно-научной лаборатории Алтайского государственного университета Школа получила в 1998 г.

Директор АШПИ – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории и международных отношений АГУ, руководитель Алтайского отделения Российской ассоциации политической науки Чернышов Юрий Георгиевич. Заместитель директора – кандидат исторических наук, доцент Козулин Вячеслав Николаевич.

Деятельность Школы направлена на развитие межфакультетского и межвузовского сотрудничества в области политических наук. Главные принципы Школы – неангажированность, научность, демократизм. АШПИ стремится объединить ученых самых разных специальностей – историков, политологов, международников, социологов, экономистов, юристов и др. В работе Школы уже приняли участие десятки известных отечественных и зарубежных экспертов, докторов и кандидатов наук. В проектах Школы участвуют также представители власти, общественные деятели, предприниматели, журналисты. Студенты и аспиранты приобретают ценные практические навыки по организации научных конференций и проведению прикладных политологических исследований (в частности, в рамках молодежного отделения АШПИ – студенческой организации «Международник»).

Школа стремится сочетать в своей деятельности науку и практику, высокий профессионализм и активную гражданскую позицию.

Одно из главных направлений работы Школы – **проведение международных научно-практических конференций, издание сборников** по актуальным проблемам политической жизни.

Конференции, материалы которых были изданы в виде выпусков «Дневника АШПИ»:

28 мая 1996 г. – Тоталитаризм и его преодоление: актуальные уроки истории.

16 июля 1996 г. – Принципы самоуправления в федеральных системах России и Германии.

31 января 1997 г. – Власть и собственность: к итогам губернаторских выборов в России.

16–18 июля 1997 г. – Политическая система и политическая жизнь в современной России (проблемы федерального и регионального уровней).

27 января 1998 г. – Интеллигенция и власть.

17–18 июля 1998 г. – Становление гражданского общества в России: проблемы и перспективы.

30–31 июля 1999 г. – Роль парламента в демократическом государстве.

28 января 2000 г. – Интеллигенция и «новый авторитаризм».

16 мая 2000 г. – Становление демократического, правового, социального государства и профсоюзы: практика, проблемы, перспективы.

15–16 июля 2000 г. – Россия после выборов: перспективы экономического и политического развития.

10–11 февраля 2001 г. – Западная Сибирь: регион, экономика, инвестиции.

15–16 мая 2001 г. – Человек и мир работы: социально-политические, профессиональные, антропологические аспекты профсоюзной деятельности.

14–15 июля 2001 г. – Современная Россия и мир: альтернативы развития.

16–17 июля 2001 г. – Республика Алтай и реформы в экономике и федеративном устройстве России.

8 октября 2001 г. – Проблемы и перспективы сотрудничества третьего сектора с властью.

22 января 2002 г. – Реформа образования и гражданское общество.

2 июля 2002 г. – Современная Россия и мир: альтернативы развития. Вступление России в ВТО. Борьба с международным терроризмом. Женщина и политика.

1–2 июля 2003 г. – Современная Россия и мир: альтернативы развития. Постсоветское пространство: проблемы интеграции. Женщина и выборы.

29 апреля 2004 г. – Региональные выборы 2004 г. – волеизъявление народа или триумф технологий?

1–3 июля 2004 г. – Современная Россия и мир: альтернативы развития (трансграничное сотрудничество и проблемы национальной безопасности).

1–2 июля 2005 г. – Современная Россия и мир: альтернативы развития (национальная, региональная идентичность и международные отношения).

4–5 июля 2006 г. – Современная Россия и мир: альтернативы развития (этноконфессиональные конфликты и вызовы XXI века).

27–28 сентября 2007 г. – Современная Россия и мир: альтернативы развития (международный имидж России в XXI веке).

13–14 сентября 2008 г. – Современная Россия и мир: альтернативы развития (роль российских регионов в формировании имиджа страны).

19–20 сентября 2009 г. – Современная Россия и мир: альтернативы развития (роль политических лидеров в формировании имиджа страны и региона).

17–18 сентября 2010 г. – Современная Россия и мир: альтернативы развития (Россия и Западная Европа: влияние образов стран на двусторонние отношения).

Кроме этого, Школа постоянно занимается *просветительской работой* – организацией «круглых столов», чтением лекций, публикацией статей в газетах и т.д. Эксперты Школы много раз выступали с оценками политической ситуации в СМИ. На телевидении и радио были проведены «круглые столы» на темы об итогах выборов в Государственную Думу, о президентских и губернаторских выборах, о многопартийной системе, о войне в Чечне, о Дне Независимости России, о национальной идее в России, о борьбе с терроризмом, о реформе избирательной системы, о соблюдении прав человека, о содержании различных законопроектов и т.д. Руководитель АШПИ представлял Алтайское отделение РАПН на Конгрессах политологов, проходивших в г. Москве; участвовал в работе Гражданского Форума в Москве и Санкт-Петербурге, в Конвенте РАМИ в МГИМО и т.д.

Еще одно направление деятельности – *консультирование, проведение прикладных политологических исследований*. Во время выборов депутатов Государственной Думы, президентских и губернаторских выборов эксперты АШПИ неоднократно проводили фокус-группы, телефонные и анкетные опросы. Первые исследования электоральных настроений были проведены во время президентских выборов 1996 г. Осенью 1996 г., накануне губернаторских выборов, АШПИ провела два анкетных опроса жителей края (более 2000 респондентов). В сентябре 1998 г. в г. Барнауле был проведен телефонный опрос об отношении населения к Правительству РФ и местной власти. В ноябре 1999 г., накануне выборов в Государственную Думу, АШПИ провела опрос избирателей города Барнаула. В начале 2000 г. были опрошены 2540 жителей Барнаула (об отношении к кандидатам на должности Президента РФ, глав администраций Алтайского края и города Барнаула, а также к кандидатам в депутаты краевого Совета и Городской Думы). В 2003–2004 гг. были проведены опросы по теме выборов. Кроме того, были исследования, не связанные непосредственно с выборами. Так, в марте 1998 г. АШПИ провела в пяти школах г. Барнаула исследование

на тему «Восприятие школьниками социальной действительности». В 2000 г. эксперты АШПИ провели опрос по теме «Международные проблемы глазами барнаульцев»; такие же опросы состоялись в 2002 и 2004 гг. Итоги большинства этих опросов опубликованы в печати.

Результаты научной деятельности АШПИ подробно представлены на интернет-сайте, где размещены тексты всех «Дневников АШПИ», а также отдельные статьи экспертов, материалы исследований, разнообразные информационные ресурсы. Этот сайт является победителем призового конкурса «Лучший сайт», проводившегося «Project Harmony» в рамках программы «Обучение и доступ к Интернет» в 2000 г., и 3-го регионального конкурса «Интернет – Мир без провинций» в 2001 г. В 2005 г. во всероссийском конкурсе научных работ, проведенном Российской ассоциацией политической науки, «дневникам АШПИ» было присуждено второе место. В мае 2008 г. АШПИ – лауреат IV Международного конкурса «Имидж-директория» – была награждена Почетным дипломом в номинации «Проект года в имиджологической науке» за сборник «Дневник Алтайской школы политических исследований №23. Современная Россия и мир: альтернативы развития (международный имидж России в XXI веке).

АШПИ продолжает научно-просветительскую работу и приглашает к сотрудничеству всех, кто умеет самостоятельно мыслить, кто стремится сделать жизнь россиян более достойной и свободной.

Авторы докладов, выступлений и тезисов

Аршинцева Ольга Алексеевна

Кандидат исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений Алтайского государственного университета, г. Барнаул

Бетмакаев Алексей Михайлович

Кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории и международных отношений Алтайского государственного университета, г. Барнаул

Бойко Ольга Сергеевна

Аспирантка Киевского национального университета строительства и архитектуры, г. Киев

Буланов Максим Владимирович

Кандидат политических наук, старший преподаватель кафедры социологии и политологии Ульяновского государственного университета, г. Ульяновск

Вакалова Анастасия Юрьевна

Студентка исторического факультета Алтайского государственного университета, специальность «Международные отношения», г. Барнаул

Гайкин Виктор Алексеевич

Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВОРАН, г. Владивосток

Горбелева Екатерина Андреевна

Студентка исторического факультета Алтайского государственного университета, г. Барнаул

Грушина Вера Юрьевна

Кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры теории и практики журналистики Алтайского государственного университета, г. Барнаул

Даркина Анна Владимировна

Аспирантка факультета международных отношений Воронежского государственного университета, г. Воронеж

Девятков Андрей Владимирович

Ассистент и аспирант кафедры новой истории и международных отношений Института истории и политических наук Тюменского государственного университета, г. Тюмень

Демчик Евгения Валентиновна

Доктор исторических наук, профессор, декан исторического факультета Алтайского государственного университета, г. Барнаул

Евдокимова Татьяна Васильевна

Кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры всеобщей истории Волгоградского государственного педагогического университета, г. Волгоград

Ильин Алексей Валерьевич

Студент исторического факультета Алтайского государственного университета, специальность «Международные отношения», г. Барнаул

Кагиров Борис Николаевич

Кандидат философских наук, проректор по безопасности и общим вопросам Алтайского государственного университета, г. Барнаул

Кагирова Галина Владимировна

Доктор медицинских наук, профессор кафедры политологии Алтайского государственного университета, г. Барнаул

Коваленко Людмила Георгиевна

Кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры политологии факультета политических наук Алтайского государственного университета, г. Барнаул

Козлов Виктор Александрович

Кандидат исторических наук, доцент Алтайского государственного аграрного университета, г. Барнаул

Козлов Леонид Евгеньевич

Кандидат политических наук, доцент кафедры международных отношений и зарубежного регионоведения Владивостокского государственного университета экономики и сервиса, г. Владивосток

Козулин Вячеслав Николаевич

Кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории и международных отношений Алтайского государственного университета, г. Барнаул

Кошляков Дмитрий Михайлович

Кошляков Дмитрий Михайлович, магистр техники и технологии, ассистент и аспирант кафедры «Философия, история и социология» факультета экономики и управления Брянского государственного технического университета, г. Брянск

Крестинина Екатерина Сергеевна

Соискатель Института мировой экономики и международных отношений РАН, г. Москва

Крогов Александр Викторович

Кандидат географических наук, доцент кафедры экономической географии и картографии Алтайского государственного университета, г. Барнаул

Кузьминых Никита Юрьевич

Аспирант кафедры всеобщей истории и международных отношений Алтайского государственного университета, г. Барнаул

Курныкин Олег Юрьевич

Кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории и международных отношений Алтайского государственного университета, г. Барнаул

Лекаренко Оксана Геннадьевна

Кандидат исторических наук, доцент кафедры новой, новейшей истории и международных отношений Томского государственного университета, г. Томск

Митяева Юлия Андреевна

Аспирант кафедры всеобщей истории и международных отношений Алтайского государственного университета, г. Барнаул

Мухаметов Руслан Салихович

Ассистент кафедры теории и истории политической науки факультета политологии и социологии Уральского государственного университета им. А.М. Горького, г. Екатеринбург

Николаенко Дмитрий Васильевич

Доктор географических наук, заведующий лабораторией тематического картографирования и эпидемических процессов Института геодезии и картографии, г. Киев

Полтораков Алексей Юрьевич

Кандидат политических наук, ученый секретарь Центра исследований проблем гражданского общества, Глава научного совета Европейской ассоциации украинцев, г. Киев

Попытаев Дмитрий Святославович

Студент кафедры этнографии и музееведения Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, г. Омск

Реут Олег Чеславович

Кандидат технических наук, докторант, ст. преподаватель кафедры истории стран Северной Европы Петрозаводского государственного университета, член Экспертного совета проекта «Метавер»: www.metaver.ru, учредитель thelastpageof.com, жжж-блоггер: thelastpageof.livejournal.com, г. Петрозаводск

Романова Елена Вениаминовна

Кандидат философских наук, доцент кафедры политологии Алтайского государственного университета, г. Барнаул

Сибиряков Сергей Алексеевич

Научный сотрудник Украинского центра культурных исследований, г. Киев

Сопко Виктория Михайловна

Студентка исторического факультета Алтайского государственного университета, специальность «Международные отношения», г. Барнаул

Третьякова Светлана Николаевна

Кандидат исторических наук, доцент филиала «СЕВМАШВТУЗ» Санкт-Петербургского государственного морского технического университета в г. Северодвинске, г. Северодвинск

Чернышов Юрий Георгиевич

Доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории и международных отношений Алтайского государственного университета, директор АШПИ, г. Барнаул

Чуваткин Дмитрий Николаевич

Начальник курса факультета тыла ВВ МВД России Вольского ВВУТ(ВИ), соискатель на получение ученой степени кандидата политических наук Саратовского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского, г. Саратов

Шевякова Мария Алексеевна

Студентка Самарского государственного университета, специальность «Международные отношения», г. Самара

Широкова Марина Алексеевна

Кандидат исторических наук, доцент кафедры политологии Алтайского государственного университета, г. Барнаул

АЛТАЙСКАЯ ШКОЛА ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

✉ 656049 г. Барнаул,

просп. Ленина, 61, к. 310

☎ Tel./fax (3852) 66-84-15

📁 E-mail: ashpi@hist.asu.ru

💻 <http://ashpi.asu.ru/ic/>

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Образы стран и международные отношения (предисловие ответственного редактора)</i>	3
--	---

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «СОВРЕМЕННАЯ РОССИЯ И МИР: АЛЬТЕРНАТИВЫ РАЗВИТИЯ (РОССИЯ И ЗАПАДНАЯ ЕВРОПА: ВЛИЯНИЕ ОБРАЗОВ СТРАН НА ДВУСТОРОННИЕ ОТНОШЕНИЯ)», 17–18 СЕНТЯБРЯ 2010 Г.	16
--	----

Секция 1. ОСНОВНЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ПРОБЛЕМЕ ВЛИЯНИЯ ОБРАЗОВ СТРАН НА МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ......

<i>О.А. Аришнцев, Л.В. Моница Россия и США в экспертных оценках: попытка сравнения</i>	17
<i>М.В. Буланов «Soft power» как подход к формированию образа государства в американской политической науке</i>	25
<i>А.В. Даркина Интеграционная риторика в североамериканском научном сообществе (1960–1970-е гг.)</i>	29
<i>Е.С. Крестинина Политическая идентичность как фактор двусторонних отношений: теоретический аспект</i>	32
<i>О.Ю. Курныкин Восприятие стран Запада в мусульманском мире (к постановке проблемы)</i>	36
<i>Д.В. Николаенко, О.С. Бойко Здоровье населения страны как основа ее имиджа и фактор в двусторонних отношениях</i>	42
<i>А.Ю. Полтораков «Европейская идентичность» как фактор региональной безопасности</i>	46
<i>С.А. Сибиряков Политико-управленческая элита и общественное сознание украинского общества в условиях смены внешнеполитического курса страны</i>	51
<i>Д.Н. Чуваткин Международная обстановка в начале XXI в.: основные военные акторы, их цели и интересы</i>	56

Секция 2. ЭВОЛЮЦИЯ ОБРАЗА РОССИИ В СТРАНАХ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ

<i>А.М. Бетмакаев Феномен «культурной холодной войны» в зарубежной историографии международных отношений</i>	61
<i>А.Ю. Вакалова Чеченская война во французских СМИ. Ее влияние на имидж России во Франции</i>	65

<i>В.А. Гайкин Россия между Европейским союзом и Китаем</i>	<i>68</i>
<i>Е.А. Горбелева Образ белорусов и его характерные черты в российском общественном сознании</i>	<i>71</i>
<i>В.Ю. Грушина Стереотип восприятия России в массовом сознании Великобритании в период Первой мировой войны</i>	<i>73</i>
<i>А.В. Девятков Политика России в приднестровском урегулировании (западноевропейские оценки).....</i>	<i>78</i>
<i>Г.В. Кагирова, Б.Н. Кагиров Динамика отношений стран Европы и России</i>	<i>82</i>
<i>Л.Г. Коваленко Некоторые аспекты образа России в мире.....</i>	<i>85</i>
<i>В.Н. Козулин Джером Клапка Джером о предреволюционной России (к вопросу о «футурологии» английской России)</i>	<i>88</i>
<i>Д.М. Кошлаков К вопросу о генезисе внешнеполитического образа постсоветской России</i>	<i>94</i>
<i>А.В. Кротов Формирование позитивного имиджа России в европейских странах: факторы и проблемы.....</i>	<i>98</i>
<i>О.Г. Лекаренко Восприятие советского экономического вызова на Западе в конце 1950-х – начале 1960-х гг.</i>	<i>103</i>
<i>Ю.А. Митяева Региональные имидж-технологии vs. сетевая реальность (на примере освещения сотрудничества между Алтайским краем и французским регионом Франки-Конте).....</i>	<i>107</i>
<i>Р.С. Мухаметов Роль публичной дипломатии в формировании международного имиджа России.....</i>	<i>111</i>
<i>Д.С. Попытаев Формирование образа прошлого России в контексте государственной символики (по материалам дискуссий в Государственной Думе)</i>	<i>116</i>
<i>Е.В. Романова Особенности информационной деятельности органов местного самоуправления (на примере г. Барнаула)</i>	<i>121</i>
<i>В.М. Сопко Восприятие бренда Сочи-2014 в России и за рубежом</i>	<i>125</i>
<i>С.Н. Третьякова Положительные образы Российской империи в британской прессе.....</i>	<i>128</i>
<i>М.А. Шевякова Образ России в британской прессе в период президентства В.В. Путина (по материалам газеты «The Guardian»).....</i>	<i>133</i>

**Секция 3. ВОСПРИЯТИЕ СТРАН ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ
(ВЕЛИКОБРИТАНИИ, ГЕРМАНИИ, ИТАЛИИ,
ФРАНЦИИ И ДР.) В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ, В
СССР И В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ..... 138**

*Т.В. Евдокимова Рейхсканцлеры Веймарской республики глазами
сотрудников Полпредства РСФСР-СССР в Германии. 138*

*А.В. Ильин Внешнеполитический выбор и советская пропаганда в
1939 году..... 142*

*В.А. Козлов «Испанская партия» конца XV – XVI вв. глазами
русских дореволюционных историков..... 146*

*Л.Е. Козлов Образ Германии в Приморском крае: экономические
связи как основа формирования..... 150*

*Н.Ю. Кузьминых Имиджевая политика Латвии в отношении
Европы и России: трудности и перспективы..... 154*

*О.Ч. Реут Баренцев Евро-Арктический регион: динамика
российского восприятия..... 158*

*М.А. Широкова Славянофилы об отличиях западноевропейского
просвещения от просвещения в России..... 163*

СТЕНОГРАММА ОБСУЖДЕНИЯ ДОКЛАДОВ..... 167

КРУГЛЫЙ СТОЛ ПО ВЫБОРАМ ПРЕЗИДЕНТА УКРАИНЫ. 193

Ю.Г. Чернышов В чем особенности украинских выборов? 193

*С.В. Андреев «Украина – выбор будущего?» Итоги украинских
выборов..... 195*

Обсуждение..... 202

**ИНФОРМАЦИЯ ОБ АЛТАЙСКОЙ ШКОЛЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЙ..... 209**

АВТОРЫ ДОКЛАДОВ, ВЫСТУПЛЕНИЙ И ТЕЗИСОВ..... 213

Научное издание

**ДНЕВНИК АЛТАЙСКОЙ ШКОЛЫ
ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ. №26**

**Современная Россия и мир:
альтернативы развития
(Россия и Западная Европа: влияние образов стран на
двусторонние отношения)**

***Материалы международной
научно-практической конференции***

Подписано в печать 16.11.2010 г. Формат 60х⁸⁴/₁₆.
Шрифт Times NR. Бумага офсетная. Печать Riso.
Усл.-печ. 11,76. Тираж 200 экз. Заказ 372.

Издательство Алтайского государственного университета.
Типография Алтайского государственного университета.
656049, Барнаул, 49, ул. Димитрова, 66